

П. П. Черкасов

# Александр II и Наполеон III



Петр Черкасов

**Александр II и Наполеон  
III. Несостоявшийся  
союз (1856–1870).**

«Товарищество научных изданий КМК»

2015

УДК 94(47).081:327(44)

ББК 63.3(2)522-6+63.3(4Фра)525-6

## **Черкасов П. П.**

Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). / П. П. Черкасов — «Товарищество научных изданий КМК», 2015

ISBN 978-5-9907157-8-3

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. открыло новую страницу в истории российско-французских отношений. Европа стала свидетелем неожиданного сближения вчерашних противников – России и Франции. В Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе всерьез опасались, что это сближение может привести к политическому союзу между молодым царем Александром II и императором французов Наполеоном III. Что лежало в основе сближения двух недавних противников, кто и по каким причинам – Александр или Наполеон – инициировал этот процесс, как развивались отношения между Россией и Второй империей после окончания Крымской войны, были ли реальные шансы на заключение союза двух стран, наконец, почему такой союз не состоялся? Эти и другие вопросы, входившие в повестку дня российско-французских отношений в период между Крымской и Франко-прусской (1870–1871 гг.) войнами, рассматриваются в книге, написанной по материалам дипломатических архивов Москвы и Парижа (около 200 архивных дел). Перед читателем предстает богатая портретная галерея монархов, лиц из их ближайшего окружения, министров и дипломатов разных уровней, причастных к развитию российско-французских отношений. Это – Александр II и Наполеон III, императрицы Мария Александровна и Евгения, великий князь Константин Николаевич и принц Наполеон-Жером, князь Горчаков и граф де Мори, граф Валевский и граф Орлов, граф Киселев и герцог де Монтебелло, барон Будберг и барон де Талейран-Перигор, граф Стакельберг и генерал Флери... Для

историков и всех, кто интересуется отечественной и европейской историей.

УДК 94(47).081:327(44)

ББК 63.3(2)522-6+63.3(4Фра)525-6

ISBN 978-5-9907157-8-3

© Черкасов П. П., 2015

© Товарищество научных изданий

КМК, 2015

## Содержание

От автора	7
Глава 1	9
Александр II	9
Наполеон III	17
Глава 2	33
Зондаж Наполеона III	33
Граф Орлов и барон Бруннов	39
«Русский пособник» граф Валевский	45
Князь Горчаков и его «французский проект»	55
Глава 3	66
Сводный брат императора	66
Трактат о торговле и мореплавании 14 июня 1857 г.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Пётр Черкасов**  
**Александр II и Наполеон III.**  
**Несостоявшийся союз (1856–1870)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ  
Центр французских исторических исследований

ACADEMIE DES SCIENCES DE RUSSIE  
INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE  
Centre d'ertudes historiques françaises

Piotr Tcherkassov  
Alexandre II et Napoléon III

*Une alliance inachevee*  
*(1856–1870)*

Рецензенты  
доктор исторических наук *О.В. Серова*  
кандидат исторических наук *К.П. Зуева*

## От автора

В истории дипломатических отношений между Россией и Францией со времени их установления в начале XVIII века постоянно проявлялись две противоположные тенденции – к взаимодействию и отчужденности. Наиболее ярко столкновение этих двух тенденций проявилось в середине XIX века, когда на завершающем этапе Крымской войны 1853–1856 гг. Европа стала свидетелем неожиданного сближения двух противников – России и Франции. В Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе всерьез начали опасаться, что это сближение может привести к политическому союзу между молодым царем Александром II и императором французов Наполеоном III.

Что лежало в основе сближения двух недавних противников? Кто и по каким причинам – Александр или Наполеон – инициировал этот процесс? Как развивались отношения между Россией и Францией после окончания Крымской войны? В чем сходились и в чем расходились позиции Петербурга и Парижа, как в рамках двусторонних отношений, так и применительно к европейским проблемам той эпохи? Были ли реальные шансы на заключение союза двух стран? Наконец, почему такой союз не состоялся?

Эти и другие вопросы, составлявшие повестку дня российско-французских отношений в период между окончанием Крымской войны и началом Франко-прусской войны 1870–1871 гг., приведшей к падению Второй империи во Франции, рассматриваются в предлагаемой вниманию читателя книге. Она написана на материалах дипломатических архивов Москвы и Парижа. Внимательному изучению подверглись около 200 томов дипломатической переписки и других документов. В подавляющей массе содержащиеся в них материалы впервые вводятся в научный оборот.

В данной работе автор не ограничился исследованием собственно российско-французских отношений того времени. Он попытался рассмотреть эти отношения в широком контексте европейской политики второй половины XIX столетия, проанализировать подходы России и Франции к ряду важнейших международных проблем изучаемой эпохи – таких как Восточный и Польский вопросы, процесс объединения Италии и Германии и др.

Совершенно осознанно автор в своем исследовании акцентирует внимание на роли личностей в российско-французских отношениях изучаемого 15-летнего периода, пытаюсь показать конкретный вклад монархов и их ближайшего окружения в развитие политического диалога между Петербургом и Парижем, раскрыть специфический «почерк» российских и французских дипломатов, работавших на этом направлении. Отсюда и пристальный интерес к повседневной работе дипломатов разных уровней – послов, полномочных министров, поверенных в делах, советников и секретарей посольств.

Автор предлагает вниманию читателя галерею портретных зарисовок главных действующих лиц, вовлеченных в российско-французскую дипломатию 1850–1860-х гг. Это – Александр II и Наполеон III, императрицы Мария Александровна и Евгения, великий князь Константин Николаевич и принц Наполеон-Жером, князь Александр Михайлович Горчаков и граф Шарль Огюст де Морьи, граф Александр Валевский и граф Алексей Федорович Орлов, граф Павел Дмитриевич Киселев и герцог Луи Наполеон де Монтебелло, бароны Филипп Иванович Бруннов, Андрей Федорович Будберг и Шарль Анжелик де Талейран-Пери-гор, граф Эрнест Густавович Стакельберг и генерал Эмиль Феликс Флери...

В завершение хотел бы выразить искреннюю признательность тем, кто, так или иначе, оказывал мне содействие в работе над этой книгой. Прежде всего, это относится к начальнику Архива внешней политики Российской империи Ирине Владимировне Поповой и заведующей читальным залом АВПРИ Алле Викторовне Абраменковой, к дирекции и сотрудникам Архива Министерства иностранных дел Франции. Особая моя благодарность –

Администрации Дома наук о человеке (Париж) и Посольству Франции в России за неоднократно предоставленную возможность работать во французских архивах и библиотеках. Я благодарен доктору исторических наук Наталии Петровне Таныпиной за возможность ознакомиться с публикацией переписки княгини Д. Х. Дивен и графа де Мории. Дружескую помощь при подготовке книги к изданию оказал мне Николя де Буйан де Лакост, Первый советник Посольства Франции в Москве. Всем им адресую мою сердечную благодарность.

# Глава 1

## Самодержавный либерал и император-социалист

### Александр II

В полдень 17 апреля 1818 г. 201 пушечный выстрел известил жителей Москвы о важном государственном событии – рождении первенца-сына в семье великого князя Николая Павловича, брата императора Александра I. Поскольку и сам император, и его официальный наследник, великий князь Константин Павлович были бездетны, люди сведущие уже тогда могли предположить, что на свет появился будущий император. Правда, столь далеко весной 1818 г. заглядывали немногие. Радость по поводу прибавления в Императорской фамилии была тем большей, что рождение младенца пришлось на середину Пасхальной недели, когда весь православный люд в первопрестольной праздновал Воскресение Христово. Впоследствии биографы Александра II будут подчеркивать тот факт, что Царь-Освободитель, единственный после Петра Великого русский самодержец, родился именно в Москве, в архиерейском доме при древнем Чудовом монастыре в Кремле, а не в Санкт-Петербурге или в окрестных императорских резиденциях – Царском Селе, Павловске или Гатчине, как большинство его предшественников<sup>1</sup>. Это, конечно же, случайное совпадение будет трактоваться придворными историками как знак особой связи Александра II с тысячелетней российской монархией, к юбилею которой в 1866 г. он воздвигнет замечательный памятник в Великом Новгороде.

Спустя три недели после рождения, 5 мая 1818 г., в присутствии императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны (тетки и бабушки новорожденного) в Чудовом монастыре состоялось крещение младенца. Он был внесен в храм статс-дамой графиней Дарьей Христофоровной Дивен, супруг которой впоследствии станет одним из воспитателей Александра. Со стороны отца восприемником при крещении младенца был его дядя, император Александр Павлович, а со стороны матери – родной дед, король Пруссии Фридрих-Вильгельм III<sup>2</sup>. Совсем недавно, в июне 1817 г. король выдал свою дочь, Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину замуж за внука Екатерины II, великого князя Николая Павловича. Перейдя в православие, прусская принцесса стала именоваться Александрой Федоровной. Ко времени рождения у нее первенца-сына дочь прусского короля, еще не вполне освоилась в России, и по этой причине общалась с Александром на своем родном языке, ставшим для него первым, наряду с русским, на котором с ним говорил отец. Это уже потом юный великий князь освоит французский, английский и польский.

Близкое родство с Гогенцолернами станет первым камнем, заложенным в формирование основ политического мировоззрения будущего самодержца. Это родство, старательно поддерживаемое матерью с полного одобрения отца, последовательного приверженца союза с Пруссией, будет глубоко воспринято и усвоено Александром II, что найдет воплощение

---

<sup>1</sup> Биография Александра II достаточно полно исследована в исторической литературе. См.: *Лягиенко Леонид*. Александр II, или История трех одиночеств. 2-е изд. доп. М., 2003; *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006; *Яковлев А.И.* Александр II и его эпоха. М., 1992; *Carrere d'Encausse Helene*. Alexandre II. Le printemps de la Russie. R., 2008. (Русское издание – *Каррер д'Анкосс Э.* Александр II. Весна России. М., 2010). См. также: Родина. Специальный выпуск. Александр II и реформы. 2014. № 4.

<sup>2</sup> Узнав о рождении внука, Фридрих-Вильгельм III пожаловал ему орден Черного орла, знаки которого были доставлены в Москву ко дню крещения Александра, а в начале июня 1818 г. прусский король лично явился туда в сопровождении двух сыновей – кронпринца Вильгельма и принца Карла.

в его внешней политике. Даже в выборе государственного флага Российской империи он отдаст предпочтение цветам Гогенцоллернов – черно-желто-белому, отказавшись от красно-бело-бирюзового, введенного Петром Великим. Он оставит «голландский» триколор лишь для торговых судов российского флота. Но все это будет еще не скоро. А пока предстоял долгий процесс воспитания и обучения.

Вскоре после крещения двор возвратился в Петербург, с которым связаны первые жизненные впечатления Александра. Безусловно, самым запоминающимся для него стал день 14 декабря 1825 г., когда семилетнего мальчика, занятого в Аничковом дворце раскрашиванием литографической картинки, флигель-адъютант Кавелин по приказу вступившего на престол Николая Павловича срочно доставил в Зимний дворец, откуда его вынесли к выстроившемуся во дворе лейб-гвардии Саперному батальону, поддержавшему Николая I в день восстания части гвардейских полков. Император передал сына на руки георгиевским кавалерам, попросив их любить наследника-цесаревича, как сам он любит их, защитников престола и отечества. Воодушевленные доверием государя саперы с криками радости и восторга подошли к явно испуганному мальчику, чтобы прильнуть к его рукам и ногам. Александр навсегда запомнил этот день, когда решалась судьба не только его отца и всей династии, но и самой России.

А годом ранее юного великого князя передали из под надзора женского персонала, приставленного к нему матерью с момента рождения, на попечение капитана Карла Карловича Мердера, ветерана кампаний 1805 и 1807 гг., дежурного офицера 1-го кадетского корпуса. Он был выбран самим Николаем Павловичем, хорошо его знавшим и ценившим. Израненный в боях, суровый на вид капитан Мердер, оказался на редкость добрым человеком, приверженным гуманным и вместе с тем разумным методам воспитания. Шестилетний Саша быстро это оценил, и между ними установились доверительные отношения. Система занятий Мердера с его воспитанником приносила заметные результаты, о чем можно судить по дневниковым записям, которые аккуратно вел первый наставник будущего императора<sup>3</sup>. Великий князь был доволен успехами сына, который по достижении семи лет был произведен в корнеты с зачислением в л. – гв. Гусарский полк. Мундиру гвардейских гусар Александр сохранит верность до конца дней.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, его отец, к тому времени уже император, решил приступить к более серьезному образованию наследника престола. К этому ответственному делу он привлек близкого ко двору поэта Василия Андреевича Жуковского, который разработал для цесаревича специальный учебный план («План учения»), над составлением которого он трудился более полугода. В основу образовательной системы Жуковский положил соединение собственно образования с воспитанием, подчинив учебу задаче усвоения учеником нравственных идеалов христианина и высокой миссии будущего государя. Сам Жуковский определил свою цель следующим образом – «образование для добродетели». Одновременно он вооружал своего воспитанника самыми современными к тому времени сведениями из разных областей знаний. Много усилий Василий Андреевич прилагал к тому, чтобы ослабить неблагоприятное по его убеждению влияние на наследника престола придворной и военной среды. Здесь ему нередко приходилось встречать непонимание императора, видевшего в сыне прежде всего военного человека, а потом уже гражданского администратора. Сам Николай Павлович буквально обожал военную среду и очень рано привил Александру любовь к плац-парадам. Однажды, находясь в гостях у своего деда в Потсдаме, одиннадцатилетний мальчик произвел настоящий фурор, когда лихо командовал на плацу, обнаружив детальное знание прусской шагистики. Василий Андреевич опасался чрезмерного увлечения своего царственного воспитанника военной муштрой.

---

<sup>3</sup> «Дневник Мердера» был опубликован в журнале «Русская старина», 1885. Кн. 46, 47, 48.

Эти свои опасения в завуалированной форме он неоднократно высказывал императору, а более откровенно – императрице. В одном из писем он прямо поделился с ней опасением, что наследник престола может привыкнуть «видеть в народе только полк, в отечестве – казарму». Тем не менее, Жуковский вынужден был считаться с непреклонной волей императора и тягой самого цесаревича к военным экзерцициям, но при этом он умело закладывал в голову и душу своего воспитанника более важные, как он полагал, знания и убеждения.

Рано проявившиеся у Александра гуманные устремления, позднее оформившиеся в умеренно либеральное мировоззрение, позволявшее говорить о нем как о просвещенном самодержце-либерале, – в значительной степени результат воспитательной деятельности Жуковского.

К девятнадцати годам образование наследника-цесаревича в основном было завершено. Он получил необходимые знания по математике, физике, естественной и политической истории, географии, правоведению, статистике, основам политической экономии и православному катехизису. Военное дело Александр изучил как теоретически, так и практически, регулярно бывая на летних лагерных сборах. Он свободно говорил на четырех иностранных языках – немецком, французском, английском и польском. Последний был ему необходим как будущему польскому государю. И, разумеется, Жуковский дал своему ученику необходимые знания в области мировой и новейшей русской литературы. Природа наделила Александра художественным вкусом, развитым с помощью опытных учителей. Он хорошо разобрался в истории искусства и архитектуры.

Непосредственное знакомство со страной, которой ему предстояло управлять, наследник-цесаревич получил в ходе многомесячного путешествия по европейским и частично сибирским губерниям Российской империи, предпринятого в 1837 г. в обществе В.А. Жуковского и К.И. Арсеньева, своего учителя статистики и русской истории. Во время посещения Тобольска Александр встретился со ссыльными декабристами. По возвращении он ходатайствовал перед императором об облегчении их участи.

Год спустя, в 1838 г., наследник престола в сопровождении своего наставника, светлейшего князя Христофора Андреевича Ливена<sup>4</sup> и генерал-адъютанта графа Алексея Федоровича Орлова отправился в длительное заграничное путешествие по Западной Европе, побывав в Швеции, Дании, Германии, Швейцарии, Италии, Англии и Австрии. Повсюду Александр посещал достопамятные места – музеи, библиотеки, поля сражений. Большой интерес у будущего самодержца вызвало знакомство с деятельностью парламентов, существовавших уже во многих европейских государствах.

Александр очень хотел побывать во Франции, но император Николай исключил ее из маршрута путешествия, сославшись на недружественный характер его отношений с «фальшивой» монархией «короля-гражданина» Луи-Филиппа. Свою мечту увидеть тогдашнюю столицу мира – Париж – Александр осуществит лишь через тридцать лет, в 1867 г.

Во время заграничного путешествия произойдет важное событие в личной жизни цесаревича. В Германии он встретит и страстно влюбится в 15-летнюю принцессу Максимилиану Вильгельмину Августу Софию Марию, младшую дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского. Отец поначалу не одобрил выбор сына, посчитав его мезальянсом. При европейских дворах ходили упорные слухи, будто настоящим отцом принцессы Марии, как и ее старшего брата, Александра, был вовсе не великий герцог, а камергер двора великой герцогини Гессенской барон фон Сенарклен де Граней. Будучи вынужден официально признать этих двоих детей, герцог Людвиг II предпочитал проживать вдали от них и своей неверной супруги. Тем не менее, он считал своим долгом обеспечить будущее Марии, хотя даже и не мечтал о такой партии для нее, как наследник русского престола.

---

<sup>4</sup> Князь Ливен умер в конце декабря 1838 г., когда они с наследником-цесаревичем находились в Риме.

Указанное обстоятельство, скорее всего, и смущало Николая I, но, поразмыслив, он согласился на этот брак. По всей видимости, император решил, что женитьба поможет сыну освободиться от «пагубной», по его мнению, привязанности Александра к юной фрейлине Ольге Калиновской, на которой он даже намеревался жениться. Отправляя сына в европейское путешествие, Николай, среди прочего, хотел разлучить двух возлюбленных, устойчивая связь которых начала всерьез его беспокоить.

Расчет царя на то, что продолжительная разлука может быть лучшим лекарством от любви, в данном случае оправдался. Потосковав первое время по Ольге, Александр постепенно стал ее забывать, тем более что в путешествии, продолжавшемся целый год, ему встретилось множество красавиц, проявлявших откровенный интерес к самому завидному в Европе жениху. Русским наследным принцем всерьез увлеклась даже юная королева Виктория, незадолго до его приезда занявшая английский престол. Александр с первой же встречи произвел на нее столь сильное впечатление, что при дворе Ее Величества пошли разговоры о русском браке. Этому способствовали частые уединенные встречи молодых людей, не скрывавших взаимной симпатии, а, может быть, даже и чего-то большего...

Когда об очередном увлечении цесаревича узнал Николай Павлович, он приказал ему немедленно выехать из Англии. Перспектива видеть сына принцем-консортом британской короны никак не могла устраивать российского самодержца. Он напомнил Александру о гессен-дармштадтской принцессе, настоятельно порекомендовав ему нанести повторный визит великому герцогу. Одним словом, государь пересмотрел свой прежний взгляд на казавшуюся ему мезальянсом женитьбу Александра на Марии.

Послушный сын последовал указанию строгого родителя и поспешил в Гессен-Дармштадт, где уже проявляли беспокойство в связи с затянувшимся отсутствием жениха. Вскоре состоялась помолвка, а через два года, в апреле 1841 г., молодые люди обвенчались. Дочь великого герцога, как этого требовали законы Российской империи, предварительно перешла в православие и стала именоваться государыней великой княгиней Марией Александровной. Наделенная от природы хрупким здоровьем, супруга наследника-цесаревича, тем не менее, родит ему шестерых сыновей (Николая, Александра, Владимира, Алексея, Сергея, Павла) и двух дочерей (Александрю и Марию).

Привязанность к жене не мешает Александру, никогда не отличавшемуся постоянством, время от времени заводить короткие романы, пока в марте 1865 г. он, уже десять лет как император, не встретит 17-летнюю выпускницу Смольного института княжну Екатерину Долгорукову, которая станет женщиной его судьбы...

После завершения обучения и женитьбы сына император начал активно привлекать его к участию в делах управления государством. Он ввел его в Государственный совет и в Комитет министров, поручил присутствовать на заседаниях Финансового комитета. Когда в 1842 г. государь на месяц уехал из Петербурга, он впервые доверил наследнику управление текущими государственными делами, а вернувшись, с удовлетворением обнаружил, что Александр успешно справился с ответственным поручением. В последующем император при отъездах из столицы оставлял государство на попечение цесаревича. С середины 40-х гг. он неоднократно назначал его председателем особых комитетов, занимавшихся различными вопросами государственной жизни, в частности, крестьянским вопросом (в 1846 и 1848 гг.). Как известно, Николай Павлович всерьез размышлял об отмене крепостного права, но потенциальная угроза разорения поместного дворянства остановила его в осуществлении этого благого намерения.

В 1850 г. цесаревич побывал с инспекционной миссией на Кавказе, откуда неожиданно для самого себя вернулся георгиевским кавалером.

В ходе поездки он посетил Тифлис, Кутаиси, Ахалцых, Эривань, Эчмиадзин; затем переправился в Баку, а оттуда, следуя вдоль каспийского побережья, через Дербент, добрался

до незамирного еще Дагестана, где продолжались боевые действия с отрядами неуловимого Шамиля. Здесь наследник, которого сопровождал в поездке наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе генерал-адъютант граф Михаил Семенович Воронцов, оказался участником боевой схватки, в которой с риском для жизни проявил личное мужество, взяв на себя командование. Этот инцидент, имевший место 26 октября 1850 г., получил широкую огласку. Вот что писал об этом французский посланник в Петербурге генерал де Кастельбажак в своем донесении в Париж: «Наследный великий князь вернулся из инспекционной поездки в Кавказскую армию, в ходе которой он посетил провинции этой части Империи. Во время одного из объездов вдоль линии границы русских владений его эскорт подвергся неожиданной атаке со стороны находившихся в засаде горцев, попытавшегося его захватить. Мгновенно сориентировавшись в обстановке, великий князь устремился во главе кавалерийского отряда на противника и сумел рассеять его, обнаружив великолепную храбрость. Князь Воронцов, свидетель этого боевого столкновения, попросил для Его Императорского Высочества георгиевский крест, который Император ему только что пожаловал»<sup>5</sup>.

В действительности никакой засады не было. Наследник во главе отряда пехоты и нескольких сотен казаков следовал из Воздвиженской крепости в Ачхой, когда заметил впереди неприятельский конный разъезд. Оставив позади свои главные силы, а также графа Воронцова, из-за недомогания следовавшего в коляске, Александр с двумя десятками казаков, устремился на противника, встретившего их беспорядочной стрельбой. Осознав явное превосходство русских, горцы, отстреливаясь, бросились бежать, а вошедший в азарт Александр продолжал их преследовать, далеко оторвавшись от отряда. Пришедший в себя главнокомандующий, немедленно пересев из коляски на коня, поспешил направить линейных казаков наперерез отступавшим чеченцам, которых удалось рассеять. Сам же поскакал догонять наследника.

Воронцов был всерьез напуган неожиданным порывом цесаревича, который в буквальном смысле рисковал жизнью, но отдал должное быстроте его реакции и храбрости. О происшедшем он сообщил в донесении императору, попросив для Александра крест св. Георгия 4-й степени. Николай удовлетворил ходатайство наместника, одновременно назначив новоиспеченного георгиевского кавалера шефом Эриванского карабинерного полка. Полученный крест позволил цесаревичу по возвращении в Петербург принять на равных участие в орденом празднике св. Георгия, ежегодно отмечавшемся 26 ноября.

Инцидент на Кавказе, помимо прочего, выявил одну черту в характере наследника престола, которую отмечали в нем внимательные наблюдатели – чрезмерную азартность, проявляющуюся, в частности, в увлечении карточной игрой. «Единственный недостаток, который можно было бы приписать цесаревичу, – это его азартность, излишняя страсть к игре, но после того, как ему постарались внушить, что тем самым он может подать дурной пример двору, наследник старается сдерживать себя», – свидетельствовал граф де Рейзе, французский поверенный в делах при дворе Николая I.<sup>6</sup>

Среди других слабостей цесаревича некоторые осведомленные современники указывали на его непостоянство и недостаток энергии. Впрочем, другие – не менее осведомленные – отвергали это мнение, напоминая о той настойчивой последовательности, с которой Александр Николаевич, несмотря на противодействие недовольных, проводил глубокое реформирование Российской империи.

В целом же личные качества будущего императора вызывали скорее положительную, нежели критическую оценку тех, кто его знал. Здесь можно привести достаточно беспри-

<sup>5</sup> Archives des Affaires Etrangeres (далее – ААЕ). Correspondance politique. Russie. Vol. 205. Fol. 251 (донесение от 1 декабря 1850 г.).

<sup>6</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 209. Fol. 231 verso. *Рейзе – Друэн де Люисы, 2 июля 1853 г.*

страстное мнение двух французских дипломатов, лично соприкасавшихся с ним в начале 1850-х гг.

Первое принадлежит графу де Райневалю, советнику французского посольства в Петербурге. Оно относится к сентябрю 1852 г. В донесении, адресованном министру иностранных дел Друэн де Люису, дипломат писал об Александре: «...Он наделен на редкость красивым телосложением и столь же красивым и одновременно умным лицом. Наследник проявляет такие высокие способности к учебе и такое усердие к наукам, что его наставник, желая не перегружать его чрезмерно, порекомендовал великому князю сделать перерыв в занятиях. Его отец, говоря о нем, сказал, что он уже хорошо разбирается в вопросах чести и умеет отличить правду от лжи.

<...> Цесаревич старателен и очень хорошо образован. Он прекрасно говорит на всех основных европейских языках. В настоящее время он входит в состав высшего военного руководства и кроме того он командует императорской гвардией и гренадерским корпусом. Открытый человек, надежный и верный друг, он способен выслушивать и давать разумные советы; он не способен обмануть доверившегося ему человека и может выдержать любое испытание. <...>

Природная мягкость великого князя и его безграничная доброжелательность могут создавать впечатление, что ему не достает твердости, но те, кто знает его близко, уверяют в противоположном: как раз твердости у него в избытке, и что если сегодня он ведет себя гибко и уступчиво, то это объясняется исключительно тем уважением, которое он испытывает к своему отцу, не желая огорчать его каким бы то ни было неповиновением»<sup>7</sup>.

Судя по свидетельству другого француза, упоминавшегося выше графа де Рейзе, Николай I был полностью удовлетворен плодами воспитания и образования наследника. Однажды, в частном разговоре, в ответ на комплименты по поводу высоких качеств великого князя, он признался французскому дипломату: «Вы совершенно правы! Александр – славный мальчик, вам еще предстоит его оценить. Должен сказать, я веду себя по отношению к нему совсем иначе, чем обращались со мной в его возрасте. Я ничего не понимал в делах управления, и вынужден был все познавать самостоятельно.

Мой сын, напротив, хорошо подготовлен, и как только Господу будет угодно призвать меня к себе, я уверен, что Россия после меня будет хорошо управляться».

«Замечательные качества ума и сердца, которыми наделен наследный великий князь, уже обеспечили ему любовь всех классов общества», – заметил граф де Рейзе. При этом, правда, он посчитал нужным добавить: «Единственное исключение может составлять маленькая партия славянофилов, настроенных к нему оппозиционно, но это не более чем ничтожная группа, в которую не входит ни один сколь ни будь серьезный человек»<sup>8</sup>.

Взгляды Александра на дела государственного управления, по крайней мере внешне, в эти годы отличались осторожным консерватизмом. Трудно сказать, в какой мере это отражало его действительные настроения или делалось в угоду отцу, убежденному консерватору, слывшему даже ретроградом. Во всяком случае, при жизни Николая Павловича наследник никогда не высказывал мнений, которые расходились бы с точкой зрения императора. Только после смерти Николая I, вступив на престол, Александр II в доверительных беседах признавался, что не всегда был согласен с отцом, но не смел ему перечить. Так было, например, в канун злополучной Крымской войны, когда Россия оказалась в фактической международной изоляции, которой, по мнению наследника можно было избежать, не доводя до критической точки противоречия с Францией и Англией.

---

<sup>7</sup> Ibid. Vol. 207. Fol. 132–132 verso, 134 verso, 136 verso-137.

<sup>8</sup> Ibid. Vol. 209. Fol. 230 verso-231 verso. *Рейзе – Друэн де Люису, 2 июля 1853 г.*

По мнению большинства биографов Александра, глубокое влияние на его взгляды, в частности, по крестьянскому вопросу оказал генерал от инфантерии Я.И. Ростовцев. Когда-то, в далеком 1825 г., подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Яков Ростовцев, посвященный в заговор декабристов, раскрыл их намерения великому князю Николаю Павловичу, что обеспечило ему в дальнейшем блестящую карьеру. Трудно сказать, тяжелые ли воспоминания о преданных им товарищах, отправленных на эшафот и в сибирскую каторгу, или что другое, но всю дальнейшую жизнь генерал Ростовцев пытался содействовать воплощению тех самых идеалов, которые исповедовали друзья его молодости. При этом, правда, он, казалось, мысленно спорил с ними, доказывая преимущества пути реформ перед бунтом. Генерал-адъютант Ростовцев стал активным поборником дела освобождения крестьян, одним из редких либералов в окружении императора Николая, что само по себе уже было удивительно.

Близкое знакомство с Ростовцевым началось у Александра в 1849 г., когда наследник, после смерти великого князя Михаила Павловича, своего дяди, заменил его в должностях командующего Гвардейским и Гренадерским корпусами и Главного начальника всех военно-учебных заведений империи.

Генерал Ростовцев стал ближайшим помощником цесаревича в управлении военно-учебными заведениями. Очень скоро между ними установились доверительные отношения, позволившие либерально мыслящему генералу откровенно разговаривать с юным Александром на самые серьезные политические темы. Свои несбывшиеся надежды на обновление основ государственного и общественного строя Российской империи генерал Ростовцев связал с наследником престола, в котором он одним из первых разглядел задатки будущего реформатора. В определенной мере можно говорить о том, что Ростовцев продолжил дело его воспитания, начатое В.А. Жуковским, придав ему политическую направленность.

Все биографы Александра II сходятся в том, что поворотным моментом в окончательном формировании убеждений будущего императора стала злосчастная Крымская война, изменившая многие из внушенных ему представлений о путях дальнейшего развития России. То, что казалось ему незыблемым и единственно верным, не выдержало испытаний в соприкосновении с реальностью. Серия поражений русской армии, считавшейся лучшей в Европе, обнажила застарелые проблемы, решение которых под разными предлогами откладывалось со времен Екатерины Великой. Первая европейская держава оказалась, употребляя позднейшее определение, «колоссом на глиняных ногах», бессильным перед лицом более развитых европейских государств – Англии и Франции. Архаичность экономической и политической систем России требовала неотложного ее обновления. Кто знает, быть может, к этому горькому выводу после столь же унижительных, сколь и неожиданных поражений русской армии в Крыму, пришел и Николай I, но не в его силах было признать крах той самой системы, которую он последовательно строил с момента восшествия на престол. Он предпочел умереть, оставив сыну завет – «держатъ всё». «Воспитанный в духе идеалов отца, – отмечает современный французский историк Элен Каррер д'Анкосс, – верный сын, Александр II внимательно отнесся к этому последнему наказу; но он стал императором, а Россия, которой он должен был править, уже была не той, которую хотел сохранить отец»<sup>9</sup>. Именно в поражении России в Крымской войне все исследователи видят истоки будущих Великих реформ Царя-Освободителя, о чем речь впереди.

Что же касается представлений Александра Николаевича в области внешней политики России, то они, вплоть до окончания войны, доставшейся ему в наследство, определялись внушенным отцом убеждением в незыблемости союза легитимных монархий против попыток пересмотреть итоги войн с Наполеоном. Правда, и здесь предательство давней союз-

---

<sup>9</sup> Каррер д'Анкосс Э. Указ соч. С. 46.

ницы, Австрии, фактически переметнувшейся на сторону англо-франко-турецкой коалиции, побудит императора Александра серьезно скорректировать свою позицию в этом вопросе. Ему хватит здравого смысла отрешиться от внушенных предубеждений и недавних обид, связанных с Крымской войной, и пойти навстречу Наполеону III, который протянет молодому царю руку дружбы.

Как себе представлял будущий император отношения с Францией? Свидетельства об этом можно встретить в депешах, направлявшихся в Париж из французского посольства в Петербурге. В качестве примера можно привести одно из таких высказываний, относящихся к началу 1850-х гг.

«Из всей Императорской семьи, – сообщал в Париж временный поверенный французского посольства граф де Райневаль, – наследный великий князь более других расположен к Франции. Его друг детства, с которым я часто разговаривал о нем, сказал мне, что он весьма интересуется всем, что делает Принц-Президент<sup>10</sup>, что он проявляет самый живой интерес ко всему, что имеет отношение к Его Высочеству (т. е. к Луи-Наполеону. – П.Ч.), и что он внимательно читает все депеши, поступающие из Парижа. В последний раз он попросил его достать ему военную медаль, которую Принц учредил для нашей армии. Он мне сказал также, что в излияниях своих дружеских чувств великий князь часто повторял, что, когда он станет Императором, то установит самые лучшие отношения с Францией, так как осознает ту большую пользу, которую имел бы для двух стран искренний союз»<sup>11</sup>.

Таков в самых общих чертах портрет будущего императора Александра II ко времени, когда ему доведется вступить в политический диалог с Наполеоном III.

Оставим для последующих глав рассмотрение тех реформ, которые предстояло осуществить Царю-Освободителю. Обратимся теперь к его французскому «кузену», чей портрет и государственная деятельность будут даны в более завершенном виде, учитывая то обстоятельство, что император французов утратил престол в то время (сентябрь 1870 г.), когда Александру II оставалось царствовать еще более десяти лет.

---

<sup>10</sup> Речь идет о Луи-Наполеоне Бонапарте, занимавшем в то время пост президента Французской республики. – П.Ч.

<sup>11</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 207. Fol. 132–132 verso. Райневаль – Друэн деЛюис, 18 сентября 1852 г.

## Наполеон III

Когда в ночь с 20 на 21 апреля 1808 г. в роскошном парижском особняке на улице Сер-рюти (ныне рю Лаффит) на свет появился Шарль-Луи-Наполеон (с самого начала в семье его станут называть просто Луи или Луи-Наполеон), никто, включая родителей новорожденного, не мог предположить, что именно ему суждено стать преемником великого императора<sup>12</sup>.

Отцом основателя Второй империи был Людовик, младший брат Наполеона, сопровождавший великого полководца в Итальянском и Египетском походах, но совершенно равнодушный к воинской славе, как и к политике. В январе 1802 г. Наполеон женил брата, не считавшись с его желанием, а точнее – с нежеланием, на своей падчерице, Гортензии Богарне, дочери Жозефины от первого брака. Таким образом, новорожденный Луи-Наполеон доводился племянником Наполеону и внуком – императрице Жозефине. Правда, уже через год после рождения малыша его бабушка, оставленная мужем ради его второго брака с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой, перестанет быть царствующей императрицей. Тем не менее, Наполеон изъявил желание быть крестным отцом своего племянника. Крестины состоялись в воскресный день 4 ноября 1810 г. во дворце Фонтенбло, причем в отсутствие отца ребенка, что стало поводом для новой волны слухов об интимных отношениях Наполеона со своей падчерицей, к чьим детям он относился с подчеркнутым вниманием. По слухам, впрочем, совершенно необоснованным, именно император был отцом всех трех сыновей Гортензии. Особо он отличал старшего из своих племянников – Наполеона-Шарля, родившегося в 1802 г. Не имея от Жозефины детей, Наполеон намеревался даже сделать его своим наследником и пожелал усыновить малыша, но натолкнулся на сопротивление законного отца мальчика, уязвленного слухами об отношениях старшего брата и Гортензии. Отказ Людовика уступить желанию Наполеона раздосадовал последнего, осложнив и без того непростые отношения между двумя братьями. Между тем в 1807 г., не достигнув и пяти лет, Наполеон-Шарль умирает, и потенциальным наследником все еще бездетного Наполеона становится второй сын Людовика и Гортензии, Наполеон-Людовик, родившийся в 1804 г., одновременно с учреждением Империи. Их третий сын, годовалый Луи-Наполеон, – следующий претендент на престол Бонапартов.

Исключительному положению детей Гортензии при дворе императора французов пришел конец в марте 1811 г., когда Мария-Луиза, вторая жена Наполеона, подарила мужу долгожданного наследника. Именно король Римский считался отныне преемником Наполеона. Гортензии пришлось удовольствоваться тем, что она стала крестной матерью царственного младенца.

Между тем брак Людовика Бонапарта и Гортензии Богарне, не задавшийся с самого начала, фактически распался. Бывший голландский король предпочел удалиться в германские земли, подальше от подавлявшего его влияния старшего брата. Гортензия, покинув Голландию, обосновалась в Париже, где вскоре обрела женское счастье в обществе светского повесы, 25-летнего кавалерийского офицера графа Шарля де Флао де Ла Биллардери, приемного сына Талейрана. От этой связи 20 октября 1811 г. у нее родится мальчик, которому дадут имя Шарль-Огюст-Луи-Жозеф. В скором времени он будет усыновлен бездетным графом

---

<sup>12</sup> Наполеону III посвящена обширная литература. Среди новейших работ можно назвать: *Anceau E.* Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval. P., 2008; *Bordenove G.* Napoléon III. P., 1998; *Carteret A.* Napoléon III. Actes et paroles. Guide. P., 2008; *Cristophe R.* Napoléon III au tribunal de l'histoire. P., 1971; *Decker M. de.* Napoléon III ou l'empire des sens. P., 2008; *Girard L.* Napoléon III. P., 1996; *Lahlou R.* Napoléon III ou l'obstination couronnée. 3-me éd. P., 2007; *Milza P.* Napoléon III. P., 2004; *Sagnes J.* Napoléon III. Le parcours d'un Saint-Simonié. P., 2008; *Séguin P.* Louis Napoléon le Grand. P., 1990; *Smith W.* Napoléon III. P., 2007.

де Морни. Впоследствии младший Морни, как сводный брат Наполеона III, станет одним из создателей и столпов Второй империи, министром, герцогом и председателем Законодательного корпуса.

Надо признать, что увлеченная красавцем Флао Гортензия никогда не забывала о двух своих «законных» сыновьях. Она была образцовая мать и не жалела сил для того, чтобы дать им надлежащее воспитание. Страстная поклонница Наполеона, Гортензия и детям внушала чувства романтического преклонения перед их великим дядей. Наиболее сильное впечатление материнские наставления производили на младшего, Луи-Наполеона, буквально боготворившего императора.

Первые детские годы Луи-Наполеона были поистине безоблачными. Мальчик проводил время между императорской резиденцией Тюильри, где он жил с матерью и старшим братом, загородным поместьем Маль-мезон, куда его часто возили к бабушке, опальной императрице Жозефине, и курортом Экс-ле-Бен, где Гортензия любила отдыхать и проходить лечение на водах. Именно там она встретила графа де Флао.

Безмятежная жизнь закончилась 31 марта 1814 г. В этот день шестилетний Луи-Наполеон из окна Тюильри видит, как войска антифранцузской коалиции входят в Париж. Позднее он узнает, что русский император Александр I имел благородное намерение обеспечить интересы императрицы Жозефины, ее дочери и внуков. 16 апреля 1814 г. он навестил ее в Мальмезоне. Они довольно долго беседовали о чем-то наедине. Но 29 мая того же года Жозефина, простудившись, внезапно умерла, и намерения русского царя (если они у него действительно были?) остались нереализованными.

С возвращением в столицу Бурбонов и установлением режима Реставрации положение многочисленных представителей клана Бонапартов, окруженных откровенной враждебностью новых властей, становилось угрожающим. Гортензия вознамерилась любой ценой обеспечить безопасность и материальную будущность своих детей. Она ясно видела, что из всех вождей антинаполеоновской коалиции может рассчитывать лишь на благоволившего к ее матери Александра I. Ее надежды на царя оправдались. При его активном содействии Гортензия Богарне-Бонапарт получает от Людовика XVIII титул герцогини де Сен-Лё, пенсию и апанаж (удел) в размере 400 тыс. франков, предназначенный ее сыновьям.

Неожиданное возвращение Наполеона с о-ва Эльба и последовавшие за этим Сто дней, завершившиеся его разгромом при Ватерлоо и окончательным отречением, в корне изменили ситуацию. Во Франции развернулся Белый террор в отношении бонапартистов и активных участников революции. 1 января 1816 г. был принят закон об изгнании всех членов семейства Бонапарт из Франции. Гортензия покинула Париж еще в июле 1815 г., успев заблаговременно распродать свое имущество. Одним из покупателей ее коллекции старинной живописи на очень выгодных для Гортензии условиях стал все тот же русский царь.

В это время ее настиг второй удар. Людовик Бонапарт, давно добивавшийся передачи ему на воспитание обоих сыновей, сумел «отсудить» у жены старшего, Наполеона-Людовика, которого в октябре 1815 г. Гортензия вынуждена была отправить к отцу, в Богемию. Младший, Луи-Наполеон, остался с матерью, которая в 1817 г. на вырученные от распродажи имущества средства и доставшееся после смерти матери наследство приобрела небольшой, но красивый замок Арненберг на севере Швейцарии, на границе с Баварией. Свой замок Гортензия превратила в своеобразный музей, воссоздав в нем обстановку эпохи Империи. Здесь изгнанников посещали родственники, друзья и заезжие знаменитости, среди которых – Александр Дюма-отец, Жорж Саид, Шатобриан и др. В замке Арненберг Луи-Наполеону доведется провести долгие семнадцать лет.

В июне 1819 г. Гортензия подберет ему воспитателя – некоего Филиппа Леба, сына бывшего члена Конвента, близкого друга Робеспьера. Сам Леба в молодости был моряком, затем офицером наполеоновской армии, отличившимся в ряде кампаний. С падением импе-

рии он стал школьным учителем. Ему было что рассказать своему воспитаннику о революции и ее героях, о войнах времен Республики и Империи. В сознании впечатлительного подростка рассказы Леба соединялись с тем, что он постоянно слышал от матери и ее гостей об исторических деяниях его великого дяди. В результате в нем сформировалось твердое убеждение в существовании некой сакральной связи между народом Франции, Революцией и вышедшим из нее Наполеоном Бонапартом. Убежденность в народном характере режима, установленного Наполеоном, племянник императора французов пронесет через всю свою жизнь.

Формирование умственного кругозора Луи-Наполеона, конечно же, не ограничивалось теми уроками, которые он получал в замке Арененберг. Гортензия отдала своего сына в Аугсбургский коллеж, где он получил хорошее общее образование и свободное знание трех языков – немецкого, итальянского и английского. В 1827 г. девятнадцатилетний Луи-Наполеон, под влиянием другого своего наставника, бывшего майора императорской гвардии Паркена, записывается в Военную инженерно-артиллерийскую школу, находившуюся в городке Тури, недалеко от Берна. Когда год спустя, начнется война между Россией и Турцией, Луи-Наполеон изъявит желание отправиться на помощь туркам, но это намерение не будет тогда реализовано. По окончании учебы он поступает на службу в швейцарскую армию, где в 1834 г. получит чин капитана артиллерии.

Падение режима Реставрации в результате Июльской революции 1830 г. возродило у Луи-Наполеона надежду на возможность возвращения во Францию, но закон, принятый новыми властями 2 сентября того же года, подтвердил прежний запрет для Бонапартов появляться на французской территории. Не имея возможности вернуться на родину, жаждавший деятельности двадцатидвухлетний Луи-Наполеон принял участие в заговоре моденского революционера Чиро Менотти, поставившего целью освободить Рим от светской власти папы. К этому заговору Луи-Наполеон сумел приобщить и своего старшего брата, Наполеона-Людовика, проживавшего с отцом во Флоренции. Вступив в ряды карбонариев, сражавшихся против австрийских войск, оба юных Бонапарта были одержимы фантастической идеей – выкрасть из Вены своего кузена, герцога Рейхштадтского и провозгласить его королем Италии (при рождении сына Наполеон, как известно, даровал ему титул короля Римского). До достижения им совершеннолетия регентство должен был осуществлять Наполеон-Людовик.

Однако всем этим планам не суждено было осуществиться. Затеянный Менотти в начале зимы 1830 г. поход на Рим, в котором приняли участие оба племянника Наполеона, к концу февраля 1831 г. потерпел неудачу, а сам Менотти был схвачен и расстрелян. Вскоре после этого, 17 марта от кори, которой он заразился в походе, умирает Наполеон-Людовик. Его младший брат, бежавший с английским паспортом во Францию, в начале мая 1831 г. был выслан оттуда и вынужден уехать в Англию. В августе того же года он вернулся в Швейцарию и возобновил необременительную службу в швейцарской армии. Все свободное время принц проводил в материнском замке Арененберг. Здесь Луи-Наполеон впервые приобщается к литературному творчеству, написав «Учебник артиллерии», а вслед за этим – «Политические и военные размышления о Швейцарии». Здесь же он получает известие о поразившей всех смерти в Шенбрунне 27 июля 1832 г. юного герцога Рейхштадтского, которого бонапартисты называли Наполеоном II. Быстро прогрессирующий туберкулез унес его в могилу в возрасте двадцати одного года.

Луи-Наполеон в полной мере сознает свое новое положение вождя бонапартистов и в том же 1832 году публикует программную брошюру под названием «Политические мечтания». Высказанные в ней идеи и притязания спустя семь лет найдут развитие в другом его сочинении – «Наполеоновские идеи». В этих двух работах Луи-Наполеон доказывает, что лучшая форма государственного устройства – это народная монархия, основанная на рес-

публиканских принципах, включающих не только разделение властей, но и всеобщее избирательное право. «Народ правомочен избирать и принимать решения, законодательный корпус – обсуждать законы, а император – осуществлять исполнительную власть», – заявляет Луи-Наполеон<sup>13</sup>. Автор убежден, что наполеоновская империя в полной мере соответствовала этому идеалу, который был утрачен после 1815 г. и который Франция обязана обрести вновь. Достижению этой заветной цели он и посвятит свою жизнь, рассчитывая, прежде всего, на помощь своих многочисленных сторонников.

Бонапартисты, принимавшие активное участие в Июльской революции, свергнувшей режим Реставрации, чувствовали себя обойденными при дележе пирога власти, узурпированной, как они считали, Луи-Филиппом и его партией (орлеанистами). Свои надежды на захват власти они связывали отныне исключительно с Луи-Наполеоном, который понимал, что обязан оправдать эти надежды. Поскольку в реалиях середины 30-х гг. бонапартисты не могли рассчитывать на законный, т. е. через парламентские выборы, приход к власти, они, по примеру итальянских карбонариев, взяли курс на подготовку восстания. У Луи-Наполеона уже имелся некоторый, правда, неудачный, опыт участия в подобного рода заговорах.

По совету своих сторонников, он тайно прибывает в столицу Эльзаса г. Страсбург, где полковник Бодрей, командир размещенного там артиллерийского полка, изъявил готовность поддержать восстание. 30 октября 1836 г. Луи-Наполеон во главе небольшого отряда пытается захватить казармы артиллерийского полка, но еще на подступах к ним наталкивается на энергичный отпор пехотных подразделений, которым за два часа удалось рассеять повстанцев. В большинстве своем они были захвачены в плен, включая самого предводителя.

Доставленный под усиленной охраной в Париж, Луи-Наполеон ожидал сурового приговора, но Луи-Филипп, наделенный не только осмотрительным умом, но и добросердечием, не отдал под суд племянника национального героя Франции, а ограничился его высылкой в Северную Америку. Что касается сообщников принца Бонапарта, то всех их, по письменной просьбе Луи-Наполеона, амнистировали и выпустили на свободу.

Пребывание молодого Бонапарта в США, где он подрабатывал преподаванием французского языка, было не долгим. В середине лета 1837 г. он возвращается в Швейцарию и успевает застать в живых свою, тяжелобольную мать. 5 октября 1837 г. Гортензия умирает, а ее сын вскоре уезжает в Англию, где вместе со своими ближайшими сподвижниками вынашивает планы нового заговора против Луи-Филиппа. Когда принц узнает, что в Париж с о-ва ев. Елены должны быть возвращены для перезахоронения в Доме Инвалидов останки Наполеона I, он решает, что настает самый благоприятный момент для осуществления его замыслов. В опубликованной им в июне 1840 г. в Лондоне очередной брошюре под названием «Наполеоновские идеи», он высказывает мысль о том, что во Францию должны возвратиться не только останки Наполеона, но и его идеи о соединении порядка и свободы. И эти идеи принесет во Францию он, Луи-Наполеон Бонапарт.

Ранним утром 6 августа 1840 г. отряд из 60 человек высаживается с английского парохода в районе городка Булонь-сюр-Мер (департамент Па-де-Кале), откуда, как предполагалось, при поддержке местного гарнизона, должен был начаться победный марш на Париж. Но в Булони отряд не только не получает обещанной помощи, но, напротив, встречает вооруженный отпор. Итог короткой стычки – двое убитых и около пятидесяти пленных, среди которых и Луи-Наполеон.

На этот раз Луи-Филипп уже не был столь великодушен. По приговору суда принц Бонапарт был осужден на пожизненное заключение в крепости Ам. Король, правда, распорядился, чтобы именованному узнику обеспечили сносные условия заключения. Так, ему было позволено выписывать себе в тюрьму любые, интересующие его книги. Это дало возмож-

<sup>13</sup> Oeuvres de Napoléon III. T. 1. P., 1869. P. 383.

ность Луи-Наполеону с пользой провести время, занимаясь литературным трудом. Среди написанных им в тюрьме книг – «Угасание пауперизма», где чувствуется сильное влияние идей Луи Блана. Публикация этой книги привлечет к автору симпатии социалистов. Находясь в заключении, Луи-Наполеон пользовался определенной свободой передвижения по территории крепости, что помогло ему в мае 1846 г. организовать удачный побег и через Бельгию благополучно перебраться в Англию. К подготовке бегства его подтолкнули известия о резком ухудшении здоровья его отца, с которым он хотел попрощаться. Луи-Наполеон успел застать его в живых, побывав у него в Тоскане. Бывший король Голландии умер 25 сентября 1846 г., оставив сыну немалое наследство – крупную недвижимость в Италии и 1 млн. 200 тыс. золотых франков.

В Англии, где Бонапарт пытался восстановить подорванное в тюрьме здоровье, он познакомится с некой мисс Харриет Ховард, молодой, очаровательной и что не менее важно – весьма состоятельной женщиной, которая украсит его двухлетнее одиночество на берегах Темзы. Их роман продлится несколько лет и окончится лишь с женитьбой Луи-Наполеона в 1853 г. Поговаривали, правда, что и после этого, по крайней мере, до 1855 г., он поддерживал связь с Харриет Ховард. В благодарность за ее самоотверженную преданность, император французов дарует бывшей возлюбленной графский титул и замок, принадлежавший ранее маркизе де Помпадур, фаворитке Людовика XV.

В Лондоне он дождался революции во Франции, свергнувшей в феврале 1848 г. Июльский режим. Революция освободила из тюрем политических заключенных, в т. ч. и сторонников Бонапарта, которые сразу же развернули широкую кампанию в пользу своего вождя, обеспечив ему на майских выборах 1848 г. избрание в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца его кандидатура была выдвинута на пост президента республики, и на выборах 10 декабря 1848 г. он получил более 74 % голосов, оставив далеко позади всех других претендентов.

Как объяснить успех человека, которого вообще мало кто знал во Франции, чья жизнь прошла за ее пределами?

Безусловно, на него работала наполеоновская легенда, всегда жившая в сердцах многих французов, и особенно – среди крестьян. Бонапартисты умело использовали эти ностальгические настроения в предвыборной кампании своего вождя. Ко времени проведения выборов сильно скомпрометированным в глазах многих избирателей оказался главный конкурент принца Бонапарта в борьбе за пост президента, генерал Луи-Эжен Кавеньяк, утопивший в крови восстание парижских рабочих (23–26 июня 1848 г.) протестовавших против анти-социальной политики республиканского правительства. Тогда в Париже от рук карателей погибло 5600 человек. Более 11 тыс. были арестованы и 4 тыс. депортированы в отдаленные заморские владения Франции.

Июньский кризис нанес сильнейший удар по молодой, еще не успевшей окрепнуть, Второй республике – удар, от которого она так и не смогла оправиться. Зато принц Бонапарт в полной мере сумел извлечь пользу из этого кризиса, расположив к себе избирателей большинства политических партий, включая республиканцев. В своей предвыборной кампании он обещал покровительство религии и одновременно гарантировал свободу вероисповедания и светского образования, говорил о защите семьи, собственности и выставлял себя защитником интересов рабочего класса. Как кандидат на пост президента, Луи-Наполеон клятвенно обещал гарантировать стране порядок и свободы, а по истечении своего мандата передать власть вновь избранному преемнику. По закону президент мог избираться только на один срок. В действительности принц-президент, как его отныне стали называть, не намеревался выпускать из рук доставшуюся ему власть, стремясь продлить и расширить свои полномочия.

Когда в июле 1851 г. Луи-Наполеону не удалось получить согласие парламента на пересмотр положений конституции 1848 г. о сроках президентского мандата и возможности его продления, он решился на государственный переворот, к которому его давно подталкивало ближайшее окружение. В подготовке переворота, приуроченного к годовщине победоносной для Наполеона Аустерлицкой битвы, руководящее участие принял Огюст де Мории, сводный брат президента, назначенный им на пост министра внутренних дел. Надежные люди были поставлены во главе префектуры парижской полиции и столичного гарнизона. Конечно же, заговорщикам потребовались немалые финансовые средства для подготовки переворота. Денег, доставшихся Луи-Наполеону после смерти отца, явно не хватало. В этот критический момент в Париже появляется мисс Ховард, поддерживавшая с возлюбленным постоянную переписку, из которой она и узнала о его материальных затруднениях. Она привезла с собой значительную сумму, вырученную от продажи своего имущества в Англии и даже драгоценностей, пожертвовав всем ради любимого человека. Деньги мисс Ховард позволили Луи-Наполеону завершить подготовку заговора.

В ночь на 2 декабря 1851 г. были проведены аресты лидеров оппозиции, а утром парижане узнали три новости – о роспуске парламента и Государственного совета, введении всеобщего избирательного права и установлении временного режима военного положения. Попытки организовать сопротивление нарушившему присягу президенту были жестоко подавлены. Общее число арестованных по всей стране достигло 27 тысяч человек, возродив в памяти французов воспоминания о Белом терроре времен Реставрации.

Луи-Наполеон поспешил закрепить успех, прибегнув к народному плебисциту, который отныне станет излюбленным инструментом бонапартистского режима, претендовавшего на выражение общенациональных интересов и чаяний. В обстановке полицейских преследований, лишавших оппозицию возможности выступать легально, плебисцит, состоявшийся 21–22 декабря 1851 г., принес Бонапарту одобрение осуществленного им переворота 76 % избирателей, значительная часть которых прежде голосовала за левые партии. Таким образом, он получил общенациональный мандат.

А уже 14 января 1852 г. была обнародована новая, в сущности монархическая, конституция, наделявшая президента, избираемого на десятилетний срок, едва ли не безграничными полномочиями. Вслед за этим был принят ряд декретов, регламентировавших деятельность различных ветвей власти, печати, а также отношения между предпринимателями и наемными рабочими. Последние лишились своих прежних, профессиональных объединений, вместо которых повсеместно были созданы т. н. общества взаимопомощи под совместным патронажем мэров и священнослужителей.

Принц-президент не думал останавливаться на достигнутом. Он взял курс на восстановление наследственной монархии Бонапартов. С целью выяснить настроения масс осенью 1852 г. он отправился в пропагандистское турне по департаментам, где стараниями его приверженцев устраивались многочисленные демонстрации в пользу восстановления империи. Выступая 9 октября в г. Бордо, Луи-Наполеон произнес слова, явно адресованные европейским державам, опасавшимся возрождения наполеоновской империи. «Некоторые говорят, что Империя породит войну. Нет, Империя – это мир!»<sup>14</sup>, – с пафосом воскликнул он<sup>14</sup>.

Убедившись, что самая многочисленная часть избирателей – крестьяне – с восторгом относятся к идее восстановления бонапартистской монархии, Луи-Наполеон по возвращении в Париж дал команду безотлагательно принять необходимые юридические меры для превращения президентской республики в империю.

21 ноября 1852 г. французские избиратели были в очередной раз приглашены высказаться – на этот раз по вопросу о государственном устройстве Франции. И опять Луи-Напо-

---

<sup>14</sup> Цит. по: *Anceau É. Comprendre le Second Empire. R, 1999. R 29–30.*

леон одержал убедительную победу – 76 % проголосовавших одобрили восстановление Империи.

2 декабря 1852 г. принц-президент Луи-Наполеон был провозглашен императором французов под именем Наполеона III. Вторая республика прекратила свое существование, превратившись во Вторую империю<sup>15</sup>.

Первейшая забота новоиспеченного императора состояла в том, чтобы обеспечить признание провозглашенной им наследственной монархии Бонапартов европейскими дворами. Наиболее подходящим средством для этого Наполеон считал династический брак с какой-либо принцессой из владетельного дома. В свои сорок четыре года он все еще оставался холостяком. Между тем с провозглашением империи вставал вопрос о продолжении династии, т. е. о наследнике. Официальное признание Европы Наполеону удалось получить без особого труда. Последним из европейских государей неохотно сдался Николай I, не желавший поначалу обращаться к «императору французов» в официальной переписке как к другим «природным» государям: «Сир, Брат мой».

Но все попытки французских дипломатов отыскать Наполеону принцессу из правящего дома окончились неудачей. Легитимные монархи не желали выдавать своих дочерей за французского «выскочку». В конечном счете император вынужден был остановить свой выбор на 26-летней испанской аристократке Евгении Монтихо, графине Теба, с которой познакомился четырем годами ранее.

Многие тогда посчитали этот выбор Наполеона вынужденным. Только хорошо знавший императора Александр Дюма-сын думал иначе. Он увидел в этом союзе «торжество любви над предубеждениями, красоты – над традицией, чувства – над политикой»<sup>16</sup>. Венчание императорской четы состоялось 30 января 1853 г. в соборе Парижской Богоматери. А накануне, в Тюильри, прошла гражданская церемония бракосочетания.

Воспитанная в строгих правилах христианской морали, истая католичка, императрица Евгения очень скоро разочаровала мужа, оказавшись если и не совсем фригидной женщиной, то достаточно равнодушной к интимной стороне жизни. Она искренне считала своим единственным долгом рождение наследника престола. Этого же она ожидала и от супруга, который, правда, придерживался иного мнения. Он и в браке намеревался оставаться свободным.

Столь разные взгляды на семейную жизнь едва ли не с самого начала осложнили отношения между супругами. Когда Наполеон попытался сохранить связь с мисс Ховард, продолжавшей воспитывать его внебрачных детей, Евгения самым решительным образом воспротивилась этому. Любовникам пришлось расстаться. Однако даже строгий надзор императрицы не мог изменить давно усвоенных привычек Луи-Наполеона, его непреодолимой слабости к прекрасному полу. Наполеон находил любовниц в разных слоях общества, предпочитая хорошеньких и модных актрис. Не пренебрегал он и дамами из высшего общества, включая наиболее привлекательных жен и даже дочерей своих ближайших сподвижников. Среди его любовниц были графиня Марианна Валевская, супруга министра иностранных дел, а впоследствии – председателя Законодательного корпуса, баронесса Валентина Османн, дочь знаменитого префекта департамента Сена, графиня Луиза де Мерси-Аржанто, графиня де Кастильоне, племянница графа Кавура, премьер-министра Пьемонта... Некоторые из них имели даже от императора детей.

Со временем императрица смирилась со своей судьбой. Она научится не замечать частых увлечений мужа и не слышать того, о чем говорил «весь Париж». Не добившись вер-

---

<sup>15</sup> Как известно, Первая империя, основанная Наполеоном I в 1804 г. просуществовала до 1814 г., а окончательно прекратила свое существование после повторного отречения Наполеона 22 июня 1815 г.

<sup>16</sup> Цит. по: *Cars J. des. Eugénie, la dernière Impératrice*. P., 2000. R 165.

ности, которую Евгения считала основой брака, она сумела добиться большего – подчеркнутого уважения со стороны императора, который все более внимательно прислушивался к ее мнению при решении государственных дел. Ее влияние всегда и во всем имело сугубо консервативную направленность, что вызывало беспокойство у тех сподвижников императора, которые придерживались левых взглядов.

Не жаловали императрицу и родственники Луи-Наполеона, справедливо упрекавшие ее в чрезмерном вмешательстве в государственные дела и откровенной расположенности к католицизму и Испании, что далеко не всегда отвечало как интересам Франции, так и правящей династии. Принцесса Матильда, кузина императора, в разговоре с русским послом графом П. Д. Киселевым однажды раскрыла тайну удивлявшей всех уступчивости Наполеона перед настойчивостью императрицы. На вопрос Киселева о том, почему император, «при своем превосходстве ума, позволяет таким образом господствовать над собой», Матильда ответила: «По лености. Он ленив во всем, что относится до домашней жизни; я несколько раз выговаривала ему это, но у него всегда один ответ: лучше отступить, чем продолжать спор о пустяках; притом, поясняет он, – таков уж мой характер; я не могу переиначить его, потому я даю ей говорить, сколько хочет, а сам молчу»<sup>17</sup>.

К этому можно добавить, что нередко Наполеон уступал своей супруге не только в семейных делах, но и в политике. Последнее свидетельствовало не о его человеческой слабости, а о вынужденном постоянном лавировании между двумя тенденциями, характерными для бонапартистского режима.

Свой священный долг перед Францией императрица Евгения исполнила 16 марта 1856 г., когда на свет появился долгожданный «Императорский принц» (Prince Imperial). Ему дали имя – Эжен Луи Наполеон. В семье и при дворе он получит ласково-уменьшительное прозвище «принц Лулу».

По случаю этого радостного события император освободил из тюрем 1200 заключенных, в большинстве своем политических. К 1859 г., когда будет объявлена всеобщая амнистия, в тюрьмах и в изгнании останется менее 400 человек, среди них – Виктор Гюго, непримиримый противник Наполеона III и его режима, который он считал незаконным и диктаторским. Знаменитый писатель-демократ отклонит амнистию и предпочтет дальнейшее добровольное изгнание на острове Джерси. Гюго вернется на родину лишь после падения Второй империи в сентябре 1870 г.

Так что же представлял собой бонапартизм у власти, воплощенный во Второй империи?

Это был авторитарный режим, отвергавший парламентскую демократию и утверждавший сильную исполнительную власть, которая опиралась (через плебисциты) на свободное народное волеизъявление. Впервые бонапартистский режим был установлен в 1799 г. Наполеоном Бонапартом. Спустя полвека племянник попытался продолжить эксперимент, начатый его великим предшественником. Бонапартизм у власти представлял собой некий «третий путь» между рухнувшим старым порядком и революционным хаосом. Как в 1799 г., при Наполеоне Бонапарте, так и в 1852 г., при Наполеоне III, бонапартизм подвел символическую черту под революционными потрясениями 1789–1799 и 1848 гг., символизируя собой окончание революции, возвращение к законности и порядку, восстановление национального единства. Это была попытка соединить определенные элементы старого строя и революционных завоеваний (права новых собственников, политическое равенство, всеобщее избирательное право, индивидуальные свободы, социальная ответственность государства и т. д.) Авторитарный режим Второй империи создавал видимость всенародного государства, сто-

---

<sup>17</sup> Цит. по: Булгаков Ф. И. Русский государственный человек // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 677.

ящего над интересами классов и партий. В действительности он опирался на крестьянство, чиновную бюрократию, армию, полицию и католическое духовенство.

Идеология бонапартизма эклектична, в ней причудливо сочетались постулаты национализма, консерватизма, либерализма и даже социализма (сен-симонизма). В годы Второй империи появился каламбур, ярко выразивший идеологическую мозаичность бонапартистского режима. Авторство этого каламбура молва приписывала самому Наполеону III: «Императрица у нас – легитимистка; принц Наполеон – республиканец; Мории – орлеанист; сам я – социалист; одного лишь Персиньи (один из давних и верных сподвижников Луи-Наполеона. – П.Ч.) можно назвать бонапартистом, но ведь он сумасшедший»<sup>18</sup>.

Характернейшая черта бонапартизма – балансирование между интересами различных классов и социальных групп, что до поры обеспечивало режиму определенную устойчивость<sup>19</sup>. Провозглашение империи совпало с экономическим подъемом в стране и улучшением положения крестьянства и рабочих, что также способствовало укреплению позиций режима.

Во внутренней политике Вторая империя сочетала экономический либерализм, популизм и жесткие меры административно-полицейского характера. Так или иначе, но оживленная политическая жизнь во Франции, характеризовавшаяся прежде открытым соперничеством партий, с установлением Второй империи впала в летаргическое состояние. Луи-Наполеон еще в молодые годы пришел к твердому убеждению, что партии выражают не чаяния народа, а корыстные интересы отдельных фракций элиты, навязывающей обществу нужные им решения. К тому же, узкий круг избирателей, допущенных к участию в выборах, по его мнению, ни в коей мере не мог отражать настроения всего общества. Именно поэтому Наполеон III и сделал ставку на плебисцит, восстановив всеобщее избирательное право и консультируясь с нацией по основополагающим вопросам политической жизни.

Оппозиция, потерявшая почву под ногами, т. е. возможность действовать открыто, ушла в подполье. В создавшихся условиях часть оппозиционеров сделала выбор в пользу террора, как средства политической борьбы с режимом. Полиция раскрыла множество заговоров с целью убийства императора, но все же не смогла предотвратить трех попыток покушения на его жизнь – 28 апреля 1855 г., 8 сентября 1855 г. и 14 января 1858 г.<sup>20</sup>

Последнее сопровождалось многочисленными жертвами. 8 человек погибли и 156 получили ранения в результате взрыва трех бомб, брошенных в сторону императорской кареты, направлявшейся в Оперу. Наполеон и Евгения не пострадали. В обстановке возникшей паники, сохраняя абсолютное спокойствие, они проследовали в театр, где публика устроила им овацию. Последствием этого покушения стало принятие в феврале 1858 г. закона об общественной безопасности, ужесточившего преследование тех, кто вызывал подозрение у полиции.

Первый период в истории Второй империи, рожденной в результате государственного переворота, был отмечен подавлением оппозиции и репрессиями в отношении противников режима. Преобладающим влиянием на императора в этот период пользовались консервативно-реакционные круги из его окружения во главе с императрицей Евгенией. Почувствовав себя более уверенно, Наполеон III, начиная с 1859 г. берет курс на постепенную либерализацию режима. Авторитарную империю он намерен превратить в либеральную. В нем опять заговорил узник крепости Ам, интересовавшийся социалистическими теориями.

---

<sup>18</sup> Dictionnaire du Second Empire / Sous la dir. de Jean Tulard. P., 1995. R 894.

<sup>19</sup> Первым, кто обратил внимание на эту особенность бонапартизма, был К. Маркс. См. его работу – Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 207, 214–215.

<sup>20</sup> Attentats et complots contre Napoléon III. R., 1870.

Тогда, в середине 40-х гг., он писал, что «наполеоновская идея – это не война, а социальная, промышленная, торговая и гуманитарная идея»<sup>21</sup>.

Наполеон III стал первым из европейских правителей, кто пытался проводить социальную политику, считая ее важным условием национального согласия и процветания государства. Его деятельность в этом направлении не ограничивалась лишь благими намерениями и словами сочувствия неимущим. Она проявилась в принятии совершенно конкретных решений, имеющих целью улучшение положения трудящихся и наиболее обездоленных слоев населения.

Еще будучи президентом республики, Луи-Наполеон декабре 1851 г. запретил трудовую деятельность в выходные и праздничные (по церковному календарю) дни. Этот закон действовал до 1880 г., когда республиканские власти объявили его «клерикальным», и на этом основании отменили. Однако под давлением протестного рабочего движения Третья республика в 1906 г. вынуждена была вернуться к закону, инициированному Наполеоном. Разумеется, об авторе этого социального закона республиканское правительство предпочло не вспоминать. В феврале 1853 г. Наполеон III подписал декрет об учреждении «Общества материнского милосердия» для попечения об одиноких и неимущих матерях. По всей Франции были организованы 76 отделений этого общества, взявших под свою опеку 16 тыс. матерей. Верховное попечительство над всеми этими обществами возложила на себя императрица Евгения.

Рождение в марте 1856 г. долгожданного наследника император Наполеон отметил не только амнистией, о чем уже говорилось, но и актом крупной благотворительности. 14 июня 1856 г., в день крещения «принца Лулу», он издал распоряжение о создании в Париже приюта для детей-сирот. При этом императорская чета взяла на себя все расходы, как на строительство приюта, так и на содержание трехсот его воспитанников.

8 июня 1853 г. был принят закон о пенсиях для государственных служащих всех уровней, имеющих стаж 30 и более лет. Размер пенсии составлял % от ежемесячного жалования чиновника. В результате 154 тыс. госслужащих получили материальные гарантии на относительно обеспеченную старость. Действенность этого пенсионного закона была доказана длительностью его применения. Он был пересмотрен лишь в 1924 г.

В том же 1853 г. правительственным декретом были учреждены примирительные советы для урегулирования производственных конфликтов, а годом ранее в каждом департаменте были созданы трудовые инспекции. Спустя пятнадцать лет, в августе 1868 г., император инициировал принятие закона о равенстве свидетельских показаний работодателей и наемных работников при рассмотрении трудовых конфликтов в судах. Для тогдашней Европы это было смелым шагом вперед.

Еще в молодости Наполеон всерьез интересовался возможностями для смягчения антагонизма между трудом и капиталом. Придя к власти, он неоднократно доказывал, что интересы трудящихся классов были для него не менее значимы, чем интересы имущих слоев. В 1854 г. была учреждена система т. н. «кантональной медицины», призванной оказывать бесплатную медицинскую помощь на дому жителям деревень. В 1860 г. услугами «кантональной медицины» воспользовались более 300 тыс. крестьян.

В числе других мер социального характера, принятых по инициативе императора французов, – создание в 1855 г. оздоровительных центров (т. н. «национальные приюты») для рабочих, которые получили производственные травмы или профессиональное заболевание. А в 1862 г. развернулось строительство 172 приютов и лечебниц для инвалидов.

25 мая 1864 г. Наполеон утвердил закон, предоставивший французским рабочим – первым в Европе – право на забастовку. Это право было ограничено только двумя условиями –

---

<sup>21</sup> Oeuvres de Napoléon III. T. 1. P. 172.

избегать насильственных действий и уважать право на труд тех, кто не желал бастовать. Три года спустя, в 1867 г., рабочим было предоставлено право создавать профсоюзы по месту работы и объединяться в профсоюзные федерации.

Наполеоном предпринимались попытки организовать систему социального страхования и обеспечить максимально возможную занятость трудоспособного населения, в частности на общественных работах, как средства сокращения безработицы. В результате всех этих усилий в апреле 1870 г. Франция стала единственной европейской страной, обеспечившей полную занятость своему работоспособному населению. За время правления Наполеона III заработная плата наёмных работников возросла на 47 % в номинальном и на 20 % – в реальном исчислениях. Средний доход француза увеличился с 442 фр. в 1850 г. до 602 фр. в 1869 г.<sup>22</sup> Важно отметить, что инфляция за эти годы была чисто символической.

Последовательно, хотя и несколько хаотично проводимая социальная политика, стала важным залогом политической стабильности бонапартистского режима, который почти до самого своего крушения не знал серьезных потрясений, свойственных Июльской монархии (Лионские восстания) и Второй республике (Июньское восстание 1848 г. в Париже)<sup>23</sup>. Не исключено, что именно эта стабильность и вызывала негодование у противников и недоброжелателей Луи-Наполеона, как внутри страны, так и за рубежом. Пытаясь наладить диалог власти с неимущими слоями общества, желая понять их интересы и, по мере возможности, сгладить наиболее вопиющие проявления неравенства, Наполеон III, можно сказать, вторгался в зону традиционного влияния левых – буржуазных республиканцев и социалистов, посягая на их массовую опору. Социальные эксперименты императора французов отвлекали пролетариат от классовой борьбы, и именно это вызывало негодование у тех, кто считал себя вождями рабочего движения. Отсюда и постоянные нападки на Наполеона III со стороны публицистов-социалистов, в том числе и К. Маркса.

Между тем система принятых при Наполеоне мер обеспечила Франции устойчивое экономическое развитие, превратив ее в ведущую финансово-промышленную державу на континенте. Мощными двигателями экономического развития стали два крупнейших банка, созданные в годы Второй империи – «Креди фонсье» и «Креди мобилье». Первый кредитовал сельское хозяйство; второй – промышленность и дорожное строительство. В 1863 г. был основан впоследствии всемирно известный депозитный банк «Креди Лионне» («Лионский кредит»). Широкая банковская поддержка и внедрение системы кредитования обеспечили подлинный бум для таких отраслей промышленности, как металлургическая, текстильная и горнодобывающая.

Считая крестьянство одной из важнейших опор своего режима, Наполеон уделял самое пристальное внимание нуждам аграрного сектора и старался через систему финансового стимулирования и внедрение механизации создать наиболее благоприятные условия для его ускоренного развития. Его усилия себя оправдали. Среднегодовые урожаи по стране за период между 1848 и 1869 г. возросли на 50 %.

Франсуа Гизо, одному из столпов Июльской монархии, приписывают фразу, обращенную к французам: «Обогащайтесь! Обогащайтесь своим трудом и бережливостью»<sup>24</sup>. Труд и экономия были объявлены залогом благополучия, как отдельного человека, так и нации в целом. Наполеон III отчасти разделял эту мысль, но в новых реалиях считал ее недостаточ-

---

<sup>22</sup> Carteret A. Napoléon III. Actes et paroles. P., 2008. P. 36.

<sup>23</sup> Относительная стабильность не означала, конечно, исчезновение социальных конфликтов. Рабочие неоднократно выражали недовольство своим положением, организуя забастовки – в марте и июне 1862 г., в феврале 1867 г., в июне и октябре 1869 г., в январе и мае 1870 г. Некоторые из них сопровождались беспорядками и столкновениями с полицией. Однако вооруженных выступлений с кровопролитием отмечено не было.

<sup>24</sup> Broglie G. de. Guizot. P., 1990. P. 334. В действительности никто из биографов Ф. Гизо так и не смог найти документального подтверждения приписываемых ему слов, однако легенда оказалась живучей.

ной для достижения настоящего успеха, тем более в общенациональном масштабе. Он предложил французам другую формулу: «Работайте и вкладывайте свои накопления!»<sup>25</sup>. Инвестиции, инвестиции и инвестиции – вот что сделает Францию действительно процветающим государством. Таково было искреннее убеждение императора, считавшего, что государство должно действовать в одном направлении с гражданами.

При нем во Франции широкое развитие приобрели кредитные операции, была создана наиболее современная по тем временам банковская система. Парижская биржа, объем операций на которой возрос с 11 млрд. фр. в 1851 г. до 35 млрд. в 1870 г., становится крупнейшим финансовым центром на континенте. По инициативе императора началось введение в обращение нового платежного средства – чеков, получивших вскоре мировое признание.

За годы правления Наполеона III в стране была построена разветвленная сеть железных дорог, общая протяженность которых возросла с 3,8 тыс. км в 1852 г. до 20 тыс. к 1870 г.<sup>26</sup>

В целом по уровню экономического развития Франция к концу правления Наполеона III превратилась во вторую (после Англии) мировую державу. За период с 1848 до 1870 г. объем промышленного производства во Франции увеличился в четыре раза по сравнению с предыдущими тремя десятилетиями. Даже столь непримиримый критик Наполеона III как К. Маркс не мог не признать, что при нем «буржуазное общество достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах»<sup>27</sup>. Признанием экономических и научно-технических достижений Франции в годы Второй империи стали Всемирные выставки в Париже 1855 и 1867 гг.

Большое внимание правительство Наполеона III уделяло развитию образования. К 1869 г. системой начального и среднего образования в стране было охвачено до 70 % детей (около 6 млн.). Для сравнения – в 1848 г. школы во Франции посещали 3,8 млн. детей. Значительно выросли зарплаты учителей – с 493 фр. в 1846 г. до 1 тыс. фр. в 1870 г. За годы существования Второй империи было открыто 78 новых факультетов на 10 тыс. студентов. Тогда же появились знаменитые впоследствии книжные издательства – Гарнье, Файяр, Ашетт, Ларусс, Плой и др.

Париж, перестроенный бароном Османом по инициативе императора Наполеона, именно в годы Второй империи приобрел заслуженную репутацию «столицы мира». Франция стала родиной первых крупных универсальных магазинов – Бон Марше, Базар де л'Отель де Билль, Прэнтан, Самаритэн и др. Все они возникли при непосредственном участии Наполеона III, утверждавшего все градостроительные проекты в Париже. При нем началось строительство Гранд Опера (ныне – Опера Гарнье), помпезное здание которой остается посмертным символом Второй империи.

Главные цели внешней политики Наполеона III состояли в том, чтобы сначала добиться ликвидации ограничений, наложенных на Францию Парижским миром 1815 г., а затем утвердить ведущее положение Франции на европейском континенте. Амбиции императора распространялись еще дальше – на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию и даже в Новый Свет.

Племянник великого завоевателя не мог смириться с границами 1792 г., навязанными Франции победителями в 1814-15 гг. Более того, он хотел, как говорили в XVIII в., «округлить», т. е. расширить французскую территорию – на юге, в итальянском направлении, и к востоку от Рейна. В этом смысле его заявление о том, что «Империя – это мир», сделанное в 1852 г., было не более чем пропагандистской уловкой, призванной успокоить Европу. Намерение Луи-Наполеона изменить соотношение сил в пользу Франции предполагало

---

<sup>25</sup> *Carteret A.* Op. cit. P. 197.

<sup>26</sup> *Lahlou R.* Napoléon III ou l'obstination couronnée. 3-me éd. P., 2007. P. 73–74.

<sup>27</sup> *Маркс К. и Энгельс Ф.* Указ соч. Т. 17. С. 341.

не только дипломатические, но и военные средства достижения его внешнеполитических целей. Поэтому с момента своего рождения Вторая империя была обречена на войны, которые в конечном итоге приведут ее к гибели, как это случилось с ее предшественницей – Первой империей.

Следуя во всем заветам Наполеона I, продолжатель его дела не одобрял лишь одного – противоборства с Англией. Именно это противоборство, а вовсе не злополучный поход в Россию, по его убеждению, было главной причиной последующей национальной катастрофы. Русская кампания, как считал Наполеон III, была производной от затяжного конфликта с Великобританией, пытавшейся втянуть Россию в орбиту своей антифранцузской политики.

Продолжительное проживание в Англии, где за годы вынужденного изгнания у него появилось множество друзей, близкое знакомство с британской политической культурой сформировало у Луи-Наполеона уважительное отношение к «владычице морей» и «мастерской мира». Он пришел к твердому убеждению, что осуществление его далеко идущих внешнеполитических планов возможно только в тесном союзе с Великобританией, у которой, как он полагал, не было непосредственных территориальных интересов на континенте. Другие европейские державы могли быть более или менее полезны для французских интересов – каждая по-своему и, что не менее важно – в свое время.

Какое место в планах Наполеона III отводилось России?

Ответ на этот вопрос, собственно, и составляет одну из главных тем настоящего исследования. Но об этом речь впереди. Пока же можно напомнить об одном эпизоде, имевшем место в период, когда Луи-Наполеон проживал в Англии после побега из форта Ам.

Обосновавшись в Лондоне, Луи-Наполеон развернул активную работу по подготовке очередного заговора с целью свержения Июльской монархии. Направляя действия своих сторонников внутри Франции, он стремился заручиться поддержкой за рубежом. Учитывая «сердечное согласие», установившееся между Лондоном и Парижем после 1830 г., никаких надежд на содействие своим планам со стороны британского кабинета Бонапарта питать не мог. И он сделал ставку на Россию, зная

о враждебном отношении императора Николая I к Луи-Филиппу. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, недавно выявленные автором в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Речь идет о конфиденциальной переписке Луи-Наполеона с шефом российской тайной полиции (Третьим отделением) графом Алексеем Федоровичем Орловым, ближайшим сподвижником Николая I<sup>28</sup>. Эта переписка свидетельствует о высокой степени заинтересованности будущего французского императора в установлении личных контактов с Николаем I с далеко идущими политическими целями.

Все началось с того, что в последних числах апреля 1847 г. Луи-Наполеон посетил российского посланника в Лондоне барона Филиппа Ивановича Бруннова и передал ему письмо, адресованное генерал-адъютанту А.Ф. Орлову. В письме он просит Орлова исплотать для него у императора разрешение на приезд в Петербург с частным визитом. Эта просьба мотивировалась Луи-Наполеоном его давним желанием познакомиться с Россией и одновременно засвидетельствовать императору Николаю свою признательность за «великодушное» отношение к его матери, проявленное в 1814 г. Александром I.

Намерение Бонапарта не на шутку встревожило сановный Петербург. Государственный канцлер и одновременно глава русской дипломатии граф К.В. Нессельроде, кото-

---

<sup>28</sup> См.: «Дело по просьбе Луи Бонапарта о разрешении ему прибыть в Россию. 24 апреля 1847 г. – 19 ноября 1848 г.» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 78. См. также публикацию: Неизвестная переписка Луи-Наполеона Бонапарта с графом А.Ф. Орловым, начальником Третьего отделения (1847–1848 гг.). Публикация, вступительная статья, перевод с франц. и комментарии П. П. Черкасова // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М... 2009. С. 166–189.

рому Орлов передал полученное из Лондона письмо, настоятельно советовал императору отклонить представлявшуюся ему бестактной просьбу. Формально Луи-Наполеон считался бежавшим из тюрьмы заключенным. По этой причине, как полагал Нессельроде, русский император не мог себе позволить дать аудиенцию государственному преступнику, пусть даже приговор ему вынесен судом «фальшивой монархии». К тому же, с 1846 г. наметилась некоторая тенденция к нормализации российско-французских отношений, что не могло не быть известно Бонапарту. Уже одно это обстоятельство делало, по меньшей мере, нежелательным для императора Николая приезд в Петербург Луи-Наполеона. Царь согласился с доводами Нессельроде.

Вежливый, но недвусмысленный отказ не обескуражил Луи-Наполеона. Он верил в свою звезду и явно рассчитывал на дальновидность русского императора и его министров. Последующее развитие событий со всей очевидностью обнаружит, что лондонский сиделец переоценил способности Николая I и его окружения смотреть хотя бы на два-три года вперед. Даже после Февральской революции 1848 г., похоронившей Июльскую монархию, в Петербурге не склонны были всерьез принимать этого изгоя. Между тем, и депеши российского посланника во Франции Н.Д. Киселева, и донесения парижского резидента Третьего отделения Я.Н. Толстого свидетельствовали о подъеме бонапартистского движения и росте популярности Луи-Наполеона.

Через месяц после Февральской революции, напугавшей Петербург не меньше, чем Июльская революция 1830 г., Бонапарт, остававшийся пока в Лондоне, но уже готовившийся к возвращению в Париж, предпринимает вторую попытку найти взаимопонимание с Николаем I. При этом он проявляет наивысшую степень доверия к царю, поставив на карту свое политическое будущее.

В конфиденциальном письме на имя графа Орлова от 28 марта 1848 г. Луи-Наполеон говорит, что понимает всю степень угрозы, исходящей от революции во Франции для «спокойствия Европы». Он заверяет Орлова, а через него Николая I, в своих миролюбивых намерениях и в готовности навести во Франции порядок, в котором жизненно заинтересованы все европейские государства. При этом он ссылается на свою растущую популярность во Франции. Но для восстановления порядка ему требуется не только доверие, но и деньги. «Имея в своем распоряжении один миллион франков в год до достижения поставленной цели, автор этих строк берется быстро достичь желаемых результатов в интересах как можно более скорого установления спокойствия в Европе, – пишет Луи-Наполеон. – По серьезности моего демарша пусть судят о серьезности интересов! По моему глубокому доверию к Вам пусть судят об искренности моих чувств!», – добавляет он.

И, действительно, такое безграничное доверие Луи-Наполеона к сохранявшим ледяную сдержанность русским адресатам не может не поражать. Если бы это письмо каким-то образом получило огласку, то репутация и политическое будущее его автора были бы безвозвратно погублены. Он никогда не стал бы ни президентом, ни императором. Более того, ему бы даже не позволили вернуться во Францию. Скорее всего, он провел бы остаток жизни в изгнании, презираемый всеми.

Как объяснить такую степень откровенности Луи Наполеона с Николаем I?

Здесь можно предположить две причины. Во-первых, как видимо, полагал Луи-Наполеон, никто в Европе не опасался возможных последствий Февральской революции больше, чем русский царь, который должен быть заинтересован в локализации и последующей ликвидации революционного взрыва. Во-вторых, готовя свое возвращение во Францию, Луи-Наполеон лихорадочно искал деньги для реализации своих далеко идущих замыслов, не имевших ничего общего с планами «февральских» революционеров-республиканцев. Он искренне надеялся, что осознание нежелательных международных последствий революции во Франции должно подтолкнуть царя на оказание финансовой помощи единственному

человеку, способному укротить революционную стихию, как это сделал Наполеон Бонапарт 18 брюмера 1799 г.

Но в Петербурге словно не замечали протянутую руку дружбы. Там, как свидетельствует обнаруженная переписка, по-прежнему не желали всерьез воспринимать Луи-Наполеона как перспективную политическую фигуру, видя в нем лишь сбежавшего из тюрьмы преступника. Недалекое будущее покажет, что не только в либеральном Лондоне, но даже в полуабсолютистских Вене и Берлине найдутся более трезвомыслящие политики, свободные от легитимистских предрассудков.

Так или иначе, но Николай I отказал Луи-Наполеону в финансовой поддержке. Не слишком вежливый отказ последовал и на другую просьбу Бонапарта – принять в Петербурге его доверенное лицо, банкира Аристида Феррера, уполномоченного провести переговоры о возможной покупке для Эрмитажа коллекции картин и предметов антиквариата, оставшихся у Луи-Наполеона после смерти матери общей стоимостью 21 400 английских фунтов стерлингов. В паспорте на въезд в Россию Ферреру было решительно отказано, а в личной беседе с Луи-Наполеоном барон Бруннов заявил, что «музей Эрмитаж весьма богат картинами и... не нуждается в новых приобретениях». Все это происходило в конце августа 1848 г., всего лишь за месяц до триумфального возвращения Луи-Наполеона во Францию.

Интересно, как бы повел себя Николай I, если бы знал, что через три месяца, в декабре 1848 г., Луи-Наполеон станет президентом Французской республики, а затем и императором Франции?.. Впрочем, это вопрос риторический.

Так или иначе, но первоначальные надежды Бонапарта на Россию потерпели неудачу. Но не менее очевиден и политический просчет Николая I в отношении Луи-Наполеона. Этот просчет, допущенный в 1847–1848 гг., был усугублен в последующие годы, предшествовавшие Крымской войне, когда Россия и Франция впервые после 1814 г. скрестили оружие<sup>29</sup>.

Новую попытку наладить отношения с Россией Наполеон III предпринял с воцарением Александра II. О том, какие цели он при этом преследовал, пойдет речь в следующей главе.

\* \* \*

Краткое обозрение жизненных путей двух императоров к тому времени, когда, на исходе Крымской войны, государственные интересы поставили в повестку дня вопрос о том, какой характер оба государя желали придать двусторонним отношениям между Россией и Францией, обнаруживает как определенное сходство, так и существенные отличия в их воспитании, характере, привычках и вкусах, в жизненном опыте, наконец, в политических воззрениях и идеалах.

По рождению оба они принадлежали к царствующим династиям, правда, Луи-Наполеону совсем недолго пришлось пользоваться преимуществами своего привилегированного положения. В неполные шесть лет, с падением Первой империи, у него началась другая жизнь, закалившая характер и сформировавшая личность, которая твердо знала, к чему она стремится. Восстановление империи и возвращение Франции значения ведущей европейской державы стало тем «Великим замыслом» (“le Grand dessein”), осуществлению которого будет подчинена вся жизнь Луи-Наполеона.

Суровая жизненная школа, усвоенный им опыт Французской революции, наконец, знакомство с политическими идеями, провозглашавшими социальную справедливость, привели Луи-Наполеона к убеждению в необходимости построения такого общества, в котором извечно существующие классовые и социальные антагонизмы, если и не могут быть окон-

---

<sup>29</sup> См. об этом: *Кухарский П. Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; *Черкасов П. П.* Николай I и Луи Наполеон Бонапарт (1848–1852 гг.) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 124–165.

чательно преодолены, то должны быть смягчены. Именно этой цели будет подчинена социальная политика императора французов. В этом отношении он, безусловно, был крупным реформатором, инициировавшим социально-экономическую модернизацию Франции.

Александр II, как известно, тоже был реформатором, но несколько иной направленности. Наследник тысячелетней монархии, он был убежденным поборником самодержавных устоев, считая своим священным долгом их сохранение и укрепление. Перед ним был пример служения России, которому он всегда стремился подражать – его отец, император Николай I.

Школа воспитания, которую он прошел под руководством В.А. Жуковского, сформировала у Александра гуманные, можно сказать, возвышенные представления о выпавшей на его долю миссии, но, в отличие от Луи-Наполеона, к моменту восшествия на престол он не имел никакой программы действий, кроме завещанного умирающим отцом напутствия – «Держи все...». Трудно сказать, стал бы он вообще великим реформатором, каким остался в истории России, если бы не Крымская катастрофа, вскрывшая гнойник накопившихся за десятилетия проблем и поставившая молодого императора перед неотложной необходимостью модернизировать страну.

Вот здесь-то и оказались востребованными плоды просвещения, полученные Александром от Жуковского и подобранных им либерально мыслящих учителей и наставников. Александр оказался подготовленным для того, чтобы принять вызов времени и ответить не него глубоко продуманными реформами, существенно изменившими весь облик России. Правда, в отличие от императора французов российский самодержец не размышлял над социальными вопросами. Все его мысли были направлены на то, чтобы преодолеть опасную отсталость России от ведущих европейских держав, дать толчок ее ускоренному экономическому развитию, модернизировать политическую систему, но при этом сохранить самодержавие, дав ему второе дыхание.

Принципиально отличной была природа власти Александра I и Наполеона III. В первом случае – «Божьей милостью Самодержец всея Руси», унаследовавший престол от августейших предков, во втором – «Император французов», достигший верховной власти в результате государственного переворота и последовавшего всенародного волеизъявления на референдуме. К этому можно добавить, что Вторая империя, как и Первая, вышли из революций: одна – из 1848 года, другая – из 1789-го.

Революционные истоки бонапартистского режима, а в еще большей степени его имперские притязания, в частности, плохо скрываемое намерение исправить «несправедливые» границы, навязанные Франции в 1815 г., не могли не настораживать Александра II, одного из гарантов порядка, установленного Священным союзом в Европе.

Казалось бы, все это исключало саму возможность конструктивного диалога между Александром и Наполеоном, тем более на фоне войны, которая продолжалась и после смерти императора Николая, хотя с падением Севастополя в августе 1855 г. военные действия в Крыму практически прекратились. Тем не менее, именно Крымская война станет поворотным моментом в отношениях между Россией и Францией.

## Глава 2

### Парижская прелюдия: за кулисами конгресса 1856 года

#### Зондаж Наполеона III

Известие о том, что 2 марта 1855 г., вскоре после полудня, в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце скончался император Николай I, пришло в Париж по телеграфу вечером того же дня. Новость эта прозвучала в Тюильри, словно удар грома при ясном небе. Никто в окружении Наполеона III не знал, что 58-летний царь, всегда отличавшийся богатырскими здоровьем, последние две недели провел в постели, страдая от жестокой простуды, которая и свела его в могилу.

А в это время 70 тысяч французов, англичан и турок, на помощь которым ожидалось прибытие 15-тысячного корпуса пьемонтцев, осаждали в Крыму Севастополь. За спиной союзников уже была победа при Альме, впереди – взятие Балаклавы, Инкермана и Евпатории, но под Севастополем на исходе сентября 1854 г. они натолкнулись на ожесточенное сопротивление русских. Попытка штурма города-крепости потерпела неудачу, а начавшаяся осада затянулась на неопределенный срок, что крайне нервировало императора французов, желавшего поскорее, – но, конечно же, не раньше, чем город будет взят, – покончить с разорительной для казны и затратной по потерям войной<sup>30</sup>.

Племянник великого Наполеона мечтал лишь об одном – о реванше за национальное унижение 1812–1815 годов. В его планы не входило ни отторжение от России Кавказа, как того желал глава британского кабинета лорд Пальмерстон, ни ликвидация приобретений Екатерины II в Северном Причерноморье, к чему стремилась Порта, ни чрезмерное ослабление Российской империи, что было опасно для нарушения европейского равновесия. Достаточно было склонить Россию к миру сразу же после падения Севастополя. Одно время Наполеон III намеревался даже отправиться в Крым, чтобы лично возглавить командование войсками, но по ряду причин, в частности, из опасений республиканского переворота в Париже во время его отсутствия, вынужден был отказаться от этой идеи<sup>31</sup>.

«...Общественное мнение во Франции восставало против отдаленной и разорительной войны, в которой английские интересы были замешаны непосредственнее, нежели французские, – писал один из первых историков Крымской войны, видный русский дипломат барон А.Г. Жomini, современник событий. – Партии волновались, и это обстоятельство было одной из причин, почему поездка императора Наполеона была отложена. Ему доказывали, что его отсутствие послужит сигналом к революционному движению против его династии»<sup>32</sup>.

Опасения не были лишены оснований. 28 апреля 1855 г. на императора было совершено покушение, когда он верхом направлялся на прогулку в Булонский лес. Некий Джованни Пианори, бывший гарибальдиец, эмигрировавший во Францию, дважды выстрелил в Наполеона, но промахнулся. Приговоренный к смерти, итальянский карбонарий принял ее

---

<sup>30</sup> Основные потери союзнический экспедиционный корпус в Крыму нес от инфекционных болезней – дизентерии, холеры и тифа. Ежедневная смертность в рядах союзников составляла в среднем 250 человек.

<sup>31</sup> *Castelot A. Napoléon III. L'aube des Temps modernes. P., 1999. R 250–265.*

<sup>32</sup> *Жomini А. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 562.*

со словами: “Vive la Republique!”, что было воспринято обществом как прямой вызов бонапартистской империи. Так или иначе, но поездка императора в Крым не состоялась.

Новость о смерти царя вызвала бурную реакцию на парижской Бирже, с началом войны пребывавшей в затянувшейся апатии. Котировки акций и облигаций, в особенности русских, резко подскочили в цене. Поползли слухи о скором прекращении войны. Оптимизм финансистов быстро передался журналистам и политикам, включая оппозиционных. Многие из них утверждали, что молодой русский император, будучи наследником престола, якобы противился войне, не одобряя политику своего отца. Парижские журналисты, по-видимому, идя от обратного, безоговорочно наделяли Александра Николаевича качествами, противоположными тем, которые были свойственны Николаю I – мягкость, человечность, уступчивость и нерешительность, граничащие со слабыхарактерностью, наконец, природное миролюбие, что в сложившихся обстоятельствах представлялось самым важным.

Пока политический бомонд Второй империи строил всевозможные, зачастую фантастические, предположения на счет Александра II, император французов уже 3 марта принял тайный зондаж настроений и намерений нового царя – склонен ли он продолжать или прекратить Восточную войну. Наполеон пригласил в Тюильри для конфиденциальной беседы саксонского посланника Л. фон Зеебаха, по неслучайному совпадению доводившегося зятем российскому канцлеру графу Карлу Васильевичу Нессельроде. Наполеон попросил Зеебаха срочно изыскать способ передать его тестю, а через него – императору Александру свои искренние соболезнования в связи с кончиной императора Николая, к которому он, Наполеон, всегда испытывал самые искренние симпатии и о разрыве с которым в 1854 г. искренне сожалеет.

Сигнал, посланный из Тюильри, вскоре достиг Зимнего дворца, где его восприняли должным образом, как на то и надеялся император французов. Александр II поручил Нессельроде через Зеебаха довести до сведения Наполеона III, что весьма тронут его вниманием к горю, постигшему Россию и императорскую фамилию, и что, со своей стороны, сожалеет о разрыве отношений между двумя странами и дворами. Впрочем, просил передать Александр, это дело поправимое, так как «мир будет заключен в тот же день, как того пожелает император Наполеон»<sup>33</sup>.

Луи-Наполеон с удовлетворением воспринял реакцию Александра на свою инициативу, но занял выжидательную позицию. Прежде над бастионами поверженного Севастополя должен подняться французский триколор, и только после этого морального удовлетворения император французов мог предложить мирные переговоры, пусть даже вопреки желанию британского союзника, жаждавшего продолжения войны. Порта, хотя и была крайне ослаблена, тем не менее, надеялась в ходе летней кампании 1855 г. на Кавказе разблокировать осажденный русскими Карс и затем вытеснить их из Грузии. В этом намерении турок энергично поощрял Пальмерстон, склонявший Наполеона к отправке на Кавказ значительных подкреплений в помощь армии Омер-паши. «Наполеон III, – справедливо заметил по это поводу академик Е.В. Тарле, – совсем не хотел тратить своих дивизий в кавказских горах без малейшей пользы для Франции, только затем, чтобы укрепить против России подступы к Герату и к английской Индии»<sup>34</sup>.

Его взор был прикован исключительно к Севастополю, осада которого тем временем вступала в завершающую стадию. 16 августа 1855 г. союзники нанесли поражение русским войскам под командованием генерала М.Д. Горчакова у р. Черная, к юго-востоку от Севастополя. Вслед за этим французы, потеряв в сражении 7500 убитыми и ранеными, сумели

<sup>33</sup> Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1855 г. Д. 175. Л. 40–42.

<sup>34</sup> Тарле Е.В. Соч. в 12 т. М., 1959. Т. IX. С. 481.

овладеть господствовавшим над городом Малаховым курганом, что вынудило русский гарнизон 8 сентября оставить Севастополь, затопив последние корабли и взорвав оставшиеся укрепления. С падением Севастополя военные действия в Крыму фактически прекратились.

Некоторое время они еще продолжались на Кавказе, где на исходе ноября 1855 г. турки сдали генералу Н.Н. Муравьеву осажденный Карс со всем вооружением. В русском плену оказался 16-тысячный турецкий гарнизон, в составе которого находилось немалое число «иностранных выходцев» – венгров, поляков и др. Взятие Карса фактически завершило войну на Кавказе. Окончательно обессиленная Турция была уже не в состоянии ее продолжать. Военственные настроения обнаруживал лишь лорд Пальмерстон, глава кабинета королевы Виктории.

Тем временем в европейских дипломатических кругах с ноября 1855 г. начали циркулировать слухи о каких-то секретных контактах, завязавшихся между Наполеоном III и Александром II. Особое беспокойство обнаруживали в Лондоне, где всё еще надеялись удержать французского союзника в орбите войны.

Эти слухи имели под собой веские основания. Инициатором конфиденциальных контактов выступил император французов, посчитавший, что с взятием Севастополя он мог считать себя полностью удовлетворенным. 13 сентября в соборе Парижской Богоматери в присутствии императора был отслужен благодарственный молебен. Служивший мессу монсеньор Сибур, архиепископ Парижский, обращаясь к прихожанам, объявил о предстоящем в самом скором времени заключении почетного и прочного мира. Наполеон явно не желал продолжать войну, в которой Франция уже потеряла 95 тыс. человек<sup>35</sup>, – во многом ради осуществления амбициозных геополитических планов лорда Пальмерстона. «...Наполеон чувствовал, что он достиг до кульминационного пункта своей политики, – писал по этому поводу барон А. Жомини; – ему предстоял выбор между путем приключений, ведущим посредством затягивания войны к потрясению Европы, и переделке ее карты с помощью Англии и революции, или путем консервативной политики, основанной на мире и сближении с Россией. По-видимому, он склонялся к последнему. Кроме внутренних и финансовых затруднений... он казался утомленным от сообщничества с Англией. Он не отказывался от союза с могущественным соседом, но политический инстинкт подсказывал ему, что Англия никогда не поддержит искренно ни одного национального французского интереса. До сих пор в Восточной войне он действовал скорее в пользу Англии, нежели Франции»<sup>36</sup>. Теперь император решил действовать исключительно в своих интересах.

Вскоре после взятия войсками генерала Муравьева турецкой крепости Карс русский посол в Вене князь А.М. Горчаков был проинформирован австрийским финансистом Сину, что его парижский деловой партнер Эрланже (Эрлангер) просил его передать мнение графа де Мории, сводного брата Наполеона III о желательности начала мирных переговоров с Россией. Горчаков немедленно известил Петербург о демарше Мории и, не дожидаясь ответа, по тому же каналу – через Сину и Эрланже – сообщил графу де Мории, что разделяет его мнение о желательности прямого диалога с Францией.

«Я убежден, – писал Горчаков, что император Луи-Наполеон, просвещенный опытом и ведомый духом здравого смысла и умеренности, не захочет встать на путь бесконечных завоеваний, как это делал его великий дядя. Позволю себе напомнить, – продолжал русский посол, – что вершиной могущества Наполеона I было время его тесного единения с Россией. Не задаваясь мыслью о возврате к этим героическим временам, я верю, что мы с господином де Мории, по мере наших сил, могли бы способствовать величию наших двух

<sup>35</sup> Собственно боевые потери французов в Крыму за период военных действий составили 20 тыс. человек. Остальные 75 тыс. умерли от эпидемических заболеваний. См. *Goutman A. La guerre de Crimée 1853–1856. P., 1995. P. 479.*

<sup>36</sup> Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 586.

стран путем их устойчивого сближения. Необходимо только, чтобы основы этого сближения соответствовали обоюдному достоинству двух народов»<sup>37</sup>. Горчаков имел в виду, что Россия вправе надеяться на содействие Франции в выработке более приемлемых для нее условий мирного договора.

В ответном письме Мории в принципе соглашался с Горчаковым, но просил его учесть, что Франция не свободна в определении условий мира, как того хотелось бы. Она связана союзническими обязательствами с Англией, не говоря уже о Турции, Сардинии, а также Австрии, подписавшей в декабре 1854 г. договор с Парижем и Лондоном о защите Молдавии и Валахии от русских притязаний. К тому же, после взятия Севастополя император французов не может согласиться на условия более мягкие, чем те, которые были выставлены в самом начале войны<sup>38</sup>. Единственно, чего можно было бы достигнуть в сложившейся ситуации, по мнению Мории, – заменить ограничения русских военно-морских сил в Черноморском бассейне «нейтрализацией» Черного моря. Подобная альтернатива, как полагал Мории, представляется менее оскорбительной для национального самолюбия России<sup>39</sup>.

Предвидя возможные возражения, Мории уточнил свою мысль: «Что же представляет собой эта мера? Обратимся к истории. Когда после военных поражений от той или иной державы требуют крупных денежных жертв (т. е. контрибуций. – *П. Ч.*), то этим причиняют ей значительный финансовый ущерб. Когда ей навязывают территориальные уступки, то этим уменьшают ее значение, быть может, даже навсегда. Но когда ей предписывают, в сущности, только такие иллюзорные условия, как ограничение сил, то, коль скоро она нуждается в мире, ей не следует их отвергать. Не впервые подобные условия включаются в мирный договор, – успокоительно утверждал Мории. – Как долго они соблюдаются? Пройдет всего лишь несколько лет, и все изменится: интересы поменяются, ненависть исчезнет, восстановятся добрые отношения, благодеяния мира излечат раны войны, и подобные договоры отомрут сами собой, не имея применения. Часто бывало даже так, – обнадеживающе завершал свою мысль граф де Мории, – что та же самая страна, которая настаивала на ограничении сил, первой предлагала их отменить»<sup>40</sup>.

Все шло к тому, что Горчаков должен был в конфиденциальном порядке встретиться с бароном де Буркене, французским представителем на конференции послов, созванной в Вене еще осенью 1854 г. для обсуждения перспектив мирного окончания войны<sup>41</sup>. Не исключалась и возможность личной встречи Горчакова и Мории в Дрездене. В это время, в середине декабря 1855 г., из Петербурга в российское посольство в Вене пришло неожиданное распоряжение канцлера Нессельроде о прекращении контактов с Мории. Канцлер проинформировал посла, что отныне сам будет вести конфиденциальные переговоры, но не с Мории, а с министром иностранных дел Франции графом Александром Валуевским. Он намеревался это делать при посредничестве своего зятя, упоминавшегося уже саксонского дипломата фон Зеебаха.

Вмешательство Нессельроде можно было бы объяснить его давним нерасположением к Горчакову. Долгое время он препятствовал карьере талантливого дипломата, держал его на второстепенных постах. В июне 1855 г. Нессельроде возражал против назначения Горчакова

<sup>37</sup> *Momy, Due de*. Extrait des Memories. Une ambassade en Russie, 1856. P., 1892. P. 10–11.

<sup>38</sup> Речь идет о т. н. «четырёх пунктах» Наполеона III, сформулированных 18 июля 1854 г.: совместный протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии над Дунайскими княжествами, временно оккупированными австрийскими войсками; равное покровительство пяти упомянутых держав над всеми христианами Оттоманской империи; коллективный пятисторонний надзор и контроль над устьями Дуная; пересмотр договора 1841 г. европейских держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы.

<sup>39</sup> *Momy, Due de*. Op. cit. P. 19–22.

<sup>40</sup> *Ibid.* P. 22–23.

<sup>41</sup> *Ibid.* P. 26–27.

послом в Вене, но Александр II настоял на своем. Теперь, когда князь Александр Михайлович стал нащупывать возможности достойного для России выхода из войны, граф Карл Васильевич, видимо, посчитал несправедливым, что лавры миротворца достанутся не ему, заслуженному ветерану европейской политики, а Горчакову.

Есть и другое объяснение действий Нессельроде, связанное с его неискоренимой приверженностью к давно обветшавшему союзу с Австрией. Между тем, с конца 1854 г. Вена стала фактическим союзником Парижа и Лондона, чем обнаружила вероломство и неблагодарность к России, спасшей Габсбургов в 1849 г. «По-видимому, – отмечается в отечественной «Истории дипломатии», – Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной «дружественной» Австрии»<sup>42</sup>.

Так или иначе, но искушенный во всех тонкостях дипломатической игры граф Нессельроде, допустил «утечку» информации о негласных контактах с Францией. Первыми об этом узнали австрийский император Франц-Иосиф и глава его кабинета граф К.Ф. фон Буоль, крайне озабоченные, чтобы Австрия не была забыта при мирном окончании войны. Они срочно занялись изготовлением дипломатической «бомбы», взрыв которой должен был поменять неблагоприятно складывавшуюся для Австрии обстановку.

Тем временем Нессельроде отправил в Париж своего саксонского зятя с тремя предложениями: Босфор и Дарданеллы должны остаться закрытыми; военный флот «посторонних» держав не может быть допущен в Черное море, за исключением судов, которые прибрежные государства сочтут возможным туда допустить; число этих судов определяют Россия и Турция на двусторонней основе, без постороннего посредничества.

Пока Зеебах добирался до Парижа, в Тюильри испытали нечто вроде шока от того, что Россия не сохранила в тайне начавшиеся франко-российские консультации об условиях прекращения войны. Графа Валевского посетил австрийский посол барон фон Хюбнер, обнаруживший осведомленность о негласных контактах Морие с Горчаковым, и поразивший главу французской дипломатии сообщением о полной готовности Австрии окончательно присоединиться к антирусской военной коалиции и даже предъявить России нечто вроде ультиматума.

Наполеон III оказался в весьма щекотливой ситуации и имел все основания негодовать на труднообъяснимое поведение русских. Он дал указание Валевскому не вступать в переговоры с Зеебахом, дав понять петербургскому эмиссару о своем недовольстве.

Австрийская заготовка «взорвалась» за несколько дней до наступления нового, 1856 г., когда к канцлеру Нессельроде явился на прием австрийский посланник граф В.Л. фон Эстергази, только что прибывший из Вены, и вручил ультимативные требования («коммюнике») императора Франца-Иосифа об условиях прекращения войны, неприятие которых повлечет за собой разрыв дипломатических отношений с Россией. Повторяя известные «четыре пункта» Наполеона III 1854 г., австрийский ультиматум дополнил их требованием полной нейтрализации Черного моря и запретом содержать на побережье морские крепости и другие военные арсеналы. В документе оговаривалось также право участников антирусской коалиции предъявлять России новые требования «на общую пользу Европы»<sup>43</sup>. Россия должна принять предъявленные ей условия мира до 18 января (и.с.). В противном случае антирусская коалиция расширится за счет вступления в нее Австрии.

Вскоре после демарша, предпринятого Эстергази в Петербурге, граф Буоль в Вене пригласил к себе князя Горчакова и объявил послу, что во избежание возможных недоразумений и неправильных его толкований ультиматум должен быть принят целиком, без всяких исклю-

<sup>42</sup> История дипломатии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 1959. С. 664.

<sup>43</sup> К истории Парижского мира 1856 г. // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 58–59.

чений<sup>44</sup>. Таким образом, российской стороне не оставлялось даже минимальной возможности для дипломатического маневра. Тот факт, что ультиматум был предъявлен недавним, причем ближайшим, союзником, глубоко ранил самолюбие Александра II и явился полной неожиданностью для канцлера Нессельроде, убежденного поборника австрийского союза.

В результате двух совещаний, состоявшихся 1 и 15 января 1856 г. у Александра II с участием его ближайших сподвижников – великого князя Константина Николаевича, графа К.В. Нессельроде, военного министра князя В.А. Долгорукова, министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева, генерал-адъютантов князя М.С. Воронцова и графа А.Ф. Орлова, а также статс-секретаря графа Д.Н. Блудова и барона П.К. Мейендорфа, бывшего посланника в Вене, – было принято решение согласиться с предъявленными условиями формального прекращения войны<sup>45</sup>. Не имея возможности ее продолжать в связи с истощением материальных ресурсов, Россия могла попытаться, как сказал на совещании Нессельроде, «рассеять коалицию, составленную из разнородных и антипатичных элементов и связываемую лишь требованиями общей борьбы»<sup>46</sup>.

Скорее всего уже тогда главную ставку в достижении этой цели русская дипломатия предполагала сделать на Францию – единственную из держав коалиции, обнаруживавшую миролюбивые намерения.

16 января государственный канцлер объявил австрийскому посланнику о принятии предварительных условий мира, выдвинутых венским двором<sup>47</sup>. В тот же день Эстергази по телеграфу проинформировал свое правительство о согласии России, а 20 января на конференции послов в Вене был подписан протокол, по которому воюющие державы обязались в трехнедельный срок направить на мирный конгресс в Париж своих уполномоченных для заключения перемирия и подписания мирного договора.

Главным уполномоченным от России Александр II назначил своего генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова, начальника Третьего отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. В помощь ему был придан опытный дипломат барон Ф.И. Бруннов, получивший статус второго уполномоченного.

---

<sup>44</sup> История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1995. С. 412.

<sup>45</sup> См. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 146–150.

<sup>46</sup> Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 601.

<sup>47</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 12.

## Граф Орлов и барон Бруннов

Алексей Федорович Орлов (1786–1861)<sup>48</sup> принадлежал к дворянскому семейству, выдвинувшемуся в начале царствования императрицы Екатерины II, восхождению которой на престол в 1762 г. братья Орловы (Григорий, Алексей, Владимир, Иван и Федор) активно содействовали. Алексей Федорович, как и его брат, Михаил, были внебрачными сыновьями генерал-поручика Федора Григорьевича Орлова, который добился от Екатерины признания для своих «воспитанников» всех прав дворянства, фамилии и герба Орловых.

Получив образование в аристократическом пансионе аббата Д.Ш. Николя, Алексей Орлов в 1801 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а через три года был зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк, в составе которого принимал участие в кампаниях 1805–1807 гг.

За отличие под Аустерлицем Орлов был пожалован золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1809 г. он перешел в лейб-гвардии Конный полк, в списках которого числился до конца жизни.

В Отечественную войну Орлов участвовал во многих сражениях, а под Бородином получил семь ранений. С января 1813 г. он был адъютантом великого князя Константина Павловича и храбро сражался под Лютценом, Баутценом, Кульмом и Дрезденом, за что был произведен в полковники, а затем принял участие в походе во Францию. В 1814 г. Орлов вышел в отставку, но через год вернулся на службу. В 1817 г. он получил генеральский чин. В отличие от своего старшего брата Михаила, участвовавшего в тайных декабристских обществах, Алексей был твердым противником всякого либерализма, не терпел неподчинения властям, хотя, повинуясь тогдашней моде, не избежал краткого пребывания в масонской ложе, куда попал под влиянием тестя, генерала А.А. Жеребцова.

В 1819 г. он был назначен командиром лейб-гвардии Конного полка, в 1820-м стал генерал-адъютантом, а через год получил под командование 1-ю бригаду гвардейской Кирасирской дивизии с оставлением за ним начальства над Конным полком. В 1820 г. он участвовал в подавлении восстания в Семеновском полку, а 14 декабря 1825 г. первым из полковых командиров пришел на помощь Николаю Павловичу и лично водил конногвардейцев в атаки на каре мятежников. Поведение Орлова в тот критический для молодого императора день было отмечено Николаем I. 25 декабря 1825 г. он возвел Алексея Федоровича в графское достоинство и, снисходя на его мольбы, освободил от судебного преследования Михаила Орлова, замешанного в декабрьском «злоумышлении». Это был единственный случай, когда Николай простил непосредственного, к тому же еще и видного, участника заговора.

В последующие годы генерал-лейтенант (с 1833 года – генерал от кавалерии), а с 1836 г. член Государственного Совета, Алексей Федорович Орлов становится одним из самых приближенных сановников императора Николая, доверявшего ему ответственные миссии военного и дипломатического характера. По поручению государя, Орлов неоднократно замещал Бенкендорфа на время его болезни во главе Третьего отделения, а в 1844 г., со смертью графа Александра Христофоровича, был назначен на его должность, присовокупив к ней пост командующего Императорской Главной Квартирой.

Французский поверенный в делах в Петербурге граф де Райневаль, обычно хорошо осведомленный в том, что касалось новостей и интриг придворной жизни, информируя

<sup>48</sup> См. о нем: *Петров А.П.* Орлов Алексей Федорович // *Русский биографический словарь.* Т. Обезьянинов – Очкин. М., 1905. Репр. воспроизв. М., 1997. С. 330–341; *Кудрявцева Е.П.* Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем Востоке // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С. 165–180; *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 31–35; *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России 1825–1855. М., 2005. С. 173–188.

министра иностранных дел Ф. Гизо о смерти Бенкендорфа и возможном назначении графа Орлова на этот «самый важный пост в империи», сослался на слухи о том, что последний колеблется – принимать или отклонить сделанное ему императором предложение<sup>49</sup>.

Эти слухи, на которые ссылался французский дипломат, оказались несостоятельными. Орлов при всем желании не мог противиться воле императора, тем более что после смерти Бенкендорфа он был единственным человеком из окружения Николая I, посвященным в дела тайной политической полиции. Разумеется, он без колебаний дал согласие на назначение в Третье отделение.

Пользовавшийся безграничным доверием императора, граф Орлов в качестве Главного начальника Третьего отделения и шефа жандармов ужесточил борьбу с проникновением в Россию из Европы либерально-революционных веяний и усилил давление на литературу в искреннем убеждении, что русским писателям не пристало «выносить сор из избы». Это означало, что в печати не должно появляться ничего, что прямо или косвенно могло скомпрометировать власть и царящие в империи порядки. С именем Орлова связано и раскрытие в апреле 1849 г. т. н. «дела Петрашевского», по которому, среди прочих, проходил начинающий литератор Федор Михайлович Достоевский. Одним словом, в либеральных кругах шеф жандармов граф Орлов, убежденный консерватор, имел совершенно определенную репутацию.

Такую его репутацию разделяли и отдельные члены иностранного дипломатического корпуса. Так, временный поверенный в делах Франции в Петербурге Шарль Боден в секретной записке в Париж называл Орлова «необразованным человеком», наделенным «посредственным умом», «неисправимо ленивым», к тому же, «испытывающим глубокое презрение и даже откровенную ненависть к идеям гуманизма». «Как государственный деятель, он – полный нуль», – категорично утверждал французский дипломат, и добавлял, что Орлов будто бы «находится под безграничным влиянием своей жены»<sup>50</sup>.

Трудно объяснить столь откровенную предубежденность, и, добавим, очевидную несправедливость месье Бодена к сановнику, которого уважали во всех европейских столицах, и в частности в Париже, о чем еще будет сказано.

Пример графа Орлова показывает, что иной человек бывает глубже и содержательнее своей репутации в определенных общественных кругах. В действительности «необразованный» и «ограниченный» Алексей Федорович был страстным почитателем творчества Ивана Андреевича Крылова. 13 ноября 1844 г. грозный начальник Третьего отделения был в числе тех, кто на руках выносил из церкви гроб с телом знаменитого баснописца. Посещая Москву, шеф жандармов всегда заезжал домой к другу своего опального брата Михаила, Петру Яковлевичу Чаадаеву, официально объявленному сумасшедшим, и подолгу доверительно беседовал с ним на самые разные темы. По свидетельству современников, он уважал и даже любил Чаадаева за независимый характер и оригинальность суждений.

Орлов принял близкое участие в смягчении судьбы декабриста Г.С. Батенькова, отсидевшего 20 лет в одиночной камере и находившегося на грани помешательства. Он добился от императора его перевода на поселение и снабдил «государственного преступника» значительной суммой (500 рублей серебром) для обустройства в Томске. Впоследствии Батеньков с благодарностью вспоминал гуманное отношение к себе Орлова. «Бумаги мои никто не читал до вступления Орлова, – писал Батеньков. – Он и разобрал их. Поэтому с 1844 года

<sup>49</sup> Archives des Affaires Etrangères (далее – ААЕ). Correspondance politique. Russie. Vol. 199. Fol. 318 verso. *Райневаль – Гизо, 29 сентября 1844 г.*

<sup>50</sup> См. ААЕ. *Memories et Documents. Russie. Vol. 45. Fol. 89 recto – verso, 90 recto.* Свидетельство Ш. Бодена относится к 1858 г., когда в окружении Александра II и в обществе началось обсуждение вопроса освобождения крестьян. А.Ф. Орлов занимал здесь весьма консервативные позиции, что, по-видимому, и снискало ему в глазах либерально мыслящего французского дипломата репутацию законченного ретрограда.

и переменялось совершенно мое положение. Граф назначил от себя деньги на мое содержание; выписал мне газеты и журналы и, объявив, что он будет посещать меня, как родственник, тем самым и дал уже значительность»<sup>51</sup>.

К этому можно добавить, что когда в 1856 г. молодой император Александр II назначит графа Орлова главой российской делегации на Парижском мирном конгрессе, то шеф жандармов, к удивлению своего окружения, станет приглашать к себе известного диссидента-невозвращенца Николая Ивановича Тургенева, нашедшего убежище во Франции. В редкие свободные вечера он любил беседовать с ним столь же откровенно и доверительно, как, в свое время, с Чаадаевым. «Подобные разговоры, – замечает по этому поводу современный исследователь истории Третьего отделения, – достаточно положительно характеризуют А.Ф. Орлова, как человека просвещенного, честного и порядочного, служившего Николаю I не за страх, а за совесть. Именно за эту беспредельную преданность ценил его царь»<sup>52</sup>.

В то же время верного царского слугу всегда притягивали люди свободного ума, имеющие собственные суждения об окружающей их действительности, и он не отказывал себе в удовольствии общаться с ними.

Вопреки утверждениям Шарля Бодена, граф Алексей Федорович проявил себя не только как храбрый кавалерист, военачальник, а затем и борец с «тлетворным» влиянием Запада, но и как искусный дипломат. Впервые его дипломатический талант обнаружился в 1829 г., когда по поручению Николая I Орлов провел успешные переговоры с Турцией, завершившиеся подписанием Адрианопольского мирного договора, после чего император назначил его своим послом в Константинополь с миссией добиться от султана неукоснительного выполнения условий договора. С высочайшим поручением граф Орлов справился менее чем за год своего пребывания в посольской должности.

Вторая, сугубо конфиденциальная, дипломатическая миссия была доверена Алексею Федоровичу в августе 1830 г., когда Николай I отправил его в Вену для обсуждения с австрийским императором возможных совместных действий против Луи-Филиппа, «узурпировавшего», как полагал царь, престол Бурбонов во Франции. На этот раз граф Орлов не успел проявить своих способностей, так как еще до его приезда венский двор вслед за Англией и Пруссией официально признал короля французов.

Зато громкий успех выпал на долю графа Орлова в 1833 г., когда он с большим искусством провел в Константинополе переговоры, увенчавшиеся заключением Ункяр-Искелесийского оборонительного союза с Турцией, причем послы европейских держав в Османской Порте узнали об этих переговорах уже после подписания договора.

В том же, 1833 г. Алексей Федорович сопровождал Николая I на встречу с австрийским императором Францем I в Мюнхенгретц, где вместе с графом К.В. Нессельроде и Д.Н. Татищевым от имени России он подписал Мюнхенгретцкую конвенцию о совместных действиях в пользу сохранения в Турции правящей династии. По существу, конвенция была направлена против восточной политики Франции, поддерживавшей египетского правителя Мухаммеда Али. Когда в начале 1835 г. умер император Франц, Николай I отправил Орлова на похороны в Вену в качестве своего личного представителя. Два года спустя тот же Орлов был направлен в Англию, как личный посланник царя, на коронацию королевы Виктории. В дальнейшем он постоянно сопровождал государя в его поездках по России и за границу, а в 1839 г. сопровождал в заграничном путешествии наследника-цесаревича Александра Николаевича, чьим наставником он был назначен после смерти князя Х.А. Ливена. Граф Алексей Федорович оказался первым, с кем цесаревич в ходе этого путешествия поделился, что влюблен в принцессу Гессен-Дармштадтскую и намерен связать с ней свою судьбу, если, конечно, авгу-

---

<sup>51</sup> Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. I Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 245.

<sup>52</sup> Чукар ев А. Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М., 2005. С. 180.

стейшие родители одобряют его выбор. Как уже говорилось, в 1841 г. желание юного Александра осуществилось. Его избранница, приняв православие, превратилась в великую княгиню Марию Александровну, будущую императрицу и мать другого русского самодержца – Александра III.

В 1852 г. Орлов принимал участие в секретных переговорах Николая I с австрийским императором и прусским королем в Ольмюце и Берлине.

Прощаясь на смертном одре с наследником престола, Николай Павлович «завещал» сыну своего верного друга как незаменимого помощника во всех государственных делах. Именно графа Алексея Федоровича, несмотря на его 70-летний возраст, Александр II направит на

Парижский мирный конгресс, призванный подвести черту под злополучной для России Крымской войной. Молодой император ни минуты не сомневался в том, что его бывший наставник сделает все возможное и даже невозможное для защиты российских интересов. И он, как мы увидим, не ошибся в своем выборе.

Вторым уполномоченным на Парижский конгресс Александр II утвердил барона Филиппа Ивановича Бруннова (1797–1875), выученика графа Нессельроде. Молодым дипломатом он принимал участие в Лайбахском (1821 г.) и Веронском (1822 г.) конгрессах Священного союза, был секретарем российской делегации на переговорах с Портой, завершившихся в 1829 г. подписанием Адрианопольского мирного договора, затем служил старшим советником МИД, а в 1840 г. получил назначение посланником в Лондон. На этом посту Бруннов участвовал в подготовке Лондонской конвенции о Египте 1840 г. и о Черноморских проливах в 1841 г., а также принимал деятельное участие в работе Лондонской конференции 1843 г. по делам Греции. В плане двусторонних отношений он подготовил и от имени России подписал в 1849 г. торговый договор с Англией. В период обострения Восточного кризиса, предшествовавшего Крымской войне, Бруннов фактически дезориентировал Николая I, внушая государю убеждение в ненадежности союза Англии и Франции. В его оправдание можно заметить, что он не был исключением. В таком же направлении действовал и его коллега в Париже Н.Д. Киселев. Тем не менее, после разрыва дипломатических отношений между Англией и Россией в феврале 1854 г., повлекших за собой объявление войны, Филипп Иванович продолжил успешную карьеру, заняв пост посланника при Германском союзе. Нессельроде вспомнил о своем протезе, когда встал вопрос о втором уполномоченном России на Парижском мирном конгрессе. Барон Бруннов был искушен во всех тонкостях дипломатической игры и слыл незаменимым составителем нот, депеш и отчетов. Помимо прочего, он имел устойчивую репутацию остроумного и интересного собеседника, что было немаловажно, особенно на сложных многосторонних переговорах.

В выборе уполномоченных на Парижский конгресс император Александр II и государственный канцлер граф Нессельроде, по всей видимости, учитывали и немаловажный для обеспечения успеха их миссии факт личного (для Бруннова) и заочного (для Орлова) знакомства с Наполеоном III. Это знакомство произошло еще в 1847 г., когда барон Филипп Иванович был посланником в Англии, а будущий император укрывался там от французского правосудия. Как уже говорилось, в 1846 г. Луи-Наполеон Бонапарт сумел бежать из тюрьмы, где отбывал пожизненный срок за попытку государственного переворота. Он надеялся тогда получить политическую и финансовую поддержку от Николая I в реализации своих планов во Франции. Луи-Наполеон пытался через Бруннова, с которым неоднократно встречался, установить канал связи с ближайшим сподвижником царя, графом А.Ф. Орловым, с которым некоторое время состоял в конфиденциальной переписке<sup>53</sup>.

---

<sup>53</sup> См. об этом: Неизвестная переписка Луи Наполеона Бонапарта с графом А.Ф. Орловым, начальником Третьего отделения (1847–1848 гг.). Из фондов ГА РФ (публикация, перевод с франц. и предисловие П.П. Черкасова) // Россия и Франция

Его попытки найти понимание в Петербурге не увенчались успехом. Император Николай Павлович отказался иметь дело с государственным преступником, каковым в то время считался сбежавший из тюрьмы Бонапарт.

Кто знал, что спустя всего лишь четыре года Луи-Наполеон сделается императором французов? И кто мог предвидеть, что в 1856 г. от его благорасположения во многом будет зависеть сохранение достоинства побежденной в Крымской войне России?

11 февраля (30 января ст. ст.) 1856 г. граф Орлов получил от канцлера инструктивные указания относительно целей, которых русские уполномоченные должны добиваться на мирном конгрессе<sup>54</sup>. Важнейшей из этих целей объявлялось достижение мира на условиях пяти пунктов, сформулированных Венской конференцией послов, на которые согласился император Александр. Ни о чем другом, и тем более об исправлении политической карты Европы, не может быть и речи. Инструкция предписывала русским уполномоченным исходить из «различия интересов и страстей наших врагов».

В дополнительной инструкции от 29 (17) февраля Нессельроде уточнил: «...не будучи в состоянии разделить наших врагов, мы должны войти в особое соглашение с теми из них, от решения которых будет зависеть восстановление мира»<sup>55</sup>.

Главным «врагом» России в Петербурге продолжали считать Англию, договориться с которой на приемлемых для России условиях было бы крайне сложно<sup>56</sup>. Однако такая возможность в принципе не исключалась. Можно было бы даже пойти на определенные уступки британским интересам ради одного – изолировать Австрию, вероломное поведение которой привело к образованию общеевропейской коалиции против России. Австрия в любом случае должна быть наказана. Таково было убеждение Александра II, с которым вынужден был согласиться и канцлер Нессельроде. «Образ действий, которого придерживается с самого начала настоящего кризиса австрийский кабинет, вызвал в России крайнее раздражение, – констатировал Нессельроде в «доверительной» записке от 11 февраля, адресованной графу Орлову. – Не так-то легко простить измену неблагодарного друга. Не в интересах Австрии, чтобы это чувство усиливалось, чтобы враждебные настроения длились. Она может поплатиться за это при тех неожиданностях, которые всегда возможны в настоящем еще не устоявшемся положении Европы»<sup>57</sup>.

Наиболее перспективными представлялись поиски взаимопонимания с Францией, несмотря на связывающие ее с Англией тесные союзнические отношения. Недвусмысленные демарши Наполеона III в отношении России, последовавшие за смертью Николая I, давали определенные надежды на успех подобных поисков. Интересы Наполеона в войне, как полагали в Петербурге, полностью удовлетворены. «Получив от союза с Англией все выгоды, какие только он мог извлечь, – гласила основная инструкция, данная Орлову, – властитель Франции не может следовать за ней в ее воинственных замыслах, где его ждет лишь неизвестность. А это не может входить в цели столь холодного и расчетливого человека, как Луи-Наполеон. Он не захочет, конечно, окончить теперешнюю войну, порвав свой союз с Англией. Тем более он не захочет враждовать с ней. Но, с другой стороны, естественно, что он будет стараться избавиться от той зависимости, в которой он до некоторой степени находится по отношению к ней. <...>

XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 166–189.

<sup>54</sup> Речь идет о трех документах, датированных 11 февраля: общей инструкции и «доверительных записках» на имя А. Ф. Орлова. См.: Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 13–18.

<sup>55</sup> Там же. С. 27.

<sup>56</sup> «Англия есть и будет нашим действительным и неумолимым врагом». Из инструкции от 11 февраля 1856 г. // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 14.

<sup>57</sup> Из доверительной записки Нессельроде от 11 февраля, адресованной Орлову // Там же. С. 18.

Недостаточная заинтересованность Франции в содействии целям Англии, преследуемым ею в Азии, а также открывающаяся для французского императора перспектива – стать благодаря союзам твердой ногой на континенте, – подчеркивалось в инструкции, – окажутся в руках наших уполномоченных в ходе конференции средством вызвать в политике Франции поворот, необходимый для того, чтобы Англия отказалась от своих воинственных замыслов»<sup>58</sup>.

Таковы были общие цели русской дипломатии в отношении Франции на открывшемся 25 февраля 1856 г. в Париже мирном конгрессе<sup>59</sup>.

Следует отметить, что выбор места проведения конгресса во многом зависел от России, как от побежденной стороны. Поддержав Наполеона в его настойчивом желании провести конгресс в столице Франции, Александр II поступил предусмотрительно, обеспечив, как вскоре выяснится, наиболее благоприятные для русских уполномоченных условия работы. Полную поддержку со стороны России получило и недвусмысленно выраженное пожелание императора французов видеть в роли председателя конгресса Александра Валевского, министра иностранных дел Франции.

Данный выбор окажется столь же удачным для русской дипломатии, сколь и досадным для английской и австрийской сторон, не без оснований считавших Валевского. пристрастным арбитром.

---

<sup>58</sup> Там же. С. 14–15.

<sup>59</sup> Освещение работы Парижского мирного конгресса и оценка его результатов выходят за рамки данного исследования, посвященного закулисному взаимодействию русской и французской дипломатий на конгрессе. О Парижском конгрессе и мире см.: *Жоини А.* Указ соч. С. 606–619; К истории Парижского мира 1856 г. // Красный архив. 1936, № 2 (75); *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Францией. 1822–1906. СПб., 1909. С. 281–294, 307–328; *Маринин О. В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 года. Дис... канд. ист. наук. М., 1987; *Тарле Е. В.* Крымская война // Соч. в 12 т. М., 1959. Т. 8. Глава XXII; *Charles-Roux F.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon II. 2-eme ed. P., 1913. P. 81–108; *Le Congres de Paris (1856). Un evenement fondateur / Ameil G., Nathan I., Soutou G.-H.* (dir.). P., 2009; *Echard W.* Napoléon III and the Concert of Europe. Louisiana State University Press, 1983; *Gourdon E.* Histoire du Congres de Paris. P., 1857; *Gouttman A.* Op. cit.; *Monicault G.* La question d'Orient. Le Traite de Paris et ses suites (1856–1871). P., 1898; *Sedouy J.-A. de.* Le Concert europeen. Aux origines de l'Europe 1814–1914. P., 2009. Chapitre XII.

## «Русский пособник» граф Валевский

Александр Флориан Жозеф, граф Колонна Валевский родился в 1810 г. в имении своей матери в герцогстве Варшавском<sup>60</sup>. Он был побочным сыном императора Наполеона I и польской графини Марии Валевской<sup>61</sup>, т. е. приходился двоюродным братом Наполеону III. В 1812 г. Валевский получил титул графа Империи с правами наследования по прямой линии. В январе 1814 г. вместе с матерью он побывал у отца на о-ве Эльба, а впоследствии проживал с ней в Женеве. В декабре 1817 г. графиня Валевская умерла, и семилетний Александр перешел на воспитание к своему дяде по материнской линии, который в 1824 г. увозит его в русскую Польшу (Царство Польское).

Сын Наполеона обращает на себя внимание великого князя Константина Павловича, который предлагает юноше вступить в русскую армию. Воспитанный в духе польского патриотизма, Валевский отклоняет это предложение. Он не скрывает своей приверженности идее независимости Польши, и вскоре становится объектом пристального внимания со стороны русской тайной полиции. Тем не менее, ему удается нелегально выехать из Польши и перебраться в Англию, а оттуда – в Париж, где он устанавливает контакты с польской эмиграцией. Российское посольство во Франции получает указание добиваться выдачи Валевского, но, несмотря на доверительные отношения с Петербургом, кабинет Карла X отказывает в этой просьбе, хотя сын Наполеона и в Париже демонстрирует оппозиционные настроения, сблизившись с противниками режима Реставрации – либералами.

С победой Июльской революции 1830 г. Валевский по поручению министра иностранных дел генерала О. Себастиани направляется с секретной миссией в восставшую Польшу, где вступает в ряды повстанцев и принимает участие в сражении при Грохове. За проявленную доблесть он получает орден *Virtuti militari*. Затем национальное правительство Польши направляет графа Валевского в Лондон, чтобы заручиться поддержкой Англии против России. Здесь он встречает очаровательную мисс Каролину, дочь лорда Джона Монтегю, и женится на ней.

После взятия русскими войсками Варшавы и подавления восстания Валевский с супругой покидают Лондон и уезжают в Париж, где Александр принимает французское подданство и получает назначение на должность офицера для поручений при маршале Э.М. Жераре. В апреле 1834 г. в возрасте двадцати пяти лет неожиданно умирает его жена. Почти одновременно, один за другим, умирают их малолетние дети – дочь и сын. Безутешный Валевский записывается в только что созданный Иностраннный легион и в чине капитана отправляется в Алжир, где с 1830 г. продолжались военные операции по «умиротворению» этой непокорной территории, которую король Луи-Филипп объявил французским генерал-губернаторством.

По возвращении из Алжира Валевский некоторое время продолжал военную службу в составе 4-го гусарского полка, а в 1837 г. вышел в отставку, решив посвятить себя литературным занятиям. Он публикует две брошюры – “*Un mot sur la question d’Alger*” (1837) и “*L’alliance anglaise*” (1838). В первой он развивает свой взгляд на алжирскую проблему, а во второй – на франко-английский союз. Валевский пробует перо и как драматург. В январе 1840 г. в одном из парижских театров была поставлена комедия по пьесе Валевского, но успеха она не имела, после чего граф стал подумывать об очередной смене занятий.

<sup>60</sup> О нем см.: *Bernardy F. de. Walewski, le fils polonais de Napoléon*, P., 1976. В Архиве МИД Франции имеется его служебное досье: ААЕ. Personnel. 1-re serie. № 4158.

<sup>61</sup> Мария Валевская была на пятьдесят лет моложе супруга, с которым давно поддерживала лишь формальные отношения. Тем не менее, 74-летний граф Валевский великодушно признал своего «сына».

В это время он знакомится с 20-летней актрисой, мадемуазель Рашель (Элизабет Рашель Феликс), уже гремевшей на парижской сцене в ролях трагических героинь. Их роман увенчался рождением сына, названного Александром, в честь отца. Валевский признает его, а в 1860 г. с согласия императора Наполеона официально усыновит, дав свое имя и титул. Расставшись с Рашель, Александр в 1846 г. женится на дочери графа Риччи, которая родит ему четверых детей; правда, их первенец-девочка умрет в младенчестве. Но все это будет потом, а тогда, в начале 1840 г., незадачливый драматург оказался на распутье – чему себя посвятить?

Вскоре представился удачный случай. Летом 1840 г. тогдашний глава кабинета Луи-Филиппа и одновременно министр иностранных дел Адольф Тьер, близко знавший Валевского, доверил ему деликатную дипломатическую миссию в Египет, к тамошнему правителю Мухаммеду Али. Вопреки прежним обнадеживаниям со стороны Франции, египетского пашу надо было теперь склонить к принятию ультиматума великих держав о возвращении султану завоеванных пашой территорий (т. н. Лондонская конвенция 1840 г.).

Вторую дипломатическую миссию на исходе 1847 г. доверил Валевскому уже Франсуа Гизо, последний глава правительства Июльской монархии. Он отправил его в Аргентину. Там, в Буэнос-Айресе, Валевский получил известие о Февральской революции в Париже. Посчитав себя свободным от выполнения поручения свергнутого режима, он поспешил вернуться во Францию, где примкнул к Луи-Наполеону, вождю бонапартистов.

С избранием последнего президентом республики начинается стремительная дипломатическая карьера Валевского. В 1849 г. он назначается посланником во Флоренцию, в 1850 г. – послом в Неаполь, год спустя – в Мадрид, а затем в Лондон. С провозглашением во Франции Второй империи 2 декабря 1852 г. графу Валевскому было поручено добиться скорейшего признания Наполеона III иностранными дворами, с чем он успешно справился.

В конце апреля 1855 г. Наполеон отзывает Валевского из Лондона и назначает его сенатором, а несколько дней спустя – министром иностранных дел. Ему же император доверил представлять Францию на Парижском мирном конгрессе, призванном положить конец Крымской войне. Этот выбор был наполнен глубоким смыслом. Именно он, сын Наполеона I, был избран председателем на триумфальном для Второй империи мирном конгрессе, который, помимо прочего, должен был символизировать конец Венской системы 1814–1815 г., построенной на унижении Франции. Таков был замысел Наполеона III, настоявшего на проведении конгресса именно в Париже, с чем вынуждены были согласиться все участники конгресса. Россия с наибольшей готовностью приняла предложение императора французов перенести обсуждение вопроса прекращения войны из Вены, где с марта 1855 г. проходила конференция послов, в Париж. В столице Франции можно было бы избежать гнетущей австрийской опеки, так досаждавшей русским дипломатам в Вене.

В первой половине февраля 1856 г. в Париж начали съезжаться уполномоченные держав-участниц предстоящего конгресса. Австрию представляли два делегата – граф Карл-Фердинанд Буоль-Шауенштейн, глава кабинета министров, министр иностранных дел, и барон Иосиф Александр фон Хюбнер (Гюбнер), посланник в Париже. Англию – граф Джордж Уильям Фридерик Кларендон, статс-секретарь (министр) по иностранным делам, и барон Генри-Ричард-Чарлз Каули, посол Ее Величества во Франции. Сардинское королевство – граф Камилло Бенсо Кавур, глава кабинета министров, министр финансов, и маркиз Салватор де Вилла-Марина, посланник при французском императорском дворе. Оттоманскую Порту – Мохаммед Эмин-Али-паша, верховный визирь, и Мехмет-Джемил-бей, посол при императоре французов и при короле Сардинском. Франция, как уже говорилось, была представлена графом Александром Колонна Валевским, сенатором, министром иностранных дел, и бароном Франсуа Адольфом Буркене, посланником при дворе императора Франца-Иосифа I.

С некоторым опозданием (с 8-го заседания) на конгресс была допущена делегация Пруссии, представленная министром-президентом бароном Отто-Теодором фон Мантейфелем, и прусским посланником в Париже графом Максимилианом фон Гарцфельдтом<sup>62</sup>.

Первым из русских уполномоченных в Париж прибыл барон Бруннов, который, сразу же по приезде, дважды – 14 и 16 февраля – был принят графом Валевским. Свои первые впечатления об этих встречах, а также об ожидаемой на конгрессе позиции Англии и Австрии<sup>63</sup>, Филипп Иванович подробно изложил 19 февраля в депеше канцлеру Нессельроде<sup>64</sup>.

Из депеши Бруннова:

[...] Император Наполеон определенно желает в возможно краткий срок придти к заключению мира. Он высоко ценит чувство, побудившее нашего августейшего государя перенести переговоры в Париж. Он придает громадное значение их успеху. Следовательно, он употребит все усилия, чтобы устранить трудности, могущие либо замедлить их ход, либо сделать их безрезультатными. Затруднения, которые следует предвидеть, будут исходить не от Франции, а от Англии, с одной стороны, и от Австрии – с другой.

Первая с самого начала не проявляла большого желания содействовать заключению мира. Она предпочла бы испытать счастья в третьей кампании, чтобы восстановить военную репутацию Великобритании, которой был нанесен ущерб первыми двумя кампаниями. К тому же соображения парламентского характера, от которых зависит судьба правительства, находящегося у власти, внушают лорду Пальмерстону сильные опасения в прочности его власти после заключения мира, который не будет пользоваться популярностью в глазах англичан, если он не оправдает надежд, которые правительство Великобритании имело неосторожность возбудить у сторонников войны.

Французский кабинет не без труда преодолел колебания и явное нежелание Англии. И это ему удалось только благодаря его настойчивости. Лично лорд Кларен-дон расположен благоприятно. Но он всецело во власти общественного мнения, находясь под влиянием газет, боится оказаться не на высоте той доминирующей роли, которую он считает себя призванным играть в глазах Европы. Он чрезвычайно чувствителен ко всему тому, что касается англо-французского союза; он усматривает угрозу для его дальнейшего существования в тех отношениях, которые могут установиться между уполномоченными России и Франции. Отсюда крайняя необходимость для французского кабинета избегать всего, что могло бы вызвать подозрение и недоверие у английского кабинета. Давая ему повод к недоверию, подвергают риску успех переговоров. Граф Валевский с особенным ударением подчеркнул это затруднение.

«Император Наполеон, – сказал он мне, – определенно желает сохранить узы, которые связывают его с Англией. По необходимости ему приходится в сношениях с ней быть крайне осторожным. Он будет вам крайне обязан, если во время переговоров вы будете иметь это в виду. Если возникнут трудности, то для их преодоления он остановится на таких способах, которые, по его мнению, окажутся наиболее для этой цели пригодными, действуя притом с чрезвычайной осторожностью и никого не задевая. Поставив себе задачу добиться примирения, он ее выполнит без всякого сомнения с большим тактом и искусством. Вы можете быть в этом уверены». [...]

---

<sup>62</sup> Первоначально участие Пруссии в конгрессе не предусматривалось. Этот вопрос встал, когда началось обсуждение проблемы проливов и нейтрализации Черного моря. По общему согласию, было решено пригласить на конгресс представителей Пруссии на том основании, что Пруссия участвовала в Лондонской конференции 1841 г. о проливах, решения которой теперь должны быть пересмотрены с ее участием.

<sup>63</sup> В данном случае нас интересует лишь оценка Брунновым позиции Франции. – П. Ч.

<sup>64</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 18–19.

Из сообщения Бруннова следовало, что французская дипломатия на конгрессе будет всеми средствами добиваться скорейшего прекращения войны, что отвечало интересам России, но в то же время – шло вразрез с целями Англии, желавшей предельного ослабления поверженного противника. Одновременно миротворец Наполеон не желает ставить под сомнение устойчивость франко-британского союза. Император французов надеется на соответствующее понимание со стороны России, которая может рассчитывать на его содействие достойному выходу ее из войны.

На исходе четверга, 21 февраля в Париж в сопровождении внушительной свиты прибыл первый российский уполномоченный генерал-адъютант А.Ф. Орлов<sup>65</sup>.

Уже на следующий день он был приглашен к графу Валевскому, который сообщил ему о назначенной на 23 февраля аудиенции у императора Наполеона, пожелавшего по ее окончании побеседовать с Орловым с глазу на глаз. Об этой первой встрече с Наполеоном Алексеем Федорович подробно сообщил графу Нессельроде в депеше от 2 марта<sup>66</sup>.

Из депеши Орлова:

[...] В субботу, в два часа, я отправился в Тюильри. Высшие придворные чины, принимая меня, выказали большую предупредительность. Они меня тотчас провели к императору.

Его Величество чрезвычайно милостиво принял меня. В кратких словах я изложил ему мнение нашего августейшего государя относительно достижения умиротворения, чего так страстно жаждет вся Европа. Я ему сказал, что император искренне разделяет выраженное ему желание объединенными усилиями содействовать установлению добрых отношений между обоими кабинетами и укреплению симпатий, существующих между двумя великими нациями, судьбы которых провидение вручило попечению их монархов. В заключение я сказал, что наш августейший государь надеется, что надежный и почетный мир, заключенный между обеими империями, будет содействовать установлению дружественных отношений между обоими государями.

Император Наполеон сказал, что он разделяет эту надежду и желает ее осуществления, затем отпустил свою свиту и пригласил меня последовать за ним в его кабинет.

Его Величество, милостиво предложив мне сесть, сел сам и тотчас же приступил к политической беседе.

Уверенный в том, что откровенность и прямота моих речей будет наилучшим способом произвести на него должное впечатление, я начал с заявления, что изложу ему сейчас без всяких умолчаний, уклонений и тонкостей истинное положение вещей и вслед за этим тут же немедленно доведу до его сведения, на что я, строго выполняя ясно выраженную волю нашего августейшего государя, уполномочен ответить согласием и на что обязан ответить отказом<sup>67</sup>. [...]

Такое доверие поразило его. Сказав мне по этому поводу несколько лестных слов, он перевел наш разговор на совершенно новую тему.

---

<sup>65</sup> Приезд в Париж графа Орлова произвел там сенсацию. Газеты откликнулись на это серией публикаций о его жизни, об участии в войне против Наполеона, о пребывании в Париже весной 1814 г. в составе русской армии, о дружбе с покойным императором Николаем. Журналисты не преминули напомнить читателям, что граф Орлов более десяти лет возглавляет тайную полицию Российской империи и является одним из самых доверенных лиц молодого царя Александра. Литографированные портреты и цветные лубочные изображения генерала Орлова выставлялись в витринах книжных лавок и газетных киосков. Одним словом, он стал парижской знаменитостью. Ни один из участников мирного конгресса не удостоился такого внимания прессы, как генерал Орлов.

<sup>66</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 27–30.

<sup>67</sup> Орлов четко изложил Наполеону три основные позиции России: устье Дуная должно остаться свободным и открытым для торговли всех государств, для чего Россия и Турция договорятся о разрушении имеющихся в этом районе своих укреплений; Черное море будет объявлено нейтральным; пограничная линия между Молдавией и Бессарабией будет установлена лишь после детального обсуждения и с общего согласия.

Он выразил мне те чувства преклонения и уважения, которые он питает к памяти покойного государя, говоря, что несмотря на возникшие между ними разногласия в вопросах политики, он продолжает глубоко и искренне скорбеть о смерти такого великого государя.

Продолжая беседу в тоне все большего доверия и благожелательности, он после минуты раздумья сказал:

«Мне хотелось бы знать ваше мнение о Венском трактате [1815 г.]. Обстоятельства внесли в него много изменений. На случай, если бы возник вопрос об его пересмотре, мне хотелось бы знать ваши взгляды на этот предмет».

Я ответил, что вопрос такой важности затрагивает интересы всей европейской политики. К тому же он лежит вне моих полномочий и инструкций, и поэтому я не считаю себя вправе высказывать свой личный взгляд на дело, которое по характеру своему входит в прямую компетенцию кабинетов.

Император возразил: «Но это просто разговор». Затем он сказал следующее: «Эта бедная Италия! Ведь, в самом деле, не может же она оставаться в своем настоящем бедственном положении. Неужели нельзя ничего для нее сделать? Я говорил об этом графу Буолю. Он мне на это ничего не ответил. По-видимому, это ему нежелательно».

Затем, эта бедная Польша, религия которой подвергается преследованию. Разве государь в своем милосердии не мог бы положить конец тем притеснениям, от которых страдает католическая церковь, не мог бы смягчить судьбу многих несчастных, которые на беду свою позволили вовлечь себя в политические ошибки?»

Я ответил:

«Польша пострадала исключительно по своей вине. Ей были предоставлены все возможности для ее полного благополучия. Она ничем не сумела воспользоваться. Поляки потеряли свои политические права, потому что они нарушили свою клятву и не выполнили своих обещаний».

Что же касается свободы вероисповедания, то уже приняты все меры для успокоения их совести в религиозном вопросе. Конкордат, заключенный с св. престолом, подвергается тщательному рассмотрению, так как имеется в виду ввести его в жизнь. С самого своего вступления на трон император Александр шел навстречу надеждам, вызываемым его милосердием. Не смея высказывать мнение о его намерениях, о которых не мне судить, я полагаю, что государь имеет в виду во время своего коронования еще более облегчить наказание, постигшее виновных».

В ответ на эти мои размышления Его Величество повторил мне еще раз свое уверение в том, что моя откровенная речь по поводу происходящих переговоров побудила и его дать со своей стороны доказательства доверия, высказывая мне, как он это только что сделал, свои соображения по некоторым вопросам...

Представляя императорскому кабинету этот краткий отчет, я думаю, что не очень погрешу против истины, утверждая, что мысль о будущем конгрессе, который имел бы своей целью пересмотр статей Венского трактата, серьезно занимает императора, являясь в данное время главным предметом его помышлений.

От этой первой беседы у меня осталось впечатление, что император Наполеон умеет под маской искренности скрывать глубокий и в то же время гибкий и острый ум. Он выражает свои мысли ясно, точно, с оттенком скромности, которая подчеркивает то высокое положение, на которое он вознесен событиями».

Орлов верно оценил главное, что интересовало Наполеона III на исходе Восточной войны, а именно – отмена унижительных для Франции условий Венского мира 1815 г., признание их утратившими силу. Из разговора с императором французов граф Алексей Федорович вынес и убеждение относительно намерений Наполеона в Италии, что обещало кон-

фликт с Австрией, традиционно считавшей этот район сферой своего влияния. Наконец, упоминание о «бедной Польше» свидетельствовало о сохранявшемся интересе Франции к крайне болезненному для России польскому вопросу, что было чревато неизбежными осложнениями в русско-французских отношениях. Но самым важным в тот момент для российской дипломатии было недвусмысленно выраженное намерение Наполеона помочь императору Александру с достоинством выйти из затруднительного положения, в котором Россия оказалась в результате злополучной Крымской войны.

Благожелательная по отношению к России позиция Наполеона III обнаружилась с первого же дня работы конгресса, открывшегося 25 февраля под председательством графа Валевского, умело проводившего примирительную линию, предписываемую его положением арбитра, а также указаниями императора. Сам Наполеон, пренебрегая плохо скрываемым недовольством союзников, демонстрировал расположение к Орлову, часто приглашая его в Тюильри для конфиденциальных бесед, о содержании которых остальные участники конгресса могли только догадываться.

«До сегодняшнего дня все поведение и речи императора Наполеона подтверждали его стремление к завершению мирных переговоров, – писал Орлов 11 марта графу Нессельроде. – Если бы он этого не хотел, он не старался бы умерить требования Англии... Наш отказ ответить согласием на несправедливые претензии британского правительства положил бы конец переговорам, причем ответственность за их разрыв не упала бы на императора Наполеона. Одним словом, если бы он хотел не мира, а войны, то ему достаточно было бы хранить молчание. Он не захотел этого.

Он активно, умело, настойчиво вмешивался, стремясь умерить как исключительные притязания Англии, так и корыстные расчеты Австрии. Свое посредничество он употребил не только для того, чтобы по мере сил содействовать восстановлению мира, но и для того, чтобы дать справедливое удовлетворение нашим справедливым интересам.

Граф Валевский эту мысль его понял и осуществил ее с большим тактом и умением. На конференции я неоднократно замечал его стремление не вызывать неудовольствия английских уполномоченных, что объяснялось ясно выраженным желанием Франции не порывать резко своих связей с Англией. Вне конференции, в наших доверительных беседах, он всегда выказывал настроение неизменно миролюбивое, я бы сказал, даже дружественное. К нам он всегда относился не как враг, а как пособник. Он сам употребил этот термин и соответственно держал себя в течение всех переговоров»<sup>68</sup>.

Когда лорд Кларендон попытался поднять на конгрессе вопрос о независимости северокавказских племен от России<sup>69</sup>, Валевский, действуя по прямому указанию Наполеона, воспротивился обсуждению этой темы, сославшись на то, что она выходит за рамки утвержденной повестки дня. Не получили поддержки со стороны Франции и требования австрийского уполномоченного графа Буоля о том, чтобы Россия согласилась на уступку Турции всей Бессарабии<sup>70</sup>. Буоль имел все основания выражать недовольство линией, проводимой в этом вопросе Валевским, справедливо усматривая в ней признаки начавшегося франко-русского сближения<sup>71</sup>.

<sup>68</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 37–38.

<sup>69</sup> Как известно, британская дипломатия в ходе войны предпринимала настойчивые попытки наладить взаимодействие отрядов Шамиля на Северном Кавказе с турецкой армией.

<sup>70</sup> В связи с вскрывшимися на конгрессе острыми противоречиями по вопросу о Дунайских княжествах было решено образовать специальную комиссию для определения общих принципов будущего устройства этих княжеств. В 1858 г. в Париже будет созвана конференция, посвященная этому вопросу.

<sup>71</sup> «Граф Буоль, лишившись роли, которую он играл, будучи председателем венских конференций, не мог скрыть огорчения, которое ему причинило это падение его политического влияния, – писал Орлов 11 марта Нессельроде. – Более того, его видимо раздражают те отличия и тот прием, которые оказываются нам, а также те чувства симпатии, которые проявляются, как это он мог видеть, по отношению к представителю нашего императора при дворе, в свете и в армии. Это его бес-

Активное содействие графа Валевского помогло преодолеть острые разногласия по вопросу демилитаризации Анладских островов и при выработке декларации Парижского конгресса по морскому международному праву, подтвердившей, как на том настаивали Орлов и Бруннов, основные принципы, сформулированные еще в 1780 г. Екатериной II<sup>72</sup>. Валевскому удалось убедить лорда Кларендона в обоснованности требований, отстаиваемых Орловым<sup>73</sup>.

В Петербурге, где по традиции, унаследованной от предыдущего царствования, живым воплощением которого продолжал оставаться канцлер Нессельроде, не склонны были излишне доверять благорасположению Франции. Однако подчеркнуто лояльное по отношению к России поведение императора Наполеона и его представителя на мирном конгрессе побудили даже графа Карла Васильевича скорректировать устоявшийся взгляд на Францию. «...Мы должны вывести заключение, – писал Нессельроде 15 марта графу Орлову, – что одной из причин, побудивших его [Наполеона] твердо взять в свои руки дело восстановления мира, была надежда на установление более близких отношений с Россией. Итак, думается нам, что чем больше мы будем поддерживать в нем веру в успех этого, тем сильнее будет его желание предотвратить неудачу переговоров из-за тех непредвиденных затруднений, которые, быть может, поднимет Англия».

Более того, Орлову было разрешено дать понять Наполеону III, что Россия не будет препятствовать его сокровенному желанию добиться признания утратившими силу положений Венского трактата 1814 г., касающихся династии Бонапартов, лишенных всех прав на верховную власть во Франции. «...Вам представляется самому решить, – писал по этому поводу Нессельроде, – насколько может способствовать успеху переговоров намек с вашей стороны, что мы благожелательно относимся к этому вопросу»<sup>74</sup>.

В это время представился удобный случай засвидетельствовать императору французов благодарность за благожелательную позицию Франции на мирном конгрессе. Причем сделано это было весьма нетривиальным способом. 16 марта 1856 г. у императора Наполеона и императрицы Евгении родился долгожданный наследник. Французские войска, пока остававшиеся в Крыму, отметили это событие праздничным салютом. Русская армия, расположенная фронтом перед боевыми порядками французов, последовала их примеру, отсалютовав рождению императорского принца (*Prince Imperial*), а вечером на прилегающих горах устроила иллюминацию, которой вместе с русскими могли любоваться и их противники – французы.

Эта акция, осуществленная еще до подписания мирного договора, произвела самое благоприятное впечатление во Франции. Император поспешил выразить графу Орлову искреннюю признательность и объявил, что немедленно направляет в Петербург своего генерал-адъютанта графа Эдгара Нея, внука прославленного маршала, расстрелянного Бурбонами в 1815 г., с выражением благодарности за «это спонтанное выражение симпатии, так тронувшее его сердце»<sup>75</sup>.

Расположенность Наполеона и его уполномоченного на конгрессе Валевского к России, конечно же, была далека от альтруизма. Активно содействуя мирному урегулирова-

---

покоит и создает неуверенность за будущее. Ему кажется, что это является предзнаменованием более интимного сближения между Россией и Францией. Он знает, что Австрия ничего от этого не выиграет. Это предчувствие – вполне заслуженное наказание для этого государственного деятеля за содеянные им ошибки». // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 38–39.

<sup>72</sup> Основные принципы международного морского права были сформулированы Екатериной II в декларации от 9 марта (27 февраля) 1780 г. Текст декларации опубликован в работе: О вооруженном морском нейтралитете. СПб., 1859. С. 64–66.

<sup>73</sup> См. об этом: *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 288–291.

<sup>74</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 43.

<sup>75</sup> Из телеграфной депеши Орлова от 29 марта 1856 г., адресованной Нессельроде // АВПРИ. Ф. 133. Он. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 70–70 об.

нию, французская сторона вместе с тем твердо отстаивала свои интересы, ради которых в 1854 г. она вовлекла себя в конфликт между Турцией и Россией. Эта твердость обнаружилась при обсуждении проблемы нейтрализации Черного моря, в частности в вопросе о ликвидации крепостных и других военных сооружений на побережье. Французские уполномоченные настаивали на возвращении Турции взятого русской армией Карса, а также отклонили давние претензии России на единоличную защиту прав православных подданных султана, выступая за совместные гарантии великими державами прав всех христиан Османской Порты<sup>76</sup>. По этим вопросам Валуевский на конгрессе выступал солидарно с Кларендоном. В целом же позиция Франция – единственной из участниц конгресса – была наиболее благоприятной по отношению к России.

Умелое посредничество Валуевского, которого в наиболее трудных ситуациях эффективно поддерживал Наполеон, позволило сторонам в скором времени прийти к согласию и 30 марта подписать Парижский мирный договор<sup>77</sup>, который, по всеобщему признанию, оказался менее жестким и унижительным для проигравшей войну России, как этого можно было ожидать. В сущности, в нем были зафиксированы только те положения, с которыми Россия предварительно согласилась при созыве конгресса.

Наибольшее удовлетворение итогами войны, зафиксированными в Парижском мирном договоре, испытывал Наполеон III. «Весна 1856 года была временем подлинного цветения для императора и для Франции, – отмечается в современной «Истории французской дипломатии». – За ее пределами французская армия, вынесшая на себе основную тяжесть коллективных операций, проявив способность действовать на протяжении нескольких месяцев в условиях крайней удаленности, доказала, что она – лучшая на тот момент армия в мире. Париж заменил Вену и даже Лондон в качестве стержня европейского концерта... Хотя победа и [мирный] конгресс не принесли Франции прямых существенных выгод, они принесли ей очевидный ореол. Если Наполеон имел целью разорвать то, что все еще называли Северным альянсом, то он полностью реализовал свой замысел. Отныне Австрия и Россия никогда уже не смогут выступить вместе, особенно против Франции»<sup>78</sup>.

Действительно, не получив никаких территориальных и материальных преимуществ, Наполеон III добился большего – как для Франции, так и для династии Бонапартов. Был взят моральный реванш за унижение 1814–15 гг. На смену господствовавшему прежде на континенте Священному союзу пришел «европейский концерт», в котором Франция получила ведущую роль, а император французов превратился в подлинного арбитра Европы.<sup>79</sup>

Чувствуя недовольство своих союзников обозначившимися на конгрессе признаками его интереса к России, и не желая компрометировать франко-британский альянс, Наполеон III вынужден был пойти навстречу настойчивым пожеланиям сент-джеймского и венского дворов о дополнительных гарантиях территориальной неприкосновенности Турции. 15 апреля 1856 г., спустя две недели после закрытия мирного конгресса, граф Валуевский, лорд Кларендон и граф Буоль подписали трехстороннюю конвенцию о гарантиях Османской империи.

Когда Валуевский сообщил об этом Орлову, начавшему сборы к возвращению в Петербург, граф Алексей Федорович выразил французскому министру свое крайнее удивление этим актом, антироссийская направленность которого, как он не преминул заметить, не

<sup>76</sup> Charles-Roux K Op. cit. P. 90–96. За несколько дней до открытия конгресса султан Абдул-Меджид под давлением Англии и Франции издал манифест (хатти-шериф), провозгласивший свободу всех христианских вероисповеданий на территории Османской Порты. Это позволило Кларендону и Валуевскому настоять на включении упоминания об этом манифесте в специальную статью Парижского мирного договора.

<sup>77</sup> Текст договора см.: Мартенс Ф. Указ соч. Т. XV. С. 307–328.

<sup>78</sup> Histoire de la diplomatie française. / Présentation de Dominique de Villepin. P. 2005. P. 590.

<sup>79</sup> Sedouy J.-A. de. Op. cit. P. 321.

вызывает у него сомнения. В депеше на имя государственного канцлера Орлов следующим образом прокомментировал поведение Франции в этом деле: «...Австрия и Англия, вероятно, выдвинули эту комбинацию нарочно с целью скомпрометировать перед нами Францию и тем самым испортить наши отношения, проявление сердечности которых уже начинало беспокоить венский и лондонский дворы»<sup>80</sup>.

Александр II согласился с такой трактовкой Орлова, но одновременно укрепился в мысли, что Наполеону не следует вполне доверять. На депеше Орлова государь сделал помету: «Это поведение Франции по отношению к нам не очень лояльно и должно служить нам мерилем степени доверия, которое может нам внушать Л. – Н[аполеон]»<sup>81</sup>.

По всей видимости, и сам император французов испытывал некоторую неловкость от содеянного. Он пригласил к себе Орлова и выразил ему глубокое сожаление по поводу подписанной конвенции. Это решение, объяснял он, было вынужденным, так как прямо вытекало из заключенного еще на Венской конференции соглашения союзников о гарантиях Турции. К тому же, на него оказывалось сильнейшее давление со стороны Англии и Австрии.

Орлов, с присущей ему откровенностью, которая как будто бы всегда импонировала Наполеону, ответил, что он, конечно же, отлично понимает мотивы действий Англии и Австрии, но не может понять, почему Франция поддалась их давлению в принятии решения, имеющего очевидную антироссийскую направленность. Тем более странно для наметившихся дружественных отношений между Россией и Францией, добавил Орлов, что от него пытались скрывать сам факт переговоров по этому вопросу.

Отвечая на откровенный упрек Орлова, император попытался переложить ответственность на своего министра иностранных дел. «Когда я узнал через Валуевского, что договор вам еще не сообщен, – заявил Наполеон, – то я выразил ему свое недовольство этим, так как это похоже на хитрость, на которую я не способен. Я прошу вас уверить в этом вашего августейшего государя. Я, впрочем, приказал, чтобы вам сообщили все документы, о коих идет речь»<sup>82</sup>.

Действительно, через несколько дней Валуевский предъявил Орлову копии Венского меморандума (14 ноября 1855 г.) и апрельской конвенции 1856 г., после чего Алексей Федорович не удержался, заявив, что всегда считал графа Валуевского честным человеком и поэтому не понимает, зачем нужно было так себя вести в отношении России<sup>83</sup>.

Вплоть до отъезда Орлова из Парижа Наполеон III использовал каждую возможность, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление от участия Франции в конвенции 15 апреля. Однажды он прибегнул даже к помощи императрицы Евгении. По окончании одного из официальных обедов в Тюильри, где присутствовал Орлов, императрица отвела его в сторону и сказала, что император, ее супруг, чрезвычайно огорчен тем, что может быть заподозрен в неискренности в связи с подписанием апрельской конвенции. Присоединившийся к императрице и Орлову граф Валуевский поспешил доверительно сообщить Алексею Федоровичу, что на секретных переговорах Кларендон и Буоль настаивали на четком определении всех *casus belli* в защите Турции. Однако Наполеон уполномочил его, Валуевского, решительно отклонить эти требования, согласившись лишь на общее обязательство трех держав, предоставив каждой самостоятельно и на свой риск определять, имеется ли *casus belli*, или нет<sup>84</sup>. Вежливо выслушав императрицу и графа Валуевского, Орлов оставил их признания без комментариев.

---

<sup>80</sup> Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 52.

<sup>81</sup> Там же.

<sup>82</sup> Там же. С. 56.

<sup>83</sup> Мартенс Ф. Указ. соч. Т. XV. С. 293.

<sup>84</sup> Там же.

12 мая император Наполеон дал прощальную аудиенцию графу Орлову. Выслушав слова благодарности за то постоянное дружеское содействие, которое Орлов ощущал со стороны императора и его министра-председателя конгресса, в отстаивании законных интересов России, Наполеон выразил надежду на успешное развитие взаимопонимания и сотрудничества Франции и России, обозначившееся в ходе работы мирного конгресса. Он добавил, что надеется на полное согласие с императором Александром. «Таково чувство моего сердца», – сказал по завершении аудиенции Наполеон.

Передавая в депеше содержание своей прощальной встречи с императором французов, граф Орлов отметил, что Наполеон показался ему вполне искренним в желании развивать отношения с Россией. «Все это было бы очень хорошо, если бы было искренне», – написал на полях депешки Александр II, продолжавший, видимо, испытывать сомнения на этот счет<sup>85</sup>.

Эти сомнения подогревались одной, крайне болезненной для русского самодержца темой – Польшей. Его настораживала та настойчивость, пусть даже вежливая и осторожная, с которой Наполеон III время от времени поднимал польскую проблему. С этого он начал свое личное знакомство с графом Орловым, о чем уже говорилось. Когда мирный конгресс подходил к концу, Наполеон, в очередной раз принимая у себя Орлова, в беседе за чашкой кофе высказал ему пожелание обсудить на одном из последних заседаний вопрос о Польше, оговорив, что речь может идти исключительно о гуманитарном (о «милосердии и великодушии»), а не о политическом аспекте этой проблемы.

Орлов недвусмысленно дал понять императору, что подобное обсуждение совершенно неприемлемо для достоинства его государя<sup>86</sup>. В результате польский вопрос не был даже упомянут в документах конгресса. «Я вполне доволен тем, – писал Орлов, – что мне не пришлось слышать имя Польши произнесенным на заседаниях в присутствии представителей великих держав Европы»<sup>87</sup>.

Наполеон вновь вернулся к польской теме на прощальной аудиенции, данной Орлову, но на этот раз император был предельно корректен. «Он говорил со мной о Польше, – сообщал Орлов в секретной депеше об этой встрече, – но в смысле, совершенно согласном с намерениями нашего августейшего государя»<sup>88</sup>.

Алексей Федорович Орлов покинул Париж и отправился в Петербург, где его встретят как героя, спасшего Россию от унижения. Он будет осыпан монаршими милостями, возведен в княжеское достоинство и назначен председателем Государственного Совета. Второй российский уполномоченный, барон Филипп Иванович Бруннов на некоторое время останется в Париже в роли чрезвычайного посланника. Он будет дожидаться там назначения нового посла.

---

<sup>85</sup> Там же. С. 294.

<sup>86</sup> См. депешу Орлова от 19 апреля 1856 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 257–259. '

<sup>87</sup> Цит. по: *Татищев С.С.* Указ соч. С. 162.

<sup>88</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 475.

## Князь Горчаков и его «французский проект»

К моменту возвращения Орлова в Петербург в руководстве российской дипломатии произошли важные перемены, отражавшие смену внешнеполитических приоритетов нового царствования. 27(15) апреля 1856 г. 76-летний Нессельроде получил отставку с поста министра иностранных дел, сохранив за собой звание государственного канцлера. В тот же день последовал высочайший указ о назначении новым министром князя А.М. Горчакова, занимавшего в то время должность российского посла в Вене.

Парижский конгресс стал последней страницей в продолжительной карьере графа Карла Васильевича, одного из творцов Священного союза, «приказавшего долго жить» в результате Крымской войны. Уходя из российской и европейской политики, граф Нессельроде оставил нечто вроде завещания, в котором кратко изложил свои мысли и взгляды на новое международное положение России. Этот документ («Записка») составлен Нессельроде накануне открытия Парижского конгресса. Он датирован 11 февраля (ст. ст.) 1856 г., а впервые опубликован в лишь 1872 г.<sup>89</sup>

В этой краткой четырехстраничной записке без труда можно почувствовать влияние идей, внушенных императором Александром, с которым канцлер находился в постоянном общении. Нессельроде всегда был послушным исполнителем монарших устремлений – и при Александре I, и при Николае I, и при Александре II, который намеревался, и Карл Васильевич это почувствовал раньше других, повернуть руль государственного корабля в направлении глубоких реформ. Парижский конгресс еще не открылся, а Нессельроде уже написал: «...России предстоит усвоить себе систему внешней политики иную против той, которою она доселе руководствовалась. Крайние обстоятельства ставят ей это в закон»<sup>90</sup>.

Под «крайними обстоятельствами» государственный канцлер имел в виду последнее военное поражение России. «...Война, – писал он, – вызвала для России неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»<sup>91</sup>. И в этом тезисе также чувствуется направление мыслей императора Александра, впоследствии столь успешно воплощавшихся преемником Нессельроде на посту министра иностранных дел Российской империи.

Разумеется, верный последователь Меттерниха, каковым был Нессельроде, понимал, что произошел окончательный крах той самой системы, которую они совместно создавали в течение нескольких десятилетий. Но, надо отдать ему должное: Карл Васильевич сумел признать неизбежность разрыва «с политической системой, которой держались сорок лет», хотя и сделал это с определенными оговорками<sup>92</sup>. Эти оговорки сводились к двум его утверждениям: «В разумных интересах России политика наша не должна переставать быть монархической и антипольской»<sup>93</sup>.

Подобные оговорки свидетельствовали о том, что в сознании одного из творцов Священного союза разрыв с прошлым не был окончательным. «...Было бы крайне неосторожно подрывать наши добрые отношения с Пруссией или растравлять те, какие мы имеем

<sup>89</sup> Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических соотношениях России // Русский архив. 1872. № 2. С. 338–344.

<sup>90</sup> Там же. С. 341.

<sup>91</sup> Там же.

<sup>92</sup> Там же. С. 344.

<sup>93</sup> Там же.

с Австрией и на сохранение которых, ради необходимости, мы поплатились ценою стольких жертв», – утверждал Нессельроде<sup>94</sup>.

Этот постулат он доказывал сохраняющейся общностью интересов бывших участников Священного союза в отношении Польши. «...С раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией, – писал канцлер, – установилось взаимосохранение интересов, соблюдение коего, из этих трех держав, наиневобходимее именно для нас. Польское восстание [1831 г.] послужило тому достаточным доказательством. Да и в последнее время, – продолжал свою мысль граф Нессельроде, – коалиция, вызванная под предлогом восточной войны, не угрожала ли сплотиться еще сильнее приобщением к нему и вопроса Польского?»<sup>95</sup>

Наибольшее беспокойство у Нессельроде вызывала тенденция к сближению с Францией, обозначившаяся после смерти императора Николая Павловича. «Войти с нею [Францией] немедленно в положительный и тесный союз, – утверждал автор записки, – значило бы изменить преждевременно нашей новой системе. Уверенный в нашей поддержке, Наполеон III видел бы в ней поощрение пуститься в новые предприятия, в которых могло бы оказаться для нас невыгодным ему сопутствовать в той мере, в какой бы он того желал»<sup>96</sup>.

Помимо внешнеполитических угроз, вытекающих для России от союза с Францией, Нессельроде указал и на «идеологическую» несовместимость существующих в двух странах режимов. «...Не представляется ли неосторожным и несвоевременным, – предостерегал старый канцлер, – основывать политическую систему на тесном союзе со страной, которая с 1815 года, и помимо всех Европейских гарантий, была поприщем трех революций, одна другой неистовее и демократичнее, среди которых обрушились в 24 часа две династии, тверже, по-видимому, установленные, чем Наполеоновская»<sup>97</sup>.

Трудно с уверенностью сказать, в полной ли мере взгляды Нессельроде на Вторую империю отражали в тот момент мнение Александра II, но, так или иначе, император, видимо, склонен был разделять недоверие старого канцлера к Наполеону III. Это недоверие начало сглаживаться с приходом к руководству Министерством иностранных дел князя А.М. Горчакова, свободного от многих предрассудков своего предшественника.

Александр Михайлович Горчаков<sup>98</sup> принадлежал к древнему аристократическому роду, исходящему от Рюрика и ев. князя Михаила Черниговского. Он родился 4 (15) июня 1798 г. в городке Гапсаль (Хаапсалу) Эстляндской губернии в семье генерал-майора князя Михаила Алексеевича Горчакова. Мать будущего министра, Елена Васильевна, была дочерью подполковника русской службы барона Ферзена. Александр был единственным мальчиком из пятерых детей супругов Горчаковых. Родители возлагали на наследника большие надежды и постарались дать ему хорошее начальное домашнее образование, которое он продолжил в престижной петербургской гимназии. Летом 1811 г. Александр успешно выдержал вступительные испытания и был принят в только что учрежденный Царскосельский лицей, призванный готовить из отпрысков знатных фамилий будущую правящую элиту России. Юный Горчаков оказался в составе первого набора лицеистов, наряду с Александром Пушкиным,

<sup>94</sup> Там же. С. 343.

<sup>95</sup> Там же. С. 343–344.

<sup>96</sup> Там же. С. 342.

<sup>97</sup> Там же. С. 344.

<sup>98</sup> Жизни и деятельности А.М. Горчакова посвящена обширная литература. Из работ обобщающего характера см.: *Андреев А.Р.* Последний канцлер Российской империи. Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание. М., 1999; *Бушуев С.К.* А.М. Горчаков. М., 1961; *Горчаков Александр Михайлович / Очерки истории Министерства иностранных дел России.* М., 2002. Т. 3. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. С. 115–133; *Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения / Примаков Е.М.* М., 1998; *Кессельбрэннер Г.Л.* Светлейший князь. М., 1998; *Модзалевский Б.Л.* К биографии канцлера князя А.М. Горчакова. М., 1907; *Семанов С.Н.* А.М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М., 1962; *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009.

с которым он подружится, Иваном Пушциным, Антоном Дельвигом и другими известными впоследствии, но не всегда лишь на государственном поприще, личностями.

В лицее Горчаков обнаружил счастлирое соединение ярких природных способностей и редкого трудолюбия, что обещало успешную карьеру. «Благоразумен, благороден в поступках: любит крайне учение, опрятен, вежлив, усерден, чувствителен, кроток; отличительные свойства его: самолюбие, ревность к пользе и чести своей, великодушие», – так характеризовал юного Горчакова в 1814 г. один из его лицейских наставников<sup>99</sup>.

Блестящее будущее предсказывал своему другу Пушкин, посвятивший Горчакову несколько посланий. В первом из них он писал о 16-летнем Горчакове<sup>100</sup>:

Что должен я, скажи, в сей час  
Желать от чиста сердца другу?  
Глубоку ль старость, милый князь,  
Детей, любезную супругу,  
Или богатства, громких дней,  
Крестов, алмазных звезд, честей?..

Тогда, в 1814 г., Пушкин еще сомневался – изберет ли Горчаков государственную или военную службу, но при этом был уверен, что всюду его ожидает успех. Уверен он был и в том, что у них будут разные, совсем непохожие судьбы. В послании, относящемся к 1817 г., он писал<sup>101</sup>:

С надеждами во цвете юных лет,  
Мой милый друг, мы входим в новый свет;  
Но там удел назначен нам не равный,  
И розно наш оставим в жизни след.

Тебе рукой Фортуны своенравной  
Указан путь и счастливый и славный, —  
Моя стезя печальна и темна;  
И нежная краса тебе дана,

И нравится блестящий дар природы,  
И быстрый ум, и верный, милый нрав;  
Ты сотворен для сладостной свободы,  
Для радости, для славы, для забав.

Еще в начале обучения в Лицее Горчаков сделал выбор – он посвятит свою жизнь дипломатии, что побуждало его, по собственному выражению, «запасаться языками». Наряду с французским, будущий министр изучил английский, немецкий и итальянский. Как и все лицеисты «пушкинского» набора, он жадно и много читал, получив достаточно полное представление о мировой литературе.

Летом 1817 г. 19-летний Александр Горчаков был выпущен из Лицея с похвальным листом, и в чине титулярного советника поступил на службу в канцелярию Министерства иностранных дел, где вскоре стал ближайшим помощником второго статс-секретаря, графа

---

<sup>99</sup> Цит. по: Буцугев С.К. Указ. соч. С. 15–16.

<sup>100</sup> Пушкин А. С. Поли. собр. соч. в 10 т. 3-е изд. М., 1962–1966. Т. 1. С. 56.

<sup>101</sup> Там же. С. 259.

И. Каподистрия. Под руководством Каподистрия начинающий дипломат прошел хорошую выучку. Он был включен в свиту Александра I во время проведения конгрессов Священного союза в Лайбахе, Троппау и Вероне, что позволило Горчакову изучить все закулисные пружины европейской политики.

По всей видимости, именно близость к сановному греку была первопричиной устойчивой неприязни к Горчакову со стороны другого статс-секретаря по иностранным делам, графа Карла Васильевича Нессельроде, соперника и недоброжелателя Каподистрия. Несколько лет они вдвоем управляли Министерством иностранных дел – Каподистрия ведал в нем восточными делами, включая Балканы, а Нессельроде, как первый статс-секретарь, отвечал за европейское направление. В мае 1822 г. Каподистрия был отправлен в отставку, и Нессельроде стал единоличным руководителем министерства.

Его неприязнь к Горчакову впервые проявилась еще в 1819 г., когда Нессельроде попытался помешать производству молодого князя в камер-юнкеры. Тогда Александр Михайлович все же получил первый придворный чин, что лишь усилило недоброжелательность к нему Нессельроде<sup>102</sup>.

Пушкин откликнулся на первый успех своего лицейского друга очередным посвящением<sup>103</sup>:

Питомец мод, большого света друг,  
Обычаев блестящий наблюдатель,  
Ты мне велишь оставить мирный круг,  
Где, красоты беспечный обожатель,  
Я провожу незнаемый досуг;  
Как ты, мой друг, в неопытные лета,  
Опасною прельщенный суетой,  
Терял я жизнь и чувства и покой;  
Но угорел в чаду большого света  
[...]  
Не слышу я, бывало, острых слов,  
Политики смешного лепетанья,  
Не слышу я изношенных глупцов,  
Святых надежд, почетных подлецов  
И мистики придворного кривлянья.  
И ты на миг оставь своих вельмож  
И тесный круг друзей моих умножь,  
О ты, харит любовник своевольный,  
Приятный льстец, язвительный болтун,  
По-прежнему остряк небогомольный,  
По-прежнему философ и шалун.

Безукоризненная секретарская работа Горчакова на конгрессе Священного союза в Лайбахе (май 1821 г.) была отмечена орденом ев. Владимира 4-й степени, а в декабре 1822 г. коллежский ассессор князь Горчаков был определен на должность секретаря посольства в Лондоне, где прослужил до 1827 г. под начальством графа Х.А. Ливена.

Горчаков был весьма невысокого мнения о безынициативном после, называя его тупицей и даже «трупом». Нелестные отзывы обычно осторожного Горчакова вскоре дошли

<sup>102</sup> Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Октябрь. С. 161.

<sup>103</sup> Пушкин А. С. Указ соч. Т. 1. С. 378–379.

до ушей Христофора Андреевича, постаравшегося избавиться от нелояльного сотрудника, переведенного без повышения в менее престижное посольство в Рим.

В начале 1825 г., находясь в отпуске, Горчаков встретился с Пушкиным, отбывавшим ссылку в Михайловском. По просьбе заболевшего Горчакова, гостившего у своего дяди, предводителя дворянства Псковской губернии, Пушкин навестил его в имении Лямоновское и провел с лицейским другом целый день, читая ему отрывки из «Бориса Годунова». Позднее, в своем стихотворении «19 октября» Пушкин напишет об Александре Михайловиче<sup>104</sup>:

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,  
Хвала тебе – фортуны блеск холодный  
Не изменил души твоей свободной:  
Все тот же ты для чести и друзей.  
Нам разный путь судьбой назначен строгой;  
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:  
Но невзначай проселочной дорогой  
Мы встретились и братски обнялись.

В Риме Горчаков прослужил совсем недолго, и в 1828 г. получил назначение советником посольства в Берлин, где так же пробыл лишь короткое время. В декабре 1828 г. его направляют поверенным в делах во Флоренцию, где ему доведется прослужить без малого пять лет. Это назначение сопровождалось пожалованием ему придворного звания камергера. Тем не менее, Александр Михайлович впоследствии писал: «Я не пользовался благоволением императора Николая Павловича именно вследствие неприязни ко мне графа Нессельроде»<sup>105</sup>.

Как бы ни относился к Горчакову граф Нессельроде, но направляемые им в Петербург депеши, с которыми часто знакомился и император Николай, были столь содержательны, что оба высокие адресата не могли не отдавать должного достоинства дипломата. В ноябре 1831 г. князь Горчаков производится в коллежские советники, а в следующем году получает орден ев. Владимира 3-й степени и знак отличия за 15-летнюю беспорочную службу.

Новый этап в карьере Горчакова начался с назначением его в ноябре 1833 г. советником посольства в Вену, где он воочию столкнулся с двуличной меттерниховской дипломатией. С одной стороны, князь Клемент Меттерних демонстрировал дружественное отношение к союзнице, в которой нуждался из-за постоянного страха перед революционно-освободительным движением в пределах и на границах Габсбургской империи, а с другой – постоянно интриговал против России, добиваясь ослабления ее влияния. Эта двойственность и неискренность в политике Меттерниха очень скоро стала понятной Горчакову, который считал своим долгом информировать Петербург о подлинных мотивах и целях австрийской дипломатии. Среди прочего, он неоднократно предупреждал о намерении Меттерниха найти взаимопонимание с Англией для ослабления позиций России на Востоке.

По-видимому, не без влияния информации, получаемой от Горчакова, которого в целом поддерживал посол в Вене Д.П. Татищев, у Николая I возникли серьезные сомнения в искренности заверений Меттерниха в вечной дружбе с Россией. Зато вице-канцлер Нессельроде, друг и последователь Меттерниха, не верил предостережениям Горчакова, настаивая на прочности русско-австрийского союза. Настойчивые сигналы, подаваемые Горчаковым из Вены, вызвали растущее раздражение у Нессельроде, но он вынужден был считаться с настроением императора. Так или иначе, но в сентябре 1834 г. князь Горчаков был произве-

---

<sup>104</sup> Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 275.

<sup>105</sup> Русская старина. 1883. Октябрь. С. 168.

ден в статские советники, а во время отъездов посла ему неоднократно поручалось исполнять обязанности поверенного в делах.

Летом 1838 г. в жизни 40-летнего Горчакова, имевшего репутацию убежденного холостяка, хотя и ценителя женской красоты<sup>106</sup>, произошло важное событие. Он впервые по-настоящему, глубоко и страстно влюбился<sup>107</sup>. Предметом его увлечения стала графиня Мария Александровна

Мусина-Пушкина (урожденная княжна Урусова), молодая вдова гофмейстера двора Е.И.В. Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. Он сделал ей предложение, она его приняла, и 17 июля 1838 г. состоялось их бракосочетание. Женитьба окажется удачной и для карьеры дипломата. Его тесть, князь Александр Иванович Урусов, глава Московской дворцовой конторы, станет влиятельным защитником и ходатаем за зятя от происков Нессельроде, который создал для Горчакова совершенно невыносимые условия работы в посольстве, окружив соглашениями, и преследуя его постоянными придирками.

Когда выведенный из равновесия Горчаков летом 1838 г. демонстративно подал прошение об отставке, надеясь привлечь внимание государя к невозможным условиям, созданным для него стараниями Нессельроде, многоопытный в интригах канцлер сумел добиться у императора удовлетворения этого прошения. В борьбе против строптивого дипломата Нессельроде прибегал к помощи его влиятельных недоброжелателей. Одним из них был князь Меттерних, откровенно не любивший и опасавшийся Горчакова и желавший его отзывать из Вены. Другим, как полагал Александр Михайлович, оказался шеф III Отделения граф А.Х. Бенкендорф.

Вот что вспоминал об этом сам Горчаков: «Как-то однажды в небольшой свите императора Николая Павловича приехал в Вену граф Александр Христофорович Бенкендорф. За отсутствием посланника, я, исполнявший его должность в качестве старшего советника посольства, поспешил явиться, между прочим, и к графу Бенкендорфу. После нескольких холодных фраз, он, не приглашая меня сесть, сказал: Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед».

Я совершенно спокойно подошел к колокольчику и вызвал *maitre d'hotel*'я гостиницы. «Что это значит?» – сердито спросил граф Бенкендорф.

«Ничего более, граф, как то, что с заказом об обеде вы можете сами обратиться к *maitre d'hotel*'ю гостиницы».

Этот ответ составил для меня в глазах всесильного тогда графа Бенкендорфа репутацию либерала<sup>108</sup>.

Отъезд Горчакова из Вены стал подлинным облегчением для Меттерниха, освободившегося, наконец, от бдительного контроля со стороны русского дипломата.

<sup>106</sup> В этом отношении Горчаков вполне оправдал юношеское напутствие Пушкина: «Дай бог, любви, чтоб ты свой век / Питомцем нежным Эпикура / Провел меж Вакха и Амура!» // *Пушкин А.С. Указ соч. Т. 1. С. 57.*

<sup>107</sup> Вторая, еще более страстная любовь, достигнет князя Горчакова в возрасте 65 лет, когда он без памяти влюбится в свою 24-летнюю внучатую племянницу Надежду Сергеевну Акинфову, имевшую мужа и двоих детей. Министр поселит ее в своем доме, где она будет принимать гостей на правах хозяйки. Муж Акинфовой все это время тихо проживал в городе Покрове Владимирской губернии, где был предводителем дворянства и исполнял скромную должность смотрителя местного училища. За безропотное поведение князь Горчаков исплопотал законному супругу своей возлюбленной придворное звание камер-юнкера. Роман Горчакова с Акинфовой продлится четыре года, пока канцлер не узнает о ее неверности. Оказалось, что одновременно у Надин была связь с Его Высочеством князем Николаем Максимилиановичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, членом Императорской фамилии. После долгих мытарств с разводом, когда законный муж Акинфовой оговорил себя, признавшись в прелюбодеянии, Надежда Сергеевна, наконец, получила возможность соединиться с молодым любовником, от которого родила еще двоих детей. Любопытно, что жестоко обманутый Горчаков нашел в себе силы смириться с ударом судьбы. Он даже великодушно содействовал своей неверной любовнице в осуществлении ее замыслов замужества с герцогом Лейхтенбергским. См. об этом: *Экштут С.А. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции: По неизданным материалам Секретного архива III Отделения. М., 2001.*

<sup>108</sup> Русская старина. 1883. Октябрь. С. 168.

Более года Александр Михайлович находился не у дел, пока хлопотами тестя и других влиятельных заступников не был возвращен в Министерство иностранных дел. Видимо, император посчитал несправедливым удаление талантливого и энергичного дипломата. Он даже компенсировал Горчакову вынужденный, явно затянувшийся «отпуск», генеральским чином действительного статского советника. Правда, граф Нессельроде подозрительно долго не мог подыскать Горчакову соответствующую новому чину посольскую должность, ссылаясь на отсутствие вакансии. Поиски затянулись на два года.

Наконец, в декабре 1841 г. такая вакансия открылась. Князь Горчаков получил назначение посланником в королевство Вюртемберг. Его первым важным делом в Штутгарте стало устройство брака великой княжны Ольги Николаевны, дочери Николая I, с наследным принцем Вюртембергским Карлом-Фридрихом-Александром. Горчаков успешно справился с ответственным поручением, заслужив благодарность государя. На своем посту в Вюртемберге Горчаков прослужил двенадцать лет, получив многочисленные награды, в том числе высоко ценившийся орден ев. Анны 1-й степени.

Его глубокое знакомство с германскими делами доставило ему в 1850 г. пост чрезвычайного посланника и полномочного министра при Германском союзе с местопребыванием во Франкфурте-на-Майне. Одновременно за ним был сохранен и пост уполномоченного в Вюртемберге. Во Франкфурте Горчаков быстро выявил экспансионистские тенденции в политике Пруссии, намеревавшейся подчинить себе мелкие германские княжества. В своих донесениях в Петербург он постоянно отстаивал необходимость сохранения Германского союза с участием в нем Австрии, которую прусский представитель в сейме князь Отто фон Бисмарк настойчиво пытался оттуда выдвинуть.

В 1852 г. Горчаков на несколько месяцев был откомандирован во Францию, где в это время происходил процесс перерождения Второй республики – малокровного детища Февральской революции 1848 г. – во Вторую империю. Александр Михайлович при содействии Н.Д. Киселева, русского посланника при принце-президенте Луи-Наполеоне, изучал в Париже политическую обстановку и устанавливал полезные связи. По всей видимости, именно тогда произошло его знакомство с графом де Морни, сводным братом будущего императора французов. Когда в 1853 г. разгорелся Восточный кризис, Горчаков, вернувшийся в Германию, считал целесообразным для России более сдержанное поведение в отношениях с Турцией, чтобы не провоцировать Англию и

Францию на выступление в защиту последней. Однако занимаемое им в то время скромное положение, конечно же, не могло оказать необходимого умиротворяющего влияния на Николая I.

В разгар Восточного кризиса в Баден-Бадене умирает жена Горчакова. Смерть Марии Александровны глубоко потрясла князя, впавшего в отчаяние. Он искал и находил утешение лишь в молитвах, отстранившись от дел и сторонясь общества.

Из затянувшегося на несколько месяцев затворничества его вывело сообщение о начале русско-турецкой войны. После разгрома русской эскадрой турецкого флота при Синопе в ноябре 1853 г. международная обстановка резко обострилась. Пытаясь предотвратить окончательное крушение Турции, Англия и Франция ввели свои флоты в Черное море, а в конце марта 1854 г. объявили России войну. Находясь в Германии, Горчаков прилагал энергичные усилия, чтобы предотвратить переход Пруссии в антирусскую коалицию.

В это время со всей очевидностью вскрылась предательская по отношению к России политика Австрии, о чем Горчаков предупреждал еще в 1830-е гг. Габсбургская империя, буквально спасенная в 1849 г. Николаем I от распада, подумывала об аннексии Молдавии и Валахии, куда были введены русские войска. Хотя Меттерниха, «унесенного ветром» революции 1848 г., давно уже не было у руля австрийской внешней политики, его преемник, граф Буоль подталкивал молодого императора Франца-Иосифа к выступлению против России.

В связи с этим принципиально важное значение приобретал пост главы российской дипломатической миссии в Вене. Ее прежний руководитель, барон П.К. Мейендорф, связанный близким родством с графом Буолем, был отозван «в отпуск», и ему требовалась подходящая замена. Николай I вспомнил о давних предостережениях Горчакова и настоял на его назначении в Вену, вопреки возражениям Нессельроде. Государственному канцлеру удалось лишь одно – князь Горчаков направлялся в Вену в качестве временно управляющего посольством, что, конечно же, задело самолюбие Александра Михайловича.

По прибытии к новому месту службы Горчаков развернул энергичную работу с целью предотвратить вступление Австрии в войну. Ему удалось нейтрализовать воинственные устремления Буоля и убедить Франца-Иосифа воздержаться от участия в войне, что получило высокую оценку императора Николая I.

Когда в Вене начала работу конференция послов по поиску путей выхода из войны, Горчаков, несмотря на крайне трудное положение, в котором он находился, будучи обложен со всех сторон «заботами» графа Буоля, достойно защищал интересы России, что снискало ему расположение вступившего на престол в марте 1855 г. Александра II.

Проигнорировав возражения Нессельроде, молодой император утвердил князя Горчакова в качестве чрезвычайного и полномочного посланника при венском дворе. Ему же он поручил ведение конфиденциальных переговоров с графом де Морни о возможности прекращения войны.

Подбирая новую команду соратников и исполнителей своих реформаторских замыслов, Александр II именно князя Горчакова видел будущим министром иностранных дел. И как только в Париже был подписан мирный договор, император предложил Александру Михайловичу занять этот ответственный пост.

Горчаков принял высочайшее предложение, предварительно ознакомив императора со своим видением внешнеполитических задач, вставших перед Россией после окончания войны. Александр II нашел, что взгляды Горчакова в полной мере отвечают его собственным представлениям о том, какова должна быть новая внешняя политика России. В именном рескрипте о назначении Горчакова говорилось: «Дипломатические способности, познания по сей части, приобретенные Вами многолетним пребыванием при разных дворах Европы в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра нашего, в особенности же действия Ваши в продолжении Венских конференций 1855 года, решили Наш выбор назначением Вас министром иностранных дел. Вы вступили в управление оным в то важное время, когда исполнение условий только что заключенного Парижского мира требовало неусыпной бдительности и предусмотрительности. Возникшие вскоре в сем отношении недоразумения могли снова омрачить едва прояснившийся политический горизонт Европы; но Вы, руководимые опытностью и постигая чистосердечные желания Наши упрочить общее спокойствие, умели благоразумно отвратить последствия тех недоразумений и утвердить дружественные отношения России со всеми державами»<sup>109</sup>.

Контуры внешнеполитической программы Горчакова будут обозначены им в циркулярах от 24/12 августа и 2 сентября/21 августа ст. ст. 1856 г., адресованных русским дипломатическим представителям за рубежом<sup>110</sup>. Шумный отзвук в Европе получила ключевая фраза из циркуляра: “*La Russie ne boude pas, elle se recueille*” (Россия не сердится, она со сред оточивается).

Из программы Горчакова вытекало, что после окончания войны Россия намерена воздерживаться от активного вмешательства в европейские дела. С другой стороны, она считает себя свободной в выборе своих будущих друзей и не станет более жертвовать своими инте-

---

<sup>109</sup> Русский архив. 1905. Кн. 7. С. 482.

<sup>110</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 42. Л. 201–210.

ресами ради принципов Священного союза. Здесь содержался недвусмысленный намек на неблагодарность и предательство Австрии. Заявляя о мирных намерениях России, Горчаков не исключал в недалеком будущем ее возвращение к активной европейской политике. Не раскрывая стратегических, как бы сейчас сказали, замыслов, князь Горчаков изначально исходил из главной задачи – добиваться отмены ограничений, наложенных на Россию Парижским мирным договором.

Заявленный в программе Горчакова принцип свободного выбора союзников вызвал повышенный интерес в Париже, где со времени проведения конгресса укреплялись в мысли о необходимости сближения с Россией.

А что же думал сам Горчаков об отношениях с Францией? Ведь он хорошо знал об устойчивой привязанности императора Александра к особым отношениям с Пруссией.

В этом вопросе весьма ценным представляется свидетельство временного поверенного в делах Франции в России Шарля Бодена<sup>111</sup>, направленного в Петербург в конце июня 1856 г., после восстановления дипломатических отношений между двумя странами.

По случайному совпадению французский дипломат оказался на том же пароходе, следовавшем из Штеттина в Петербург, что и князь Горчаков, возвращавшийся через Берлин и Дрезден из Вены после вручения императору Францу-Иосифу отзывных грамот. Это соседство оказалось весьма полезным для Бодена, получившего счастливую возможность в течение трехдневного путешествия ближе познакомиться с Горчаковым<sup>112</sup> и его внешнеполитическими взглядами.

Если верить донесению Бодена на имя Валевского, то Горчаков признался ему, что с самого начала был против войны и «всеми доступными ему средствами пытался ее предотвратить»; война, по его мнению, не была неизбежной, она стала результатом «недоразумения, случившегося между Наполеоном III и Николаем I в 1853 году»; заключение Парижского мира Горчаков «считает отправной точкой новой политики для России, принятой той партией, к которой принадлежит и он, князь Горчаков, и что в этом отношении его назначение в Министерство иностранных дел весьма знаменательно».

Министр заверил французского дипломата, что всегда «с симпатией относился к Франции и считает крайне желательным заключение союза между двумя странами»<sup>113</sup>.

«Пока еще не очень ясно, какой будет эта новая политика, – резюмировал Боден в депеше Валевскому свои беседы с Горчаковым. – Я надеюсь разобраться в этом, но уже сейчас понятно, что Россия будет склонна к менее активному вмешательству во внешние дела»<sup>114</sup>.

Судя по последующему развитию событий, информация, сообщенная Боденом, соответствовала действительным настроениям и намерениям нового министра иностранных дел России. Горчаков был вполне искренним с французским дипломатом. Кстати, с момента возвращения в Петербург 10 июля министр начал делами подтверждать свое расположение к Франции.

Уже на следующий день Боден, как временный поверенный, был аккредитован при министре иностранных дел. Его статус не предполагал официальной высочайшей аудиенции, но Александр II, по совету князя Горчакова, пренебрег протоколом и принял Бодена

<sup>111</sup> 33-летний Ш. Боден был ближайшим сотрудником графа Валевского в бытность последнего послом в Англии. Ему-то Валевский, став министром, и доверил миссию по возобновлению дипломатических отношений с Россией в ожидании приезда посла. Службное досье Бодена см.: ААЕ. Personnel. 1-re serie. № 269.

<sup>112</sup> Впервые они встретились за несколько дней до этого в Берлине, где оба оказались проездом. Их знакомство устроил французский посол при прусском дворе маркиз Л. де Мустье.

<sup>113</sup> Из первой депеши Бодена, адресованной графу Валевскому, 10 июля 1856 г. // ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 22–23.

<sup>114</sup> Ibid. Fol. 24 recto verso.

в Зимнем дворце, чем засвидетельствовал особое отношение к представителю императора французов, пусть даже этот представитель был и в скромном секретарском чине.

С этого момента временный поверенный в делах Франции официально приступил к исполнению своих обязанностей при петербургском дворе. Его первоочередной задачей станет подготовка к прибытию в Россию посла Франции. Но за всеми этими, по большей части техническими, заботами Боден находил время и для глубокого изучения предреформенной России, пытаясь понять направление действий императора Александра и его новой правительственной команды. Его депеши и памятные записки, направлявшиеся в Париж, в целом отличались достаточно объективным взглядом на события, разворачивавшиеся в России в преддверии Великих реформ<sup>115</sup>.

Заверения Горчакова о расположенности к тесному сближению с Францией были совершенно искренними. Они находят подтверждение как в его последующей политике, о чем еще будет сказано, так и в закрытых докладах, адресованных императору. Горчаков был убежден, что в сложившейся после войны международной обстановке для России наиболее предпочтителен союз именно с Францией. «Расположенные на двух концах Европейского континента, две страны нигде не соприкасались, их интересы нигде не сталкивались. Объединившись, они обрели бы возможность оказывать влияние на Центральную и Южную Европу. Очевидным свидетельством действенности подобного союза служил бы постоянный страх, который он внушал бы другим правительствам, полагал Горчаков и ссылаясь на тот факт, что в течение почти века именно опасение сближения России с Францией оказывало сдерживающее влияние на всю европейскую политику», – отмечает современный исследователь горчаковской дипломатии О.В. Серова<sup>116</sup>.

Этот вывод подтверждается многими документами, вышедшими из-под пера самого Горчакова. Важнейшими документами такого рода могут считаться ежегодные отчеты МИД, составлявшиеся Горчаковым для императора. Первым из них стал отчет за 1856 г. В нем новый министр совершенно определенно утверждает, что «согласие с Францией предоставило бы нам такие гарантии, которых мы не имели в тех старых союзах, к которым наша политика была привязана до сих пор». «Обе империи, – продолжал Горчаков, – органически и географически находятся в отношениях, которые не содержат в себе ни соперничества, ни противоборства». Как на самом континенте, так и на морях, утверждал министр, между Россией и Францией не существует никаких разногласий, что служит надежной основой упрочения их дальнейшего сближения. «Только их согласие может восстановить нарушенное Англией равновесие на морях и гарантировать континент от всех неожиданностей, которыми чревата угроза английского доминирования»<sup>117</sup>.

Обозначая линию новой русской дипломатии в отношении Франции, князь Горчаков подчеркивал: «Постепенно сокращать дистанцию, которая в течение последних 25 лет отделяла нас от французской нации; поощрять в ней тенденции симпатии [к нам], зародившиеся в ходе войны; привлекать ее к себе повсюду, где наши интересы совпадают; предоставить ей возможность опереться на нас, для того чтобы освободиться от зависимости от Англии; наконец, заложить основы стабильного согласия, которое служило бы залогом безопасности для [всей] Европы и величия для двух [наших] стран»<sup>118</sup>.

Определенно высказываясь за сближение с Францией, Горчаков прекрасно видел препятствия, которые могут появиться на этом пути. Одно из них определялось происхож-

<sup>115</sup> Деятельность Шарля Бодена на его посту в Петербурге будет высоко оценена в Париже. В декабре 1857 г. он получит назначение полномочным министром в г. Кассель (Гессен).

<sup>116</sup> Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 134.

<sup>117</sup> АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД). Он. 475. Отчет за 1856 г. Д. 40. Л. 244–245.

<sup>118</sup> Там же. Л. 246.

дением и природой власти Наполеона III, не имеющей четких принципов, устойчивость которой в решающей степени зависит от внешних успехов. «Успех – его [Наполеона III] единственная цель», – полагал Горчаков<sup>119</sup>. Это могло бы увлечь императора французов в рискованные предприятия, в которых Россия не может быть ему помощницей.

Другая потенциальная опасность, по убеждению Горчакова, заключалась в сохраняющейся привязанности Наполеона III к союзу с Англией, которую желательно бы ослабить. Наполеон, как полагал Горчаков, понимает, что «если Англия может много чего сделать во вред Франции, то Россия может многое – в ее пользу». Отсюда и желание императора французов уравновесить союз с Англией союзом с Россией. Но подобный «треугольник» не отвечает интересам России, которой предпочтителен двусторонний союз, без британского участия. Следует попытаться оторвать Францию от Англии, хотя это и представляется делом трудно осуществимым, учитывая степень влияния Лондона на Париж<sup>120</sup>.

Какова же, по мысли Горчакова, должна быть в этих условиях политика России в отношении Франции?

Его ответ сводился к следующему: «Отвечая на открытость императора Луи-Наполеона, мы могли бы поощрять его расположение к нам, и следовать по пути согласия, отвечающего нашим интересам... Но в то же время мы должны были бы обезопасить себя от [его] амбициозных увлечений, пределы которых нам неизвестны, как и от непостоянства, свойственного французской нации в определении своей судьбы. Одним словом, – резюмировал князь Горчаков, – мы не должны делать: ни слишком много, ни слишком мало. Первое было бы чревато подчинением наших собственных интересов попыткам, из которых мы не могли бы извлечь для себя никаких преимуществ; второе могло бы отпугнуть от нас государя, имеющего большое влияние и наделенного твердой волей, подтолкнув его к поискам поддержки у других. Итак, мы принимаем его авансы, сделанные с искренними намерениями, но не берем на себя никаких обязательств»<sup>121</sup>.

Таковы были намерения нового министра иностранных дел в отношении Франции. Их разделял и государь. Правда, император Александр, по примеру Наполеона, упорно державшегося за союз с Англией, желал примирить сближение с Францией со своим прочно усвоенным пруссофильством.

Взаимные зондажи и контакты, осуществлявшиеся в порядке строгой конфиденциальности между российскими и французскими дипломатами на завершающей стадии Крымской войны, отражали обоюдное желание Александра II и Наполеона III не только к примирению, но и к сближению двух стран, получившему развитие в последующие годы.

---

<sup>119</sup> Там же. Л. 246–246 об.

<sup>120</sup> Там же. Л. 247–247 об.

<sup>121</sup> Там же. Л. 248–249.

## Глава 3 Чрезвычайное посольство графа де Морни (1856–1857)

### Сводный брат императора

29 апреля 1856 г., вскоре после полудня, к дому, где проживал в Париже генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов, первый уполномоченный Российской империи на мирном конгрессе, завершившем Восточную (или Крымскую, как ее вскоре назовут) войну, подъехали две дворцовые кареты, украшенные гербами и вензелями императора французов Наполеона III. Через несколько минут в дверях появился граф Орлов в сопровождении трех флигель-адъютантов Е.И.В. – полковника Альбединского, полковника князя Витгенштейна и капитана князя Левашова. Орлов занял место в первой карете, а его спутники проследовали во вторую. Менее чем через полчаса оба экипажа были уже у парадного входа в Тюильри, где Орлова и его спутников встречал герцог де Камбасерес, главный церемониймейстер двора, вводивший иностранных послов на высочайшую аудиенцию в Тронный зал.

Ровно в 14 часов в зал вышел император Наполеон. С приветливой улыбкой, как старого друга, он приветствовал Орлова, который представил императору сопровождавших его офицеров, а потом вручил Наполеону два конверта с письмами от своего государя. Первое представляло собой формальную нотификацию, т. е. «уведомительное письмо» о восшествии Александра II на престол<sup>122</sup>. Во втором содержалось поздравление царя в связи с рождением 16 марта 1856 г. у Наполеона III и императрицы Евгении сына. Александр писал Наполеону, что «рождение наследника престола, несомненно, упрочит дело, которое Ваше Величество свершает во Франции», и что «по совпадению, ниспосланному Провидением, оно призвано гарантировать утверждение мира, а через него – упрочить отношения дружбы между двумя великими народами, судьбы которых нам доверены»<sup>123</sup>.

Наполеон был в хорошем настроении, в котором он пребывал со времени рождения наследника. Это важнейшее для династии Бонапартов событие соединилось в душе императора французов с другим – заключением 30 марта Парижского мирного договора, положившего конец Восточной войне и превратившего Наполеона III в арбитра Европы. Вернув себе статус полноценной великой державы, Франция сумела сохранить привилегированные отношения с Англией, но не пошла на поводу британских интересов. Она поставила на место Австрию, ограничив ее притязания на Балканах, а в перспективе – ив Италии. Наконец, еще в ходе работы Парижского конгресса она зарезервировала для себя возможность с подписанием мира наладить добрые отношения с Россией. Не сумев найти общий язык с Николаем I, Наполеон III надеялся, что ему это лучше удастся с Александром II, которому он со времени воцарения последнего неоднократно посылал недвусмысленные сигналы. Именно благожелательное содействие императора французов (как открытое, так и закулисное) во многом облегчило графу А.Ф. Орлову и барону Ф.И. Бруннову возможность добиться на Парижском конгрессе от держав-победительниц менее суровых условий мира, чем можно было ожидать.

---

<sup>122</sup> К тому времени Александр II царствовал уже более года, но из-за состояния войны между Россией и Францией «уведомительное письмо» о вступлении на престол из Петербурга в Париж не посылалось. Это стало возможным только после заключения (18/30 марта 1856 г.) Парижского мирного договора, формально положившего конец Крымской войне.

<sup>123</sup> Письмо датировано 3 апреля 1856 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1856 г. Д. 72. Л. 17 об.

В Петербурге это понимали, но пока еще не могли в полной мере оценить, что в действительности стоит за неожиданной благожелательностью вчерашнего противника, насколько искренни и серьезны его намерения в отношении России.

Когда официальная часть аудиенции завершилась, Наполеон попрощался с сопровождавшими графа Орлова офицерами, а самого Алексея Федоровича, взяв под руку, пригласил пройти для доверительной беседы в свой кабинет, расположенный за Тронным залом.

Уютно расположившись друг перед другом в креслах, император и граф завели разговор о недавно завершившемся конгрессе. Орлов в самых теплых выражениях поблагодарил своего августейшего собеседника за то, поистине дружеское содействие, которое он оказал императору Александру и его представителям в Париже в достойном окончании войны. Алексей Федорович не преминул отметить и ту важную роль, которую сыграл на конгрессе его председатель, граф Александр Валуевский, министр иностранных дел Франции. Со своей стороны, Наполеон заверил Орлова в своем искреннем расположении к императору Александру, с которым он надеется установить прочные и доверительные отношения. К глубокому сожалению, заметил Наполеон, у него в свое время не сложились отношения с покойным императором Николаем, что, как известно, имело печальные последствия для всей Европы. Нужно извлечь уроки из прошлого и сделать все, чтобы исключить саму возможность военного конфликта между нашими двумя странами, завершил свою мысль Наполеон. Затем он воздал должное дипломатическим талантам графа Орлова, в высшей степени достойно представлявшем на конгрессе императора Александра, который не мог бы найти для этой сложной миссии лучшего дипломата. Теперь, после формального завершения войны, должны восстановиться дипломатические отношения между Францией и Россией. Будем надеяться, сказал Наполеон, завершая беседу, что император Александр направит в Париж столь же достойного посла, каким на конгрессе был граф Орлов, чтобы «упрочить отношения доброго согласия, восстановленного ныне между Россией и Францией»<sup>124</sup>.

А пока Наполеону самому предстояло выбрать подходящую кандидатуру чрезвычайного и полномочного посла, который представлял бы его персону на коронации Александра II, намеченной на начало сентября 1856 г.

На аудиенции 29 апреля император по каким-то причинам не назвал Орлову имя этого человека, но он уже тогда знал, кто станет первым послом Франции в России после возобновления дипломатических отношений, прерванных в феврале 1854 г.

Возможно, граф Алексей Федорович и сам догадывался, что в Россию отправится граф Огюст де Морни, сводный брат императора, бывший министр внутренних дел, а в тот период – председатель Законодательного корпуса. Так или иначе, но имя Морни император назвал Орлову только перед самым его возвращением в Санкт-Петербург, на прощальной аудиенции 12 мая 1856 г. На следующий день в правительственной газете “*Moniteur universel*” появилось официальное сообщение о назначении графа де Морни чрезвычайным и полномочным послом в России<sup>125</sup>.

Что же это был за человек, которому Наполеон III доверил представлять его на коронации Александра II, а в более широком плане, что гораздо более важно, – открыть новую главу в отношениях между Францией и Россией.

---

<sup>124</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 329 об. По окончании аудиенции граф Валуевский, провожая Алексея Федоровича, сообщил ему, что декретом императора Наполеона граф Орлов удостоен Большой ленты ордена Почетного легиона.

<sup>125</sup> Декрет о назначении Морни послом в России Наполеон III подписал еще 8 мая 1856 г. // Archives des Affaires Etrangères (далее – ААЕ). Personnel. 1-re serie. № 3022.

\* \* \*

Шарль Огюст Луи Жозеф, граф де Мори<sup>126</sup> родился 17 сентября 1811 г. в местечке Сен-Морис-ан-Вале в Швейцарии, однако в метрическом свидетельстве значилось, что младенец появился на свет 21 октября в Париже, причем, в свидетельстве были приведены вымышленные данные о родителях. Последнее обстоятельство не было случайным.

Дело в том, что матерью малыша была Гортензия Богарне, падчерица императора Наполеона, выданная им в 1802 г. замуж за его младшего брата, Людовика, которого в 1806 г. он сделал королем Голландии. Царствование Людовика и Гортензии было недолгим. В 1810 г. Наполеон, недовольный образом правления Людовика, не принимавшего должных мер для защиты побережья от возможной высадки английских войск, ликвидировал независимость Голландии и включил ее в состав своей империи. Людовик Бонапарт, тяготившийся короной, и в еще большей степени – гнетущей опекой старшего брата, с облегчением покинул Голландию и уехал в Германию. Гортензия не последовала за мужем. К тому времени их брак, заключенный по воле Наполеона, фактически распался. От него остались три сына, младшему из которых суждено со временем стать императором Наполеоном III.

Гортензия с детьми вернулась в Париж и однажды, как мы уже знаем, находясь на курорте, где проходила водолечение, встретила молодого человека по имени Шарль де Флао де Ла Билл ард ери. Блестящий офицер-кавалерист считался сыном к тому времени уже покойного генерала графа де Флао, но его настоящим отцом был Талейран, находившийся в многолетней связи с мадам Аделаидой де Флао<sup>127</sup>.

Графиня де Флао на тридцать семь лет была моложе своего супруга и, видимо, по этой причине не считала, что должна отказывать себе в доступных женских радостях.

Бурный роман Гортензии и Шарля де Флао увенчался рождением сына. Узнав о беременности, предусмотрительная Гортензия укрылась от любопытствующих взглядов в Швейцарии, где и родила мальчика.

В скором времени ей удалось решить проблему отцовства для своего четвертого сына. Эту роль самоотверженно согласился взять на себя бездетный мецье Деморни, получивший за это от императора Наполеона графский титул, предназначавшийся, разумеется, прежде всего, его «сыну». Гортензия отстранилась от воспитания своего последыша, сосредоточив всё внимание на законных детях и на любовнике, которому выхлопотала у императора генеральский чин и звание шталмейстера ее двора. Их роман закончится с падением Империи. В 1817 г. граф де Флао сочетается законным браком с мисс Мерси Эльфинстон, дочерью лорда Кейта, британского адмирала. От этого брака у них родятся пять дочерей.

Все заботы о малолетнем Огюсте де Морни взяла на себя его пятидесятилетняя бабушка по отцовской линии, Аделаида де Флао. Рано овдовев, графиня в 1802 г. повторно вышла замуж за Жозе Мариа де Суза, посла Португалии в Париже. В их семье и прошли детские годы Огюста. Со временем он узнает о своем происхождении, и в зрелые годы будет шутить: «В моем роду три поколения бастардов по женской линии. Сам я – правнук короля, внук епископа, сын королевы и брат императора». Под последним он имел в виду Наполеона III, которому приходился сводным братом.

<sup>126</sup> О нем см.: *Boulenger M.* Le Due de Morny. P., 1930; *Christophe R.* Le Due de Morny. R., 1951; *Grothe G.* Le Due de Morny. R., 1966; *Pierre P.* Le Due de Morny. R., 1958; *Rouart J.-M.* Morny, un voluptueux au pouvoir. P., 1995.

<sup>127</sup> Происхождение самой Аделаиды де Флао не лишено романтического флёра. Ее мать, Мари Катрин Ирен Луиз дю Бюиссон де Лонгпре, была одной из любовниц Людовика XV, от которого родила старшую дочь, впоследствии выданную замуж за брата мадам Помпадур, маркиза де Мариньи. По всей видимости, Аделаида и себя считала королевской внучкой.

Бабушка постаралась дать внуку надлежащее его высокому происхождению воспитание и необходимый набор полезных знаний. Королева Гортензия, проживавшая после 1815 г. в изгнании в Швейцарии, узнавала об успехах младшего сына из редких писем от мадам де Флао-Суза.

В 1831 г. Огюст де Морни поступает на учебу в военную школу при Главном штабе. По окончании обучения в феврале 1833 г. он получает чин младшего лейтенанта и назначение в 1-й уланский полк, размещенный в Фонтенбло. Во Франции в это время правит король Луи-Филипп Орлеанский, продолживший подчинение Алжира, начатое его предшественником, Карлом X Бурбоном, потерявшим корону в результате Июльской революции 1830 г.

Осенью 1835 г. Морни добивается назначения в Алжир, где поступает в распоряжение герцога Фердинанда Филиппа Орлеанского, старшего из пяти сыновей короля, прикомандированного к штабу генерал-губернатора, маршала Бертрана Клозеля. Морни и Орлеан – почти ровесники, им по двадцать лет. Молодые люди проявляют храбрость в нескольких сражениях с отрядами эмира Абд-эль-Кадера.

Пока Морни воевал в Алжире, его сводный брат, Луи-Наполеон Бонапарт в октябре 1836 г. как известно, предпринял в Страсбурге попытку поднять мятеж против Луи-Филиппа, но потерпел неудачу и был арестован. Огюст де Морни и Луи-Наполеон никогда не встречались, хотя, разумеется, знали о существовании друг друга. Их личное знакомство состоится спустя много лет – лишь в январе 1849 г.

Тем временем в декабре 1836 г. герцог Орлеанский и граф де Морни, покрытые ореолом воинской славы, возвращаются в Париж. Огюст произведен в лейтенанты и получает орден Почетного легиона. Его принимают в члены аристократического Жокей-клуба, доступного лишь избранным. Он совсем еще молод, знатен и богат и не спешит расстаться с холостяцкой жизнью, предпочитая свободные отношения с женщинами. В это время он заводит роман с юной графиней Фанни Ле Хон, дочерью бельгийского банкира и промышленника, ставшей супругой посла Бельгии в Париже. От этого романа в 1838 г. родилась девочка, которую графу Ле Хону пришлось признать своей дочерью. Спустя восемнадцать лет Морни примет близкое участие в устройстве судьбы Луизы Ле Хон. Ее удачно выдают замуж за князя Станисласа Огюста Фредерика Понятовского, потомка короля Польши и внука наполеоновского маршала. А связь Морни с мадам Ле Хон продлится долгие двадцать лет, вплоть до его неожиданной и поразившей всех, включая Наполеона III, женитьбы, о чем еще будет сказано. Но вернемся в год 1837-й.

Всё, включая дружбу с наследником престола, обещало графу де Морни стремительную военную карьеру, но он неожиданно выходит в отставку, выразив желание заняться предпринимательством. В 1837 г. Морни задумывает развернуть в районе Клермон-Феррана (Овернь) собственное производство сахарной свеклы и вкладывает в это дело значительные средства, однако терпит неудачу. Провалом закончились и другие экономические замыслы Морни, а неудачные финансовые спекуляции очень скоро поставили его на грань разорения. Тем не менее, незадачливый предприниматель, каковым оказался Морни, сумел извлечь из своей деятельности если не материальную, то явную политическую пользу. Широкие связи, налаженные в Оверни, позволили ему в июле 1842 г. добиться избрания в Палату депутатов от департамента Пюи-де-Дом. В парламенте Морни примкнул к сторонникам Ф. Гизо, но в отличие от многих депутатов ничем себя там не проявил, больше занимаясь решением своих финансовых проблем. Он участвует в создании «Компании железных дорог Большого Центрального массива», а незадолго до падения Июльской монархии становится акционером популярной газеты «Конститусьоннель».

Пока Морни пытался обеспечить свое скромное политическое и финансовое благополучие, его беспокойный сводный брат, Луи-Наполеон, вынашивал куда более честолюбивые замыслы – возродить бонапартистскую империю. Племянник великого Наполеона успел в

1840 г. предпринять вторую попытку свержения Июльской монархии, но, как и в первый раз, потерпел неудачу, был схвачен и осужден на пожизненное заключение в крепости, откуда в мае 1846 г. сумел бежать и укрыться в Англии.

Февральская революция 1848 г., свергнувшая Луи-Филиппа и его режим, открыла возможности для реализации замыслов Луи-Наполеона. Стараниями его многочисленных сторонников во Франции, к которым поспешил примкнуть и Морни, вспомнивший, что он тоже принадлежит к знаменитому семейству. Морни принимает активное участие в избирательной кампании Луи-Наполеона, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента республики. В последних числах сентября 1848 г. Луи-Наполеон возвращается во Францию и в декабре одерживает убедительную победу на президентских выборах.

Вскоре после этого, в январе 1849 г. происходит, наконец, личное знакомство двух братьев. С этого времени Морни становится одним из ближайших соратников и советников главы государства. В числе самых доверенных лиц Луи-Наполеона он принимает участие в подготовке государственного переворота, осуществленного 2 декабря 1851 г.

Сразу же после этого Морни получает ключевой в тех обстоятельствах пост министра внутренних дел, который, правда, занимает недолго – до 22 января 1852 г. В дальнейшем Морни избирается в новый представительный орган – Законодательный корпус и участвует в подготовке конституционной реформы, призванной ликвидировать республиканский строй и восстановить империю.

Как известно, провозглашение империи 2 декабря 1852 г. было воспринято в европейских столицах, как покушение на Парижский мирный договор 1815 г., навязанный Франции после поражения Наполеона державами-победительницами. Наибольшее беспокойство в связи с этим обнаружили бывшие участники антифранцузской коалиции – Англия, Австрия, Пруссия и Россия. Правда, и королева Виктория, и Франц-Иосиф I, и Фридрих-Вильгельм IV не стали драматизировать ситуацию и, проявив разумный прагматизм и понимание реалий, вскоре официально признали новый режим в Париже. Иначе повел себя Николай I, упорно не желавший признавать новоявленного императора французов<sup>128</sup>. Дело тогда едва не дошло до разрыва дипломатических отношений, и если этого не случилось, то – исключительно благодаря графу де Морни.

С провозглашением во Франции империи все иностранные послы должны были представить новые верительные грамоты, адресованные Наполеону III. По тогдашним правилам, грамоты, составленные от имени коронованных особ, должны были содержать обязательное обращение – «Сир и Брат мой». Именно так и поступили королева Виктория, Франц-Иосиф, Фридрих-Вильгельм и другие европейские монархи. Все, за исключением одного – Николая I. Верительная грамота, которую получил из Петербурга российский посланник в Париже Николай Дмитриевич Киселев, начиналась со слов: «Сир и добрый Друг» (“Sire et bon Ami”). Это означало, что царь не признавал Наполеона III равноправным членом европейской монархической семьи.

Именно так и расценили в Тюильри «неподобающее» обращение Николая I к императору французов. Предварительно ознакомившись с копией грамоты, министр иностранных дел Франции Э. Друэн де Люис, заявил Киселеву, что грамота составлена не по форме, и потому принята быть не может<sup>129</sup>. Эту позицию разделяли все ближайшие советники Наполеона III, кроме Морни. «Мой добрый император, – сказал он Наполеону при встрече, состоявшейся 4 января 1853 г., – Вы совершите непоправимую ошибку, если, едва придя к власти, повернетесь спиной к самому могущественному монарху Европы». На это Наполеон возра-

<sup>128</sup> См. об этом: *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; *Тарле Е.В.* Крымская война // Сочинения: В 12 т. М., 1959, т. VIII; *Черкасов П. П.* Николай I и Луи Наполеон Бонапарт (1848–1852) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 124–165.

<sup>129</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853 г. Д. 111. Л. 20 об.-21. *Киселев – Нессельроде, 29 декабря 1852 г./10 января 1853 г.*

зил: «Царь демонстрировал по отношению ко мне столько пренебрежения, что согласиться на очередное оскорбление, не поставив его на место, означало бы проявить слабость».

Но Мории продолжал настойчиво убеждать брата: главное, что царь признал его императором Франции, все остальное – не так существенно; более того, император получает удобный случай показать общественному мнению, что национальные интересы для него превыше личных амбиций.

В конце концов, Наполеон, вопреки советам руководителя своей дипломатии Друэн де Люиса и министра внутренних дел Персиньи, счел доводы Морни основательными, и согласился принять у российского посланника составленные «не по форме обращения» верительные грамоты. На аудиенции он сказал Киселеву: «Прошу передать Вашему государю мою особенную благодарность за его обращение ко мне, не как к “брату”, а как к “доброму другу”. Нельзя выбрать брата, но можно выбирать друзей»<sup>130</sup>. Так, благодаря Морни, был предотвращен казавшийся неминуемым дипломатический скандал, чреватый прекращением дипломатических отношений между Францией и Россией.

В Петербурге в полной мере оценили важную услугу графа Морни. Канцлер Нессельроде поручил Киселеву передать Морни самую искреннюю благодарность императора Николая I, а в знак исключительной доверенности к графу Карл Васильевич разрешил посланнику ознакомить Морни с содержанием своего письма по этому поводу. Киселев с удовольствием поспешил исполнить данное ему поручение. С давних пор – еще со времен Июльской монархии – Николая Дмитриевича связывали дружеские отношения с графом Морни. 2 февраля 1852 г.

Киселев отправил к Мории курьера с двумя письмами. «Мой дорогой друг! – говорилось в первом письме. – Не будучи уверен в том, что застаю Вас дома, спешу переслать Вам прилагаемое ниже конфиденциальное письмо, только что полученное мною от графа Нессельроде. Оно касается Вас и свидетельствует о том, что нам не чужды чувства благодарности. Прошу Вас по прочтении вернуть его мне, а Вас прошу сохранить ко мне Вашу дружбу в обмен на ту, что уже так давно я ношу в моем сердце»<sup>131</sup>.

Во втором конверте находилось личное письмо канцлера Нессельроде, адресованное Киселеву. В нем в частности говорилось: «В Вашем сугубо конфиденциальном письме Вы сообщаете о содействии, которое встретили в доброжелательности и мудрости господина графа де Мории. Я хотел бы, чтобы он знал, насколько Император ценит услуги, которые он оказал в этих деликатных обстоятельствах...». Далее Нессельроде подчеркнул, что Морни оказал важную услугу не только императору Николаю I, но и «своему государю, воспрепятствовав тем самым его вовлечению на ложный путь, куда его направляли неосмотрительные советники»<sup>132</sup>. Под последними канцлер явно имел в виду Друэн де Люиса и Персиньи.

Когда летом 1853 г. резко обострился русско-турецкий конфликт, обозначив перспективу вмешательства в него Франции и Англии на стороне Порты, Морни пытался оказывать сдерживающее влияние на Наполеона.

23 июня 1853 г., вскоре после того как Россия ввела свои войска на территорию Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), находившихся под протекторатом султана, Морни пишет записку, в которой предостерегает императора от участия в русско-турецком конфликте. «Самым опасным для будущего Турции была бы война из-за нее между Россией, с одной стороны, и Францией и Англией, – с другой. Россия, – полагал Морни, – имеет на

<sup>130</sup> См.: *Carmona M. Morisy, le vice-empereur*. R, 2005. P. 256. Есть другая, более литературная, редакция этой фразы Наполеона III. «Бог дает нам братьев, – будто бы сказал император французам Киселеву, – друзей же мы выбираем сами». Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 361.

<sup>131</sup> *Morisy, Due de*. Extrait des Memories. Une Ambassade en Russie, 1856. P., 1892. P. 4.

<sup>132</sup> Письмо датировано 12/25 января 1853 г. // *Ibid*. P. 1–3.

Востоке больше ресурсов, чем любая другая держава, к тому же, время работает на нее». Турция, по мнению Морни, может все потерять, и, наоборот, – выиграть от умеренности и сохранения мира. Роковой ошибкой было бы направление на помощь Порте французского и английского флотов. Путь дипломатических согласований, по мнению Морни, во всех отношениях был бы предпочтительнее войны<sup>133</sup>. По его убеждению, на войну с Россией Францию настойчиво подталкивала ее давняя союзница, Англия.

Морни доверительно сообщал об этом в письмах к своей русской приятельнице, княгине Дарье Христофоровне Дивен, проживавшей в

Париже, где в ее доме, превращенном в светский салон, собирался цвет французского политического бомонда<sup>134</sup>. Одновременно он писал княгине Дивен, что император Наполеон «в глубине души никогда не хотел войны и никогда в нее не верил»<sup>135</sup>, но что на него оказывалось мощное давление, изменившее его первоначальные намерения. «Увы, – сокрушенно писал Морни 12 марта 1854 г. Дарье Христофоровне, – я уже не верю, что можно еще что-то сделать, чтобы помешать войне»<sup>136</sup>.

Действительно, миролюбивые призывы Морни на этот раз не были услышаны Наполеоном. Разгром русской эскадры в Синопском морском сражении 30 ноября 1854 г. основных сил турецкого флота поставил Порту на грань поражения, чего не могли допустить ни Англия, ни Франция. В начале января 1854 г. в Черное море вошел объединенный франко-британский флот, что стало прелюдией к разрыву отношений Петербурга с Парижем и Лондоном (27 февраля). А месяц спустя, 28 марта 1854 г., Франция вслед за Великобританией объявила России войну. С того момента, как заговорили пушки, Морни, как истинный патриот своего отечества, тактично замолчал в ожидании лучших времен.

Со времени отставки с поста министра внутренних дел 22 января 1852 г. он много времени уделял решению личных материальных проблем, в полной мере используя свое привилегированное положение при дворе. Когда барон Османн, префект департамента Сена, приступит к перестройке Парижа, Морни, пользуясь своим влиянием, начнет заранее скупать предназначенные для сноса дома и даже целые кварталы, чтобы затем перепродать землю с огромной прибылью. Он приобретет и приведет в порядок старинный замок с прилегающей территорией в районе Лализолль в Оверни, где станет принимать своих друзей – музыкантов и литераторов. Чаше других у него гостит Жак Оффенбах. Личным секретарем у Морни одно время будет работать начинающий писатель Альфонс Доде. Впоследствии он выведет своего патрона в образе герцога де Мора в романе «Набоб», а Эмиль Золя возьмет Морни как прототип графа де Марен в романе «Его превосходительство Эжен Ругон».

Отсюда, из овернской глуши, Морни продолжает дружескую переписку с княгиней Ливен, находившейся с началом войны в Брюсселе и мечтавшей вернуться в Париж<sup>137</sup>. «Я стал настоящим деревенским жителем, – писал он ей 30 сентября 1854 г. – На мне огромные башмаки, одежда из холстины, соломенная шляпа. Я думаю теперь лишь о том, что меня окружает – о яйцах, о баранах... Живу я среди лесов и занимаюсь строительством фермы: составил план замка, с террасами, садами и т. д. Я не думаю больше о политике, газеты читаю с безразличием и скукой. Не забываю я только о Вас, моя дорогая княгиня. Два Ваших письма, которые я здесь получил, доставили мне несравненное удовольствие. Ибо ничто так

<sup>133</sup> Ibid. P. 5–7.

<sup>134</sup> См. о ней: *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

<sup>135</sup> Au temps de la Guerre de Crimée. Correspondance inédite du comte de Morny et de la princesse de Lieven // *La Revue des Deux Mondes*. 1966, 1-er février. P.P. 229, 331.

<sup>136</sup> Ibid. P. 330.

<sup>137</sup> В конце марта 1854 г., уже после разрыва дипломатических отношений между Петербургом и Парижем, граф де Морни, навестит свою приятельницу в Брюсселе, подчеркнув тем самым, что, вопреки обстоятельствам, остается ее верным другом.

не согревает мое сердце, как желание быть Вам хоть чем-то полезным. Надеюсь, что по моем возвращении [в Париж] я сделаю для Вас что-то большее»<sup>138</sup>.

Видимо, Морни уже знал о намерении императора вернуть его к активному участию в государственных делах. Действительно, 12 ноября 1854 г. граф де Морни, которого Наполеон III, то ли в шутку, то ли всерьез, называл неисправимым орлеанистом, был назначен председателем Законодательного корпуса, т. е. нижней палаты парламента Второй империи.

С этого момента Морни вновь становится неременным участником принятия важнейших государственных решений. Наполеон консультируется с ним по всем вопросам внутренней и внешней политики, хотя и не всегда разделяет его точку зрения. Как уже говорилось, в марте 1854 г. император не внял доводам Морни, предостерегавшего императора от войны с Россией ради защиты интересов Оттоманской Порты. После взятия Севастополя в сентябре 1855 г. Наполеон III стал склоняться к прекращению Восточной, как ее называли во Франции, войны в Крыму, оказавшейся слишком затратной по части человеческих и финансовых потерь. Именно Морни с его непонятным для тюильрийско-го двора русофильством, Наполеон поручит поиски путей примирения с Россией, где с февраля 1855 г. царствовал молодой император Александр II.

Кстати, о русофильстве Морни. В какой степени о нем можно (и можно ли) говорить всерьез?

Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Скорее всего, истоки пророссийских настроений у сводного брата императора французов следует искать в неприятии им курса на безоговорочное следование в фарватере британской внешней политики, характерное для Франции со времен Июльской монархии. Будучи тогда сторонником Франсуа Гизо (недалеком Наполеон III, как бы в шутку, называл своего брата орлеанистом), Морни тем не менее, не одобрял проводимой министром иностранных дел Луи-Филиппа линии на достижение «сердечного согласия» с Великобританией. Морни полагал, что такое «согласие» в большей степени выгодно Лондону, нежели Парижу, чьи интересы нередко приносятся в жертву британским.

Вторая империя в значительной степени унаследовала традицию тесного взаимодействия с сент-джеймским кабинетом, что наиболее ярко проявилось в период обострения Восточного кризиса в 1853 г. Активными приверженцами этого курса в ближайшем окружении Наполеона III были императрица Евгения, министр иностранных дел Э. Друэн де Люис и министр внутренних дел В. де Персиньи. Именно они подталкивали императора французов к войне с Россией, вопреки предостережениям «пацифиста» Морни, который считал, что на Востоке Франция будет воевать не за свои, а за британские интересы.

Женевьева Жилль, публикатор переписки Морни с княгиней Ливен, называет его «убежденным англофобом»<sup>139</sup>. Если даже это определение и слишком категорично, то оно все же не лишено оснований. Опасаясь чрезмерного усиления Англии, Морни видел в России реальный противовес британскому влиянию, становившемуся опасным для интересов Франции. При этом, надо сказать, Морни накануне Крымской войны явно находился во власти преувеличенных представлений о военной мощи России, равно как и под обаянием внушительной фигуры Николая I, которого он считал единственным арбитром в Европе. Поэтому беспрепятственная высадка франко-британского экспедиционного корпуса

<sup>138</sup> Au temps de la Guerre de Crimée. Correspondance inedite du comte de Morny et de la princesse de Lieven // La Revue des Deux Mondes. 1966, 1-er fevrier. P. 344. Морни имел в виду получить у императора разрешение для княгини Ливен вернуться в Париж, чего она страстно желала и о чем неоднократно его просила. Настойчивые ходатайства Морни в конечном счете увенчались успехом, несмотря на активное противодействие главы британского кабинета лорда Пальмерстона, считавшего, видимо, Дарью Христофоровну шпионкой Николая I. 1 января 1855 г. княгиня Ливен вернется в Париж. См. об этом: *Таньшина Н.П.* Указ. соч. С. 271–276.

<sup>139</sup> Au temps de la Guerre de Crimée. Correspondance inedite du comte de Morny et de la princesse de Lieven // La Revue des Deux Mondes. 1966, 1-er fevrier. P. 228.

в Крыму и последовавшая серия неудач русской армии явились для него полной неожиданностью и даже потрясением. В письме княгине Ливен от 30 сентября 1854 г. он признается, что все это для него «необъяснимо» и «невероятно»<sup>140</sup>. Но даже после падения Севастополя, уже не сомневаясь в поражении России, Морни тем не менее не изменил свой взгляд на нее, как на желательного партнера Франции.

Трудно сказать, были ли у него накануне и в период Крымской войны какие-то иные, кроме сугубо политических, мотивы доброжелательного отношения к России, – ничто, казалось бы, об этом не свидетельствует, – но все его дальнейшие действия подтверждают, что недаром в окружении Наполеона III он слыл последовательным русофилом.

Когда в Париже открылся мирный конгресс, Морни, оставаясь за кулисами переговоров, оказывал, как мог, поддержку графу Орлову и барону Бруннову. Поэтому никто в Париже не удивился, когда император Наполеон принял решение направить послом в Россию именно графа де Морни. «Ореол вокруг его происхождения, непринужденность и очаровательность манер, тонкий вкус, глубокое знание человеческой природы, умение нравиться и с блеском подать себя; Морни обладал редким сочетанием всех качеств, необходимых для исполнения той блестящей и трудной роли, которую ему предстояло сыграть», – отмечал французский историк Франсуа Шарль-Ру<sup>141</sup>.

Разумеется, столь высокий уровень посла был в полной мере оценен в Петербурге – как самим императором Александром, так и новым главой его дипломатии князем А.М. Горчаковым. Последний, как уже говорилось, заочно был знаком с Морни. Будучи посланником при венском дворе, Горчаков поддерживал с ним конфиденциальную переписку в целях скорейшего прекращения войны. Теперь им предстояло открыть новую главу в отношениях России и Франции. Одним словом, в Петербурге с очевидным интересом ожидали приезда Морни.

Завершив все необходимые приготовления, 4 июля Морни отправился в дальний путь, который ему предстояло преодолеть по железной дороге, а на заключительном этапе – в карете. В состав чрезвычайного посольства были включены десять дипломатов и восемь военных<sup>142</sup>. Среди первых – близкий к Морни депутат Законодательного корпуса граф Иоахим-Жозеф-Андре Мюрат, внучатый племянник, знаменитого наполеоновского маршала, графы де Л'Эспин и Велль де Ла Валетт, герцог де Граммон-Кадерусс, виконт де Симеон и др. В числе военных – бригадные генералы Лебёф, Фроссар и Дюмон, полковник Рель, капитан де Бофремон, лейтенант маркиз де Галифе – все участники Крымской кампании, что должно было подчеркнуть уважение французской армии к недавнему противнику на полях сражений. Одни члены посольства отправились вместе с Морни, другие присоединятся к нему в Берлине, где он сделает очередную остановку.

Выбирая маршрут следования, Морни решил на несколько дней остановиться в Висбадене, столице герцогства Нассау, где в это время проходила лечение водами вдовствующая императрица Александра Федоровна, супруга Николая I и мать царствующего императора Александра II. До замужества и перехода в православие ее звали Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина Прусская. Она была дочерью короля Фридриха-Вильгельма III и приходилась сестрой правящему королю

Фридриху-Вильгельму IV и кронпринцу Вильгельму, будущему германскому императору Александра Федоровна никогда не забывала о своих корнях и старалась воспитывать старшего сына, которому предстояло унаследовать престол, в германофильском духе. В Висбадене императрицу-мать, помимо свиты, сопровождал ее младший сын, великий князь

<sup>140</sup> Ibid. P. 344.

<sup>141</sup> Charles-Roux F. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. 2-me ed. P., 1913. p. 110–111.

<sup>142</sup> Полный состав посольства Морни см.: ААЕ. Personnel. 1-re serie. № 3022.

Михаил Николаевич. В это время велись переговоры о его женитьбе на принцессе Цецилии Баденской.

Мории было интересно познакомиться с императрицей, ее сыном и их окружением, в лице которых он мог столкнуться в Петербурге с влиятельными противниками сближения с Францией. Под предлогом водолечения он остановился в Висбадене и поспешил засвидетельствовать почтение вдовствующей императрице. Та приняла его весьма любезно, но за подчеркнутой вежливостью, которую не разделяли приближенные императрицы, Мории смог усмотреть нерасположение «старого двора» к Наполеону III и его представителю. «Я был тронут любезным приемом, который мне был здесь оказан, но не смог избавиться от ощущения какого-то недоверия по отношению к нам...», – писал он министру иностранных дел Валуевскому. «Императрица-мать, как пруссачка и как русская, – продолжал Мории, – никогда не должна была любить Францию, и я уверен, что последние обстоятельства, ранившие ее сердце, не могли изменить ее нерасположение к нам»<sup>143</sup>. По этому поводу Мории остроумно заметил, «если русский человек вообще недолюбливает французов, то русский, привитый к немцу, глубоко нас ненавидит»<sup>144</sup>.

Во время путешествия Мории встречался с русскими дипломатами, аккредитованными при различных германских дворах. И везде он чувствовал в них закалку предыдущего царствования, своего рода «школу Нессельроде», с ее приверженностью к Германии и неприязнью к Франции.

От этих первоначальных впечатлений, ввергнувших было графа де Мории в пессимизм, не осталось и следа, стоило ему только оказаться в Петербурге, где его встретили с непривычным для дипломатических условностей радушием, как долгожданного и дорогого гостя.

В Петербург Мории прибыл в ночь с 5 на 6 августа. Последний участок пути от Кенигсберга, где заканчивалась железнодорожная ветка, идущая из Берлина, до столицы Российской империи – ему и его спутникам пришлось проделать в каретах, на что ушло трое суток.

К приезду посла французский временный поверенный Ш. Боден успел снять для него элегантный особняк графа Воронцова-Дашкова, расположенный на левом берегу Невы, неподалеку от Зимнего дворца.

Там и разместилась посольская резиденция. На следующий день, прежде чем приступить к делам, Мории занялся развешиванием доставленных из Франции картин и гобеленов. Он лично руководил этими работами. И только убедившись, что все в доме приведено в надлежащий порядок, во второй половине дня 6 августа посол отправился с визитом к князю Горчакову, с которым обговорил детали предстоящего вручения верительных грамот императору Александру. Мории не мог не обратить внимания на то, как молниеносно был решен для него вопрос о высочайшей аудиенции. Князь В.Л. фон Эстергази, посол Франца-Иосифа I, прибывший в Петербург раньше Мории, все еще обсуждал с Горчаковым возможность и дату такой аудиенции. Это, конечно же, не было случайностью. Официальный Петербург даже не считал нужным скрывать свое недовольство предательским поведением Вены в завершившейся Крымской войне.

Утром 7 августа Мории в сопровождении всего состава посольства выехал в Петергоф, где в это время находился император. В Петергофе французскую делегацию разместили во дворце, расположенном в Английском парке, где Мории и Горчаков обсудили последние детали аудиенции. По завершении переговоров, в установленный час, к особняку подкатили дворцовые кареты, на которых Мории и его сотрудники были доставлены к Большому

---

<sup>143</sup> *Momy, Due de.* Op. cit. P. 64, 65.

<sup>144</sup> *Ibid.* P. 65–66.

дворцу. Там, в Тронном зале, в присутствии высших сановников империи граф де Мории вручил императору свои верительные грамоты, после чего, поочередно представил членов посольства. Александр II приветствовал их на безупречном французском языке. Слегка грасируя, он сказал несколько подходящих случаю фраз. Граф Иоахим де Мюрат, который оставит подробное описание поездки в Россию и коронации Александра II, запишет свое первое впечатление о царе: «Внешне, быть может, менее импозантный по сравнению с императором Николаем, Его Величество обладает не менее благородной и полной непринужденности осанкой. У него высокая стройная фигура, его лицо несет на себе отпечаток открытой души, прямого и надежного сердца. Природная доброта, отражающаяся на его лице, не исключает наличие в нем энергии и твердости характера»<sup>145</sup>.

По завершении официальной части аудиенции Александр и Мории удалились для беседы тет-а-тет. Вот что написал об этом Мории в депеше графу Валуевскому, составленной на следующий день: «Вчера я получил высочайшую аудиенцию в Петергофе. Император с ласковой приветливостью протянул мне руку... и сказал: «Я очень рад видеть вас здесь. Ваше присутствие знаменует счастливое окончание ситуации, которая не должна более повториться. Я очень признателен императору Наполеону и никогда не забуду того доброжелательного влияния, которое он оказывал в нашу пользу на ход мирных переговоров. Граф Орлов докладывал мне также, насколько он был тронут внимательным расположением графа Валуевского. Я прошу вас передать ему за это мою благодарность». Потом он добавил, что император Наполеон приобрел в лице графа Орлова горячего друга. Орлов вернулся из Парижа полностью им очарованным. Кроме того, сказал император, я тронут до глубины души тем обхождением и той добротой, с которой император и императрица французов отнеслись ко всем офицерам, которых я отправлял в Париж. [...]

«Я не устану повторять, – продолжал император, – насколько я счастлив видеть все эти признаки сближения, и если у войны и была какая-то хорошая сторона, то она состоит в том, что она показала нам, как велики симпатии обоих народов друг к другу и взаимное уважение обеих армий, в какой мере обе нации симпатизируют одна другой, и насколько две наши армии прониклись взаимным уважением».

Я ответил на это, писал Мории министру иностранных дел, что император Наполеон имеет аналогичное мнение, и что он совершенно осознанно включил в состав чрезвычайного посольства тех военных, кто был в Крыму и кто имел случай оценить упорство и мужество русской армии. [...]

«В том, что император Наполеон прислал сюда именно вас, господин граф, – продолжал Александр, – я вижу новое свидетельство его расположения ко мне. Я знаю, что занимаемое вами во Франции положение не предполагает выполнение миссии за границей, и потому я особенно признателен за то, что сюда направили именно вас».

Вернувшись к началу нашего разговора, продолжал в своем донесении Мории, император заверил меня в его искреннем желании достигнуть доброго согласия с Францией и императором Наполеоном. Он сказал мне: «В сущности, такое желание было и у моего отца. Я искренне сожалел о недоразумении, случившемся между ним и вами. Что же касается меня, то вы можете положиться, даю вам в том слово чести, на прямоту и искренность моих намерений, и если когда-нибудь, господин граф, у вас возникнут хотя бы малейшие сомнения, обращайтесь прямо ко мне, вы всегда встретите у меня полнейшую готовность выслушать вас и откровенно объясниться с вами»<sup>146</sup>.

<sup>145</sup> Murat, Joachim-Joseph-André. Le Couronnement de l'empereur Alexandre II. Souvenirs intimes de l'ambassade de France. P., 1883. P. 36.

<sup>146</sup> Депеша Мории графу Валуевскому от 8 августа 1856 г. // ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 77–85 verso. См. также: Morny, Due de. Op. cit. P. 63–80.

Морни невольно сопоставлял свои новые впечатления с теми, которые он вынес из встречи с императрицей-матерью в Висбадене. «В конце концов, – писал он Валуевскому, – в Висбадене я видел старый двор, оставшийся под впечатлением прежних скорбных воспоминаний; здесь же, в Петербурге, доброе расположение, выказываемое к Франции, представляется мне более искренним, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что слова, сказанные мне императором, выражают чувства, разделяемые большинством русского общества. Прием, который был оказан здесь г-ну Бодену и членам посольства, прибывшим сюда месяцем ранее, полностью подтверждает это, свидетельствуя об особой симпатии в отношении Франции и императора французов»<sup>147</sup>.

«Я нашел здесь совсем другую обстановку, – писал Морни, – новые люди, новая политика. Князь Горчаков откровенно излагает свои принципы, не скрывая своих симпатий и антипатий. Он заявляет, что всегда был приверженцем добрых отношений между Францией и Россией, и он публично признается в том, что испытывает глубокое восхищение и личную расположенность к императору французов. Он сохраняет признательность за то доброжелательство, которое королева Гортензия некогда проявляла по отношению к нему»<sup>148</sup>. Он демонстрирует новую манеру ведения дел – очень четкую и самостоятельную, подчеркивая, что согласился взять на себя руководство иностранными делами исключительно по той причине, что взгляды императора Александра полностью совпадают с его собственными убеждениями»<sup>149</sup>.

Морни предполагал пробыть в Петергофе день или два, но император удержал его при себе на трое суток. Посол был приглашен участвовать в праздновании дня рождения царствующей императрицы, хотя это не предусматривалось правилами этикета. Утром 8 августа все члены французского посольства отстояли утомительную для католиков службу в дворцовой церкви по случаю 32-летия императрицы, а по ее окончании были представлены членам многочисленной императорской фамилии, которые выказывали французам свое расположение и самые дружеские чувства к Франции, императору Наполеону и императрице Евгении.

Вечером, в Большом дворце был устроен бал, перед началом которого Мария Александровна представила графу своих фрейлин. Среди них – совсем еще юную княжну Софью Трубецкую. Никто, включая самого посла Франции, и предположить не мог, что эта, в сущности, случайная встреча будет иметь самые серьезные последствия для 44-летнего Морни и 18-летней Софи Трубецкой.

Бал завершился поздним ужином, за которым император обратился к каждому из присутствующих членов французского посольства с приветственным тостом, найдя для каждого теплые слова.

Обратный путь в Петербург Морни и его спутники проделали на борту прогулочного парохода, совершив приятное путешествие по Финскому заливу. Последующие дни у французских дипломатов и военных ушли на знакомство со столицей империи и ее наиболее именитыми обитателями, оказавшимися на удивление просвещенными людьми, свободно говорившими на иностранных языках и много путешествовавшими по Европе. С воцарением императора Александра II все, кто хотел, получил возможность выезжать за границу, что было немыслимо в предыдущее царствование.

Первым шагом Морни в качестве посла Наполеона III была организация приема для членов дипломатического корпуса и чинов первых четырех классов российской правящей элиты, т. е. не ниже действительного статского советника (генерал-майора). Дело в том, что

<sup>147</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 81 recto verso; *Morny, Due de*. Op. cit. P. 73.

<sup>148</sup> Князь Горчаков встречался с Гортензией Бонапарт в Италии, где он, будучи молодым дипломатом, служил в российских посольствах в Риме и Флоренции. – П.Ч.

<sup>149</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 78 recto verso; *Morny, Due de*. Op. cit. P. 66.

Мории прибыл в Петербург, когда там не было еще послов великих держав (в лучшем случае наличествовали лишь поверенные в делах), и по этой причине он автоматически становился дуайеном дипломатического корпуса<sup>150</sup>, что налагало на него дополнительные обязанности. В своей резиденции на набережной Невы он давал прием и как посол императора французов, и как дуайен. Мории подошел к этому делу со всей возможной тщательностью, вникая во все детали украшения интерьеров, сервировки стола и тонкости кухни. Желая произвести впечатление на своих гостей, Мории привлек для консультаций лучших знатоков здешнего протокола из дворцового ведомства. В связи с тем, что число приглашенных превысило первоначальные расчеты, Мории организовал два приема с интервалом в несколько дней, распределив гостей по двум категориям.

Первый прием, разумеется, был приурочен к 15 августа, дню рождения Наполеона I, вновь ставшему национальным праздником Франции. День начался с торжественной мессы в католическом храме св. Екатерины, где, помимо посольских и петербургских французов, присутствовали товарищ министра иностранных дел граф И.М. Толстой<sup>151</sup>, личный представитель императора Александра, и только что назначенный посол России при тюильрийском дворе генерал-адъютант граф П.Д. Киселев<sup>152</sup>.

А вечером во дворце Воронцова-Дашкова состоялся прием, своей утонченной пышностью поразивший всех, кто на нем присутствовал. Через несколько дней был организован второй, не менее торжественный прием. А накануне 15 августа граф де Морни был приглашен в Петергоф, где обедал наедине с императорской четой. Пользуясь случаем, посол передал Александру II только что доставленную для него из Парижа Большую орденскую ленту Почетного легиона, знак особого внимания со стороны Наполеона III.

На 22 августа был назначен отъезд двора на коронацию в Москву. В оставшиеся дни Морни и его сотрудники продолжали знакомство с достопримечательностями Петербурга – с богатейшей коллекцией Эрмитажа и внушительным собранием Императорской библиотеки, где им показали десятки писем Генриха IV и ценнейшие документы из архивов Бастилии, с еще недостроенным Исаакиевским, а также с Казанским и Петропавловскими соборами, с Адмиралтейством... В числе достопримечательностей оказалась и популярная цыганская труппа, на выступление которой дипломатов зазвал кто-то из их русских коллег. Пораженные французы впервые в жизни слушали завораживающее цыганское пение, сопровождавшееся неистовыми плясками. Для них это стало подлинным открытием. Ведь до написания оперы Жоржа Бизе «Кармен», где впервые в европейской музыкальной культуре зазвучала цыганская тема, было еще далеко – целая четверть века. В России же цыганские музыкальные труппы уже в начале XIX столетия были желанными гостями не только в столичных трактирах и ресторанах, но также в дворянских домах и усадьбах.

А один из дипломатов, случайно заглянув на местный «блошинный рынок», принес оттуда купленный за 15 копеек (50 сантимов) диковинный трехструнный инструмент под интригующим названием «balalaika». Чтобы оживить этот инструмент, пришлось отыскать умельца, одетого в холщовую рубаху, в лаптях вместо сапог. Виртуозная игра самодельного музыканта, извлекавшего из трех струн широкую гамму звуков, передававших все оттенки настроений – от празднично-разгульного до рвущего душу отчаяния – вызвала восторг у соотечественников и современников Адана, Гуно, Берлиоза и Оффенбаха.

Тем временем в Петербург стали съезжаться прибывшие на коронацию послы европейских держав, среди которых лорд Гренвил, посол Ее Величества королевы Виктории. К

<sup>150</sup> Как уже отмечалось в Петербурге уже находился посол Австрии князь Эстергази, но к тому времени он еще не получил аудиенции и не вручил верительные грамоты, что не давало ему официального статуса. По этой причине Эстергази не мог претендовать на звание дуайена, хотя фактически прибыл в Россию гораздо раньше Мории.

<sup>151</sup> Он временно замещал заболевшего князя А.М. Горчакова.

<sup>152</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 123–125.

моменту отъезда двора в Москву лорд Гренвил успеет получить аккредитацию, как и уязвленный демонстративной обструкцией князь Эстергази.

В шесть часов утра 22 августа с Николаевского вокзала Санкт-Петербурга с небольшим интервалом отошли два специальных состава с членами иностранного дипломатического корпуса. В одном из них следовала французская миссия. В те годы поезд из Петербурга в Москву обычно находился в пути ровно сутки. Но в данном случае руководство Николаевской железной дороги сделало все возможное и невозможное, чтобы сократить время движения состава до шестнадцати часов. Примерно в 22 часа того же дня оба состава прибыли на Николаевский вокзал первопрестольной столицы России.

Французская дипломатическая миссия была устроена в двух просторных городских усадьбах. Граф де Мории разместился во дворце Рахманова, находившегося между улицами Петровка и Неглинная, а его сотрудники – в расположенной неподалеку усадьбе Корсакова.

На следующий день французские дипломаты с нескрываемым волнением и интересом приступили к знакомству с городом, в котором сорок четыре года назад квартировала Великая армия Наполеона и с оставлением которого началось крушение Первой империи. Со времени ее разорения осенью 1812 г. Москва разительно изменилась и похорошела. Повсюду выросли новые красивые здания, мирно соседствующие с архаичными деревянными постройками. Полуразрушенный по приказу маршала Э. Мортье Кремль был давно восстановлен и теперь представлял взорам во всей своей неповторимой красоте вместе с Большим Кремлевским дворцом, перестроенном при императоре Николае. Но прежде всего, москвичи восстановили сгоревшие и пострадавшие храмы, бесчисленные купола которых сверкали золотом на уже не знойном в конце августа солнце. Граф Мюрат философски усмотрел в этой живописной картине «соединение великолепия с традицией» и даже «протест прошлого против нестабильности будущего»<sup>153</sup>.

При знакомстве французов с городом произошел курьезный инцидент. Два молодых дипломата, покуривая сигары, не спеша прогуливались по Тверскому бульвару, когда были задержаны и доставлены в полицейскую часть. Оказалось, что они нарушили запрет на курение на улицах, за что полагался солидный штраф. Конечно, дипломатов вскоре отпустили и даже, в порядке исключения, не оштрафовали, а эта история стала предметом шуток среди членов дипломатического корпуса. Вообще, Москва с присущей ей причудливой смесью Европы и Азии, роскоши и убожества, столь непохожая на европеизированный Санкт-Петербург, произвела неизгладимое впечатление на французов.

29 августа в первопрестольную прибыла царская чета, а 7 сентября состоялась коронация. Перед ее началом французская делегация привлекла к себе всеобщее внимание. Все иностранные представители подъезжали к Успенскому собору Кремля в каретах, которые останавливались у самого входа в храм. И только французы во главе с графом де Мории оставили свои кареты у ворот Кремля и, выйдя из них, с непокрытыми головами пешком прошли весь путь до Успенского собора, что вызвало одобрительный гул в толпе. «Император Александр был коронован этим утром в Успенском соборе Кремля, – писал Мории графу Валуевскому в коротком перерыве между коронационными торжествами. – Мне не хватает времени, чтобы описать все детали этой величественной церемонии, которая совершилась в обстановке чрезвычайной торжественности, характер которой во всех отношениях отмечен величием, оставив неизгладимое впечатление в памяти всех, кто при этом присутствовал. В ближайшие дни я представлю вам подробный отчет об этой церемонии...»<sup>154</sup>.

А накануне, 6 сентября, в резиденцию Мории из дворцового ведомства был доставлен объемистый пакет, в котором находились ордена для всех членов французского посольства

<sup>153</sup> Murat, Joachim-Joseph-André. Op. cit. P. 81–82.

<sup>154</sup> Из депеши Морни от 7 сентября 1856 г. // ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 205 recto verso.

и наградные патенты. Сам посол был удостоен высшего знака отличия Российской империи – ордена св. Андрея Первозванного. Генералы Лебёф, Фроссар и Дюмон получили ордена св. Станислава 1-й степени, граф Мюрат и полковник Рель – ордена св. Анны 2-й степени с бриллиантами. Остальные французские дипломаты и военные были отмечены орденами Станислава и Анны 3-й степени. Вскоре стало известно, что наград удостоились и другие члены иностранного дипломатического корпуса, присутствовавшие на коронационных торжествах, но лишь одному иностранному послу была оказана честь получить орден Андрея Первозванного. Этим послом оказался граф Огюст де Морни<sup>155</sup>.

Коронационные торжества в Москве продолжались до середины октября. Все это время Морни часто встречался с императором и князем Горчаковым, которые подчеркивали особенное расположение к послу Франции, выделяя его из всех остальных. Своими впечатлениями о России, ее императоре и князе Горчакове Морни поделился с Наполеоном III в личном письме от 15 сентября 1856 г.<sup>156</sup>

«Мой добрый император, – писал Морни из Москвы. – Я хотел бы написать вам в спокойном состоянии, но именно его-то мне и не достает в вихре празднований, церемоний, балов, смотров, визитов и т. д. Надо сказать, русские умеют веселиться».

Морни отметил, что «все члены императорской фамилии при встречах неизменно интересуются новостями, относящимися к Вашему Величеству и императрице», а к послу императора французов относятся со всей возможной «обходительностью и изысканной учтивостью», явно следуя поведению императора Александра. «Император обходится со мной с таким вниманием, какого никогда не достаивался ни один из послов», – подчеркнул Морни.

Далее он высказал свое мнение об императоре Александре и его замыслах. «По всей стране ощущается недовольство режимом, существовавшим при императоре Николае, – заметил Морни. – В этом еще не признаются на самом верху, но действуют в соответствии с существующими настроениями недовольства. Император Александр добр и мягок, он преисполнен желанием дать больше свободы; не вмешиваться, как это было прежде, в частную жизнь; предоставить возможность путешествовать за границу всем, кто этого желает. [...] Он много размышляет о реформах, проводит серьезные амнистии, даже в отношении поляков. Он намерен строить железные дороги. В широком плане можно сказать, что он стоит у начала либерального пути, который, возможно, и плохо согласуется с характером этого народа, но на котором, я убежден, мы обязаны его поддержать». Это тем более важно, что император Александр искренне расположен к Франции.

Затем Морни высказал свое мнение о князе Горчакове, ближайшем сподвижнике императора. «Это умный, живой человек, который демонстрирует независимость и свободно высказывает свои мысли, – писал Морни. – Он не скрывает, что отныне торжествует его система и уверяет, что император принял его программу действий. Суть этой программы в следующем:

Россия впредь никогда не должна ссориться с Францией, которая, по многим причинам, является ее подлинным союзником. Франция – это великая и хорошо управляемая нация. Император Наполеон пользуется безоговорочной поддержкой своего народа.

Горчаков помнит, как приветливо обходилась с ним королева Гортензия; он хранит талисман, который она ему подарила во время его пребывания в Италии. Император Александр, в бытность его наследником престола, не одобрял политики императора Николая. Он понимает интересы императора Наполеона – в том, куда и каким образом вести французский народ, и он не имеет намерений ни препятствовать ему, ни каким-то образом ограничивать его устремления, и он был бы счастлив однажды прийти к тому, чтобы между двумя

---

<sup>155</sup> Ibid. Fol. 207.

<sup>156</sup> Полный текст письма см.: *Morny, Due de*. Op. cit. P. 90–98.

императорами установились прочные и долгосрочные отношения, не задевающие Англию. Наконец, он [Горчаков] остался бы полностью удовлетворен, если бы ему удалось сохранить нынешнюю ситуацию: очень хорошие отношения с Францией, хорошие – с Англией, и очень плохие – с Австрией. Он намерен ускорить восстановление России после случившегося с ней падения, и эти его намерения можно понять».

«Вот почему я вам советую, – подчеркнул Морни, адресуясь к Наполеону: подумайте, нельзя ли пойти на какие-то непринципиальные уступки в отношении императора России ради достижения согласия с ним. Поверьте, я не нахожусь под его обаянием, я все принимаю здесь со спокойной учтивостью. Я ни о чем [их] не прошу и ничего не обещаю. Но я не могу не считаться с мнением французов, проживающих в этой стране на протяжении тридцати лет. Они никогда не видели ничего подобного, они преисполнены гордости за то, как нас здесь принимают, как с нами обходятся, и в каком привилегированном положении находится здесь Франция.

Мое глубокое убеждение состоит в том, – констатировал Морни, – что нам предпочтительней и легче договориться с Россией, нежели с Германией, которая в душе нас ненавидит. Я убежден, что было бы полезно рассмотреть какие-то проекты на будущее. Скоро в Париж возвращаются наши генералы, спросите об их впечатлениях и сравните с моими наблюдениями, которые я вам искренне изложил. Что бы вы ни решили, я думаю, вы не будете сожалеть, что направили меня в Россию, где я не произвел плохого впечатления».

Морни поделился с императором и другими своими наблюдениями о стране пребывания. «Наилучшее впечатление оставляет о себе армия, в особенности кавалерия, она великолепна, – писал он. – Армия находится в центре внимания императора и великих князей, которые занимаются ею с полным знанием дела. Со своей стороны, армия, здоровая в своей основе, фанатично предана [императору]. Однако ее командным кадрам явно не достает индивидуальной инициативности. Офицеры великолепно воспитаны, вежливы, говорят по-французски и по-немецки, прекрасно держатся в седле. Их усердие поощряется многочисленными и разнообразными наградами».

Не обошел Морни вниманием и самый насущный для России середины XIX века вопрос – крепостное право. «Аристократы уже не напоминают бывших бояр. Крепостное право для них теперь не больше чем слово, чего не скажешь о мелких провинциальных помещиках. Совершенно искренне пытаются найти решение этого [злополучного] вопроса, тормозящего развитие сельского хозяйства. Однако решение представляется очень трудным, так как крестьянин совершенно убежден в том, что если сам он и принадлежит своему господину, то уж земля-то принадлежит ему, крестьянину. Можно легко предположить, что когда однажды ему скажут: «Ты свободен», он немедленно потребует землю. Надо сказать, что государственные крестьяне здесь уже не рабы. Вообще же, слово «раб» предпочитают не использовать, заменяя его понятием «собственность».

По мнению Морни, с которым решительно не согласился бы его соотечественник, небызвестный маркиз де Кюстин, побывавший в России в 1839 г., «злоупотребления здесь редки, они сурово пресекаются императором и осуждаются общественным мнением».

«Народ на улицах – это в большинстве своем вчерашние крестьяне, ставшие горожанами; он добр и послушен, – продолжал делиться своими наблюдениями Морни. – Здесь почти не видно присутствия полиции во время различных празднеств. Народ повсюду имеет свободный доступ, его можно встретить даже в дворцовых прихожих. Император может свободно и без всякого сопровождения, утром или вечером, выйти из дворца и отправиться на прогулку – пешком, верхом или в коляске, посреди уличной толпы. Видя такое, невольно начнешь размышлять о том, какими могут быть отношения между правителями и народами», – мечтательно заключил Морни, имея в виду, что такое положение вещей совершенно немис-

лимо на его родине, где со времен убийства Генриха IV французские монархи никогда не чувствовали себя в безопасности в окружении своих подданных.

В череде бескончаемых приемов и балов Мории не забывал о главном – о цели своей миссии. Инструкции, полученные им еще в Париже, а также письма графа Валевского, поступавшие в Петербург и Москву<sup>157</sup>, ориентировали Мории на достижение трех основных целей: добиться от России выполнения условий Парижского мира, и прежде всего территориального разграничения в Дунайских княжествах и на Кавказе; склонить Александра II и его министра иностранных дел князя Горчакова к заключению тройственного союза между Францией, Россией и Англией; прояснить уровень напряженности между Петербургом и Венной, имея в виду планы Наполеона III в Северной Италии, традиционно считавшейся сферой австрийского влияния. Между тем император французов давно присматривался к Савоие и Ницце. Кроме этого, инструкции предусматривали желательность подписания с Россией торгового трактата, хотя сам Мории мечтал о большем – о союзном договоре.

Самым простым делом для Мории оказалось выяснение отношения Александра II к императору Австрии Францу-Иосифу I. Собственно говоря, оно не было секретом для тюильрийского двора еще со времени Парижского мирного конгресса, где граф Орлов едва скрывал неприязнь к австрийскому представителю графу Карлу-Фердинанду Буолю-Шауэнштейну. Но в том, насколько эта неприязнь распространяется на Габсбургскую империю и ее монарха, Мории убедился при личных контактах с Александром II.

Беседа как-то в Москве с полюбившимся ему французским послом, царь разоткровенничался: «Верьте мне, отец мой питал величайшее удивление и глубокое сочувствие к императору Наполеону, и никто более его не рукоплескал государственному перевороту и его последствиям. Позвольте мне рассказать подробность, вам, быть может, неизвестную, которая даст вам возможность оценить по достоинству поведение каждого. Когда учреждалась империя во Франции и никто уже не сомневался в том в Европе, австрийский кабинет в предвидении этого события выразил надежду, что Россия не признает императора Наполеона в форме, установленной для законных европейских государей. Не мне обвинять моего отца. Он считал себя, может быть, слишком носителем преемственных преданий, но, конечно, он меньше бы придерживался их, если бы не последовало помянутое приглашение. Не могу спокойно говорить о таком поведении Австрии здесь, в этом самом кабинете в Кремле, в Москве, вспоминая, что тут я был свидетелем получения моим отцом просьбы о помощи императора австрийского и отдачи им немедленных приказаний, сохранивших Францу-Иосифу его корону<sup>158</sup>. О! Эта Австрия! Какая коварная политика! Теперь она ищет оправдать себя, приписывает вам, Франции, почин в требовании территориальной уступки в Бессарабии»<sup>159</sup>.

Мории стал убеждать Александра, что интересы Франции не имеют ничего общего с тем, что пытается внушить Австрия. «Достаточно посмотреть на карту, – сказал посол, – чтобы стало понятно, где и чей присутствует интерес и от кого могут исходить соответствующие инициативы»<sup>160</sup>. Лучший способ избежать подобных недоразумений, добавил Мории, – обсуждать все текущие политические вопросы непосредственно с императором французов.

Более сложным оказался для Мории вопрос об исполнении Россией решений Парижского мира о демилитаризации районов недавних военных действий и демаркации границ. Сложность во многом проистекала от давления, которому подвергалась здесь Россия со

<sup>157</sup> См.: ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 212. Fol. 89–97.

<sup>158</sup> Речь идет о военной интервенции 1849 г. Венгрии, предпринятой Николаем I по настоятельной просьбе Франца-Иосифа I. Венгерская революция против австрийского господства была тогда подавлена с помощью русских штыков, что спасло Габсбургскую империю от распада. – П.Ч.

<sup>159</sup> *Татищев С. С.* Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2005. С. 186.

<sup>160</sup> *Momy, Due de.* Op. cit. P. 106–107.

стороны Англии, Австрии и, разумеется, Турции, требовавших немедленного вывода русских войск из Карса и территориальных уступок в Дунайских княжествах. По условиям мира 1856 г. (ст. 30), Россия уступала Турции дельту Дуная, которая была присоединена к Добрудже, непосредственному владению Порты, и юго-западную часть Бессарабии (район Измаила), которая вошла в состав княжества Молдавия. Но как только началось уточнение новой русско-турецкой границы в районе населенного болгарскими городка Болград на р. Ялпук, при впадении ее в одноименное озеро, выяснилось, что Россия и ее партнеры по переговорам по-разному смотрят на карту делимитации этих границ. Многое стало зависеть от позиции Франции, взявшей на себя роль арбитра между спорящими сторонами. По ее инициативе, стороны согласились на созыв в Париже международной конференции для рассмотрения спорных вопросов<sup>161</sup>.

Еще до начала ее работы Морни и Горчаков начали обсуждение темы делимитации границы. Их переговоры, начавшиеся в Москве, продолжились после возвращения двора в Петербург в середине октября 1856 г. Александр и его министр иностранных дел дали понять послу Наполеона III, что рассчитывают в разрешении возникших противоречий на содействие императора французов.

9 ноября 1856 г. Морни сообщил Валуевскому о своей встрече с Горчаковым, который передал ему слова Александра II: «Император, мой государь, поручил мне сказать вам, что он передает в руки императора Наполеона разрешение всех существующих разногласий. Он уполномочивает его передать Турции в полное владение Змеиный о-в и дельту Дуная, уступить Болград и Молдавию в обмен на то, что [император французов] сочтет справедливым. Принимая столь трудное решение, император Александр рассчитывает на лояльность и твердость императора Наполеона в том, чтобы побудить каждую из договаривающихся держав к строгому выполнению всех условий Парижского договора»<sup>162</sup>.

«Я спешу немедленно сообщить вам, мой дорогой граф, эту радостную новость, венчающую ту трудную работу, которая была проделана во имя восстановления спокойствия в Европе, – писал Морни по этому поводу министру иностранных дел Валуевскому. – Мне остается лишь выразить глубокое удовлетворение тем, что с самого первого дня приезда в Санкт-Петербург я встретил здесь полное доверие со стороны императора Александра и князя Горчакова»<sup>163</sup>.

Вскоре из Парижа был получен ответ, с которым Морни ознакомил Горчакова. «Его Величество, – писал Валуевский, – глубоко тронут доверием императора Александра, передавшего ему заботу о разрешении противоречий, которые разделяют державы, подписавшие Парижский договор. Отказываясь от требований на владение Болградом и соглашаясь на передачу Турции Змеиного острова и дельты Дуная, Россия приобретает очевидную признательность Европы, и император счастлив видеть в этой двойной уступке новое проявление возвышенных и миролюбивых устремлений, которые постоянно демонстрирует император Александр...»<sup>164</sup>. После этой благородной уступки со стороны России, по мнению министра иностранных дел Франции, более не остается препятствий для полного исполнения ст. 30-й мирного договора. Решение проблемы Дунайских княжеств, нейтрализация Черного моря и

<sup>161</sup> См. об этом: Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М., 1986. С. 113–115.

<sup>162</sup> Ibid. P. 132–133. Во исполнение достигнутой Морни в Петербурге договоренности, на заседании международной комиссии по делимитации новой русско-турецкой границы французский военный эксперт полковник Бессон предложил обменять уступку туркам Болграда на территорию общей площадью 329 кв. верст к западу от Одессы, переходящую к России. – П.Ч.

<sup>163</sup> *Morny, Due de*. Op. cit. P. 133–134.

<sup>164</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 74. Л. 78–78 об. Валуевский – Морни, 29 ноября 1856 г.

закрытие проливов, подчеркивал Валуевский, – это «три главных условия поддержания европейского равновесия»<sup>165</sup>.

Морни настоятельно советовал министру иностранных дел с вниманием отнестись к тому доверию, которое Россия оказывает Франции в вопросе урегулирования ее противоречий с Англией, Австрией и Россией, подчеркнув, что в Петербурге убеждены в том, что именно Англия и Австрия нарушают Парижский мирный договор<sup>166</sup>. «Франция, – писал Морни, – могла бы здесь сыграть примиряющую роль», так как на императора Наполеона в Петербурге смотрят как на «арбитра Европы»<sup>167</sup>.

Хорошо зная о приверженности Наполеона III союзу с Англией, Морни, тем не менее, в письме к Валуевскому рискнул высказаться достаточно определенно. «Я, конечно, не считаю, что необходимо пожертвовать английским союзом; я не полагаю также, что [надо] менять старых друзей на новых; это было бы и недостойно, и нечестно, – писал он; – но нужно, чтобы верность была взаимной, нужно, чтобы жертвы в этом союзе были равными с той и с другой стороны, и особенно важно, чтобы свидетельства дружбы... проявлялись в равной степени. Без этого, поверьте, как в Европе, так и во Франции, скажут, что мы занимаемся обманом, что мы боимся Англии, что мы находимся в зависимости от нее. Кстати, об этом уже говорят довольно часто. И потом – с англичанами нужно обходиться твердо и без всяких уверток»<sup>168</sup>. «Русское правительство ведет себя очень лояльно и деликатно по отношению к нам», – не преминул добавить посол<sup>169</sup>.

В другом письме он еще более определенно высказался о франко-английском союзе. «Это уже не союз, это – зависимость», – писал Морни Валуевскому. А вот Александр II и князь Горчаков, по его убеждению, преисполнены «самого искреннего желания быть в тесном союзе с императором Наполеоном, с Францией»<sup>170</sup>. «Уверяю вас, что Россия – единственная держава, которая полностью одобрит усиление Франции. [...] А что англичане! Посмотрите, как они вели себя в Константинополе, в Вене, в Турине, в [Дунайских] княжествах? Разве не они повсюду оспаривали политику императора? [...] Англичан я боюсь как огня, – подчеркнул Морни. – Что касается императора России, – а я его очень хорошо изучил, – то я убежден, что на него можно положиться. Это человек чести»<sup>171</sup>. Таким образом, Морни не скрывал, что предпочел бы союз с Россией «зависимости» от Англии, но в этом вопросе его мнение не разделял Наполеон, стремившийся к тройственному союзу, о чем еще будет сказано.

Предостережения Морни относительно выполнения условий мирного договора были вполне обоснованными. После достижения принципиальных договоренностей по делимитации границы в Дунайских княжествах давление Англии и Австрии на Россию не только не ослабло, но даже усилилось. Выдвигались все новые и новые претензии на несоблюдение ею условий мирного договора, что вызывало болезненную реакцию в Петербурге. Однажды Александр откровенно высказался по этому поводу в беседе с Морни. «Я считаю, что поведение англичан и австрийцев со всей очевидностью идет вразрез со статьями [Парижского]

<sup>165</sup> Там же. Л. 79 об -80.

<sup>166</sup> Еще в конце октября 1856 г. Морни сообщал Валуевскому о «вызывающем поведении британской дипломатии в отношении России», крайне раздраженной неоднократным появлением английских военных кораблей у берегов Одессы и Керчи. А продолжающаяся австрийская оккупация Дунайских княжеств, по мнению посла, дает основания России, со своей стороны, не спешить с исполнением предписаний Парижского мира. Все это, «как мне кажется, служит для нее убедительным оправданием», добавил Морни. // ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 213. Fol. 70 recto verso. Морни – Валуевскому, 25 октября 1856 г.

<sup>167</sup> Деша от 25 ноября 1856 г. // Моту, Due de. Op. cit. P. 150–151.

<sup>168</sup> Ibid. P. 152.

<sup>169</sup> Ibid. P. 155.

<sup>170</sup> Carmona M. Op. cit. P. 307.

<sup>171</sup> Моту, Due de. Op. cit., P. 137–139.

договора, – заявил царь. – Я намеревался протестовать, но вы мне в этом помешали, вместо того чтобы помочь. Более того, император [Наполеон] постоянно шадит английское правительство. Когда Бруннов<sup>172</sup> говорил с ним в Компьене о нарушении договора, император не проронил ни единого слова. Откровенно говоря, я боюсь, как бы отношения с Англией не доминировали в его сознании над всем остальным, даже над европейским правом, и я не скрываю перед вами моего беспокойства. Я сделал все, о чем вы меня просили, в моей политике я следовал за вами, и я готов продолжать действовать таким же образом. Но я должен быть уверенным, что моя обеспокоенность не имеет оснований»<sup>173</sup>.

Морни, крайне обеспокоенный этим первым у Александра II проявлением недовольства поведением Франции, поспешил рассеять его подозрения. «Сир, верьте императору Наполеону..., он знает, что делает, – убеждал Морни царя. – Кто вам сказал, что он не проявляет должной твердости в отношении английского кабинета? Он делает это не демонстративно, без публичных угроз, не вредя делу. Я очень хорошо знаю императора. Он любит и уважает Англию. Это великая и благородная страна. Но я даю вам мою голову под заклад, что если бы Англия или какая-то другая держава пошла на очевидное нарушение договора, император [Наполеон] был бы первым, кто воспротивился этому»<sup>174</sup>.

Одновременно Морни прилагал все усилия к тому, чтобы убедить тюильрийский кабинет в необходимости дать Александру II более прочные доказательства приверженности к сближению и сотрудничеству с Россией. Немалое значение в этом, по его убеждению, будет иметь уверенность России в том, что император Наполеон употребит свое влияние на то, чтобы все участники Парижского мирного договора, а не только Россия, строго следовали его постановлениям. Это очень важно, «если мы намерены сохранить здесь влияние и отношения уважительного доверия», считал посол<sup>175</sup>.

Самым трудным для графа де Морни поручением в его дипломатической миссии оказался вопрос о возможности заключения тройственного союза между Францией, Англией и Россией. Еще до того, как он возложил на себя императорскую корону, Наполеон III пришел к убеждению в жизненной важности для Франции (и для династии Бонапартов) поддержания «сердечного согласия» с Англией. В этом вопросе император французов, как уже отмечалось, в корне расходился со своим великим дядей, считая, что противоборство Наполеона I с Англией было его трагической ошибкой, обусловившей падение Первой империи. В отношении к Англии Наполеон III стал продолжателем линии Луи-Филиппа на «сердечное согласие» с владычицей морей, но в отличие от «короля-гражданина» он намерен был проводить более активную европейскую политику с явным желанием «округлить» границы Франции, прежде всего на юге. После окончания Крымской войны Наполеон желал закрепить за собой роль неформального арбитра Европы, а для этого необходимо было уравновесить возросшее влияние Англии союзом с Россией, отодвинув на второй план Австрию и Пруссию. В практической плоскости речь шла о преобразовании «оси Париж – Лондон» в «треугольник Париж – Лондон – Петербург».

Но именно на этом направлении Наполеон III натолкнулся на серьезное препятствие, оказавшееся непреодолимым. Он явно не учел того высокого уровня напряженности, который был характерен для русско-английских отношений, и той неприязни к Англии, которая была свойственна российской правящей элите (к слову сказать, неприязнь была взаимной). Именно Англию в Петербурге считали истинной виновницей Крымской войны, и не наме-

<sup>172</sup> Барон Ф.И. Бруннов временно возглавлял российскую дипломатическую миссию в Париже в ожидании приезда графа П.Д. Киселева, назначенного послом во Франции. – П.Ч.

<sup>173</sup> Из письма графа Морни императору Наполеону от 9 декабря 1856 г. // *Momy, Due de*. Op. cit. P. 173–174.

<sup>174</sup> *Ibid.* P. 174–175.

<sup>175</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 213. Fol. 70 recto verso. *Морни – Валевскому, 9 декабря 1856 г.*

рены были спокойно взирать на продолжавшиеся по ее окончании британские происки в районе Средиземноморья (Греция, Неаполь) и на ближних подступах к России – в Турции, на Кавказе и в Персии.

С первых дней своего пребывания в Петербурге граф де Мори в полной мере осознал то состояние напряженности, которое было характерно для русско-английских отношений. О своем недовольстве британской политикой ему откровенно говорили и император Александр, и князь Горчаков. Но поскольку тройственный союз стал для Наполеона III подлинной “*idee fixe*”, Морни, выполняя волю императора, постоянно возвращался к этой теме в разговорах с царем и его министром. В одном из конфиденциальных писем к Горчакову он отмечал: «...Я глубоко убежден, что для спокойствия в мире необходимо, чтобы три великие державы [Франция, Англия и Россия] пришли к полному согласию между собой, чтобы между ними утвердились отношения взаимного доверия и уважения. Мы вполне могли бы этого достигнуть...», – завершал свою мысль Морни<sup>176</sup>, впрочем, не совсем уверенно, так как и сам не верил в то, что говорил. «Мир подписан, Россия возобновила отношения с тремя великими державами, но ее отношение к каждой из них никогда не было одинаковым, – писал Морни графу Валуевскому 25 октября 1856 г. – Россия пришла к заключению, что Австрия проявила очевидную неблагодарность, а Англия относится к ней более недоброжелательно, чем Франция»<sup>177</sup>.

Морни констатировал отсутствие всякого интереса к идее тройственного союза у своих собеседников в Петербурге. И император, и его министр иностранных дел вежливо выслушивали посла, но ничем не обнадеживали, хотя давали понять – России предпочтителен двусторонний союз с Францией, без участия Англии, а к этому Наполеон не был готов.

Морни конечно не мог знать содержания конфиденциального отчета Министерства иностранных дел, представленного князем Горчаковым на высочайшее имя, но он вполне мог бы подписаться под многим из того, о чем там говорилось. Это прежде всего касалось Англии, которую Горчаков характеризовал как «самое враждебное России государство», не имеющее ни малейших намерений «полностью отказаться от традиционных принципов своей политики»<sup>178</sup>. Как и Морни, Горчаков не верил в безоблачность франко-британских отношений. «У Англии и Франции – слишком различные глубинные интересы, чтобы их близость могла быть продолжительной, – убежденно писал министр иностранных дел России. – Рано или поздно, в реальной политике они неизбежно разойдутся...»<sup>179</sup>. Одним словом, констатировал русский министр, у России нет никаких оснований поддерживать идею Наполеона III. «...Но мы сохраняем молчание в вопросе тройственного союза, – добавлял Горчаков, – оставляя возможность тюильрийскому кабинету сформулировать его планы более определенно, прежде чем мы выскажем наше мнение о его практической ценности»<sup>180</sup>.

Окончательно убедившись в тщетности своих стараний на этом направлении, Морни переключился на другое важное дело. Если не представляется возможным решить вопрос о тройственном политическом союзе, то нельзя ли подписать с Россией двусторонний коммерческий трактат? На это он имел из Парижа соответствующие полномочия.

---

<sup>176</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 74. Л. 38.

<sup>177</sup> ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1856. Vol. 213. Fol. 71.

<sup>178</sup> АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД). Оп. 475. Отчет за 1856 г. Д. 40. Л. 8, 18 об.

<sup>179</sup> Там же. Л. 20 об.

<sup>180</sup> Там же. Л. 19 об.-20.

## Трактат о торговле и мореплавании 14 июня 1857 г.

Вплоть до второй половины XIX в. Франция занимала более чем скромное место в торговых связях России, традиционно отдававшей предпочтение своим давним партнерам – Англии, Голландии и ганзейским городам, по существу, контролировавшим торговые пути через Северное и Балтийское моря. Так, из 457 иностранных торговых кораблей, побывавших в 1766 г. в порту Санкт-Петербурга (единственном тогда в России, наряду с портом Архангельска), 165 были английскими, 68 – голландскими, 40 – датскими. 51 корабль прибыл из Любека, 34 – из Ростова, 25 принадлежали шведским негоциантам, 5 прибыли из Гамбурга, 5 – из Пруссии, 1 – из Франции. Такое положение в целом сохранялось и в дальнейшем. В 1773 г. в Петербургском порту побывали 326 английских торговых судов, 106 голландских и только 11 – французских<sup>181</sup>.

С выходом России в Черное море после присоединения Крыма в середине 80-х гг. XVIII в. и начавшегося освоения Новороссии, где стали строиться морские порты, открылась возможность прямой средиземноморско-черноморской торговли между Россией и Францией. Ее налаживанию должен был способствовать договор о дружбе, торговле и навигации, подписанный в Петербурге 11 января 1787 г. (31 декабря 1786 г. ст. ст.)<sup>182</sup>.

Однако такая возможность не была реализована из-за начавшейся во Франции в 1789 г. революции и последующих наполеоновских войн. В дальнейшем развитие торговых связей России и Франции блокировалось идеологической неприязнью Николая I к Июльской монархии. И лишь в 1846 г., руководствуясь желанием разрушить «сердечное согласие» между Парижем и Лондоном, Николай I санкционировал заключение торгового соглашения с Францией<sup>183</sup>.

Более того, пойдя навстречу пожеланиям французской стороны, переживавшей серьезные финансово-экономические трудности, Россия согласилась выкупить у Французского банка по выгодному для него курсу ценные бумаги на сумму 50 млн. франков, о чем 16 марта 1847 г. в Париже была подписана соответствующая конвенция<sup>184</sup>. Комментируя впечатление, произведенное на французское общество этим важным событием, резидент Третьего отделения в Париже Я.Н. Толстой, работавший там под журналистским прикрытием, сообщал в Петербург: «Предложение нашего правительства о приобретении французской ренты на сумму в 50 миллионов рублей вызвало в Париже невыразимую сенсацию; все разговоры ведутся теперь вокруг этого предмета [...]

Из разговоров с самыми разнообразными людьми... я вывел заключение, что эта сделка считается чрезвычайно выгодной для Франции и рассматривается как один из элементов к заключению в недалеком будущем союза между двумя странами. Некоторые же считают ее ловким шагом со стороны нашего правительства. Их рассуждения основаны на том, что неурожай, постигший Францию, заставит ее сделать в России огромные закупки хлеба, а звонкая монета, предоставленная Франции, не уйдет из России.

<sup>181</sup> Kraatz A. La compagnie française de Russie: Histoire du commerce franco-russe au XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1993. P. 175, 180.

<sup>182</sup> См. об этом: П. П. Черкасов. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 4. М., 2001. С. 26–59.

<sup>183</sup> Текст «трактата о торговле и навигации», подписанного в Париже 16 сентября 1846 г. между Россией и Францией см.: Мартенс Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Францией). 1822–1906. СПб., 1909. С. 205–219.

<sup>184</sup> Танышина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 179.

Любопытно узнать, – завершал свое донесение в Третье отделение Я.Н. Толстой, – какое впечатление произведет эта новость в Лондоне. Я предвижу, что впечатление будет огромное, и все будут поражены»<sup>185</sup>.

Наметившаяся тенденция к оживлению русско-французских торговых связей была прервана Февральской революцией 1848 г. и последующими событиями во Франции – провозглашением Республики, а затем Империи. Обострение злополучного Восточного вопроса и вызванная этим Крымская война (1853–1856 гг.) окончательно похоронили торговый договор 1846 г.

По завершении войны Наполеон III решил воспользоваться сохранявшейся напряженностью в отношениях между Петербургом и Лондоном для широкого продвижения французских товаров и капиталов на обширный и перспективный российский рынок. Наполеон явно надеялся потеснить здесь Англию, сделав Францию одним из основных экономических партнеров России.

Отправляя в Петербург графа де Морни, Наполеон III поручил ему закрепить наметившееся франко-русское политическое сближение подписанием торгового договора, призванного заменить утративший силу трактат 1846 г. В полученных Морни полномочиях говорилось: «Наполеон, милостью Божией и волей нации, император французов..., желая согласия с Его Величеством Императором Всероссийским, в намерении приумножить и укрепить отношения доброй дружбы между Францией и Россией, расширить торговые связи двух наших стран, считает самым эффективным средством способствовать этому путем заключения нового Трактата о торговле и навигации. В этих целях, полностью доверяя способностям, благоразумию и преданности интересам Нашей службы графа де Морни, кавалера Большого креста Нашего Императорского ордена Почетного легиона и др. орденов, Нашего Чрезвычайного посла в России, возлагаем на него полномочия вести переговоры и подписать с уполномоченными на то в равной степени лицами, назначенными Его Величеством Императором Всероссийским те акты, которые будут отвечать интересам двух стран»<sup>186</sup>.

---

<sup>185</sup> Донесение Я.Н. Толстого от 6/18 марта 1847 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 198. Л. 172–173.

<sup>186</sup> Документ был передан графом де Морни министру иностранных дел России А.М. Горчакову//АВПРИ. Ф. 133. Он. 469. 1857 г. Д. 68. Л. 136–137.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.